
КОМПАНИЯ "С-ИНФО ЛТД."
СЕРИЯ "СВОБОДНЫЙ УМ"
В ОДНОМ СЧАСТЛИВОМ ДЕТСТВЕ
Книга для чтения в 3 классе
часть1

ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ ИЗ СЕРИИ "СВОБОДНЫЙ УМ

Р.Н.Бунеев,
Е.В.Бунеева

В ОДНОМ СЧАСТЛИВОМ ДЕТСТВЕ

Книга для чтения в 3 классе
часть 1

С-ИНФО · БАЛЛАС · Москва · 1993

ББК 83.3-922
Б 91

Рецензенты: Т.Д. ШАПОШНИКОВА, канд. пед. наук, ст. научный сотрудник Института научной педагогики и международных исследований в образовании Российской Академии образования.

Н.В. КИДАЙШ-ПОКРОВСКАЯ, канд. филолог. наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. Горького АН России.

А.Е. ВРАГОВА, зам. директора по начальному обучению Гуманитарной гимназии № 1504 г. Москвы.

Книга смакетирована, набрана и свёрстана в издательстве «С-инфо»
Макет и художественное редактирование Петра СЕВЕРЦОВА
Рисунки Галины ЗАСЛАВСКОЙ и Игоря ПАНКОВА

Верстка Раисы БОЛЬШАКОВОЙ
Набор Людмилы ФИЛЯЕВОЙ

Книга для чтения «В одном счастливом детстве» предназначена для занятий с учащимися 3 класса. Цель книги — формирование интереса к самому процессу чтения; интеллектуальное, речевое и эстетическое развитие детей; подготовка к систематическому изучению литературы. Книга построена в форме эвристической беседы, в ней есть постоянно действующие герои. Тексты ситуативно обусловлены и сгруппированы в четырнадцать разделов. Последовательность разделов отражает естественное течение жизни, события, происходящие в семье героев книги. Тексты сопровождены вопросами и заданиями, каждый из разделов завершает письменная творческая работа.

Б $\frac{4306020400 - 01}{Э65 (03) - 93}$ без объявл. Б 91

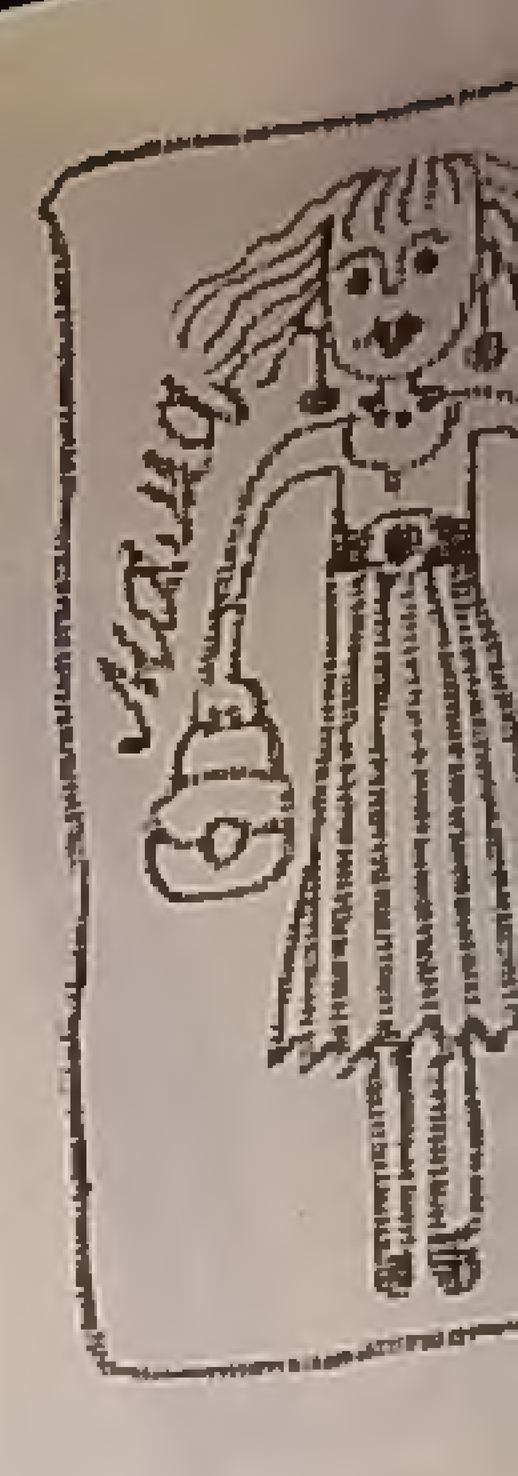
Б 91 БУНЕЕВ Р.Н., БУНЕЕВА Е.В., «В одном счастливом детстве». Книга для чтения в 3 классе. Пособие для учащихся. В 2-х ч., ч. 1; М.: «С-ИНФО», «БАЛЛАС», 1993 — 192 с ил.

ISBN 5-85429-004-9 («С-инфо»)
ISBN 5-85939-001-7 («Баллас»)

Издательская лицензия
ЛР №050089 от 24 июля 1992 года («С-инфо»)
ЛР №070775 от 02 декабря 1992 года («Баллас»)

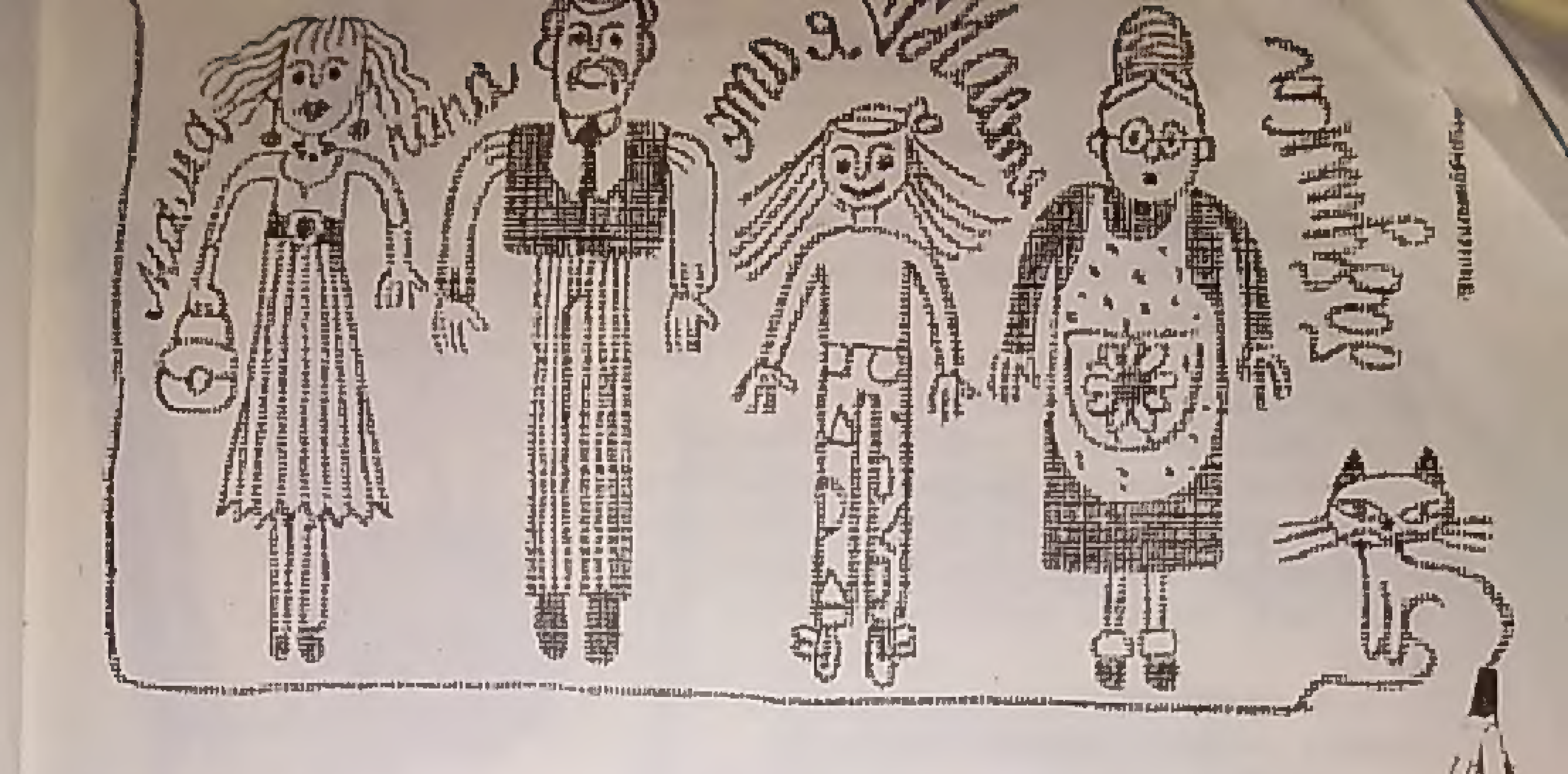
Почтовый адрес издательства:
125284 Москва, а/я 42

Сдано в набор: 10.11.92 г.
Подписано в печать: 1.03.93 г.

ТРЕТЬЕК

Здра
ду: ты
книжку
учебни
кто та
разгова
ривать
Познак
мама,
осенью
ских ц
сте, от
задает
думать
Вм
ном го
комиц
рых т
стью.
их гер

ТРЕТЬЕКЛАССНИКУ, КОТОРЫЙ БУДЕТ ЧИТАТЬ ЭТУ КНИГУ

Здравствуй! Тебе здорово повезло в этом году: ты держишь в руках очень интересную книжку. Только не думай, что это обычный учебник. Это — книга-собеседник. Ты знаешь, кто такой собеседник? Это человек, который разговаривает с тобой. А как же будет разговаривать с тобой книга? С помощью наших героев. Познакомься с ними. Настя и ее семья: папа, мама, бабушка и кот Тихон. Насте 9 лет. Этой осенью она идет в 3-й класс одной из московских школ. Настя, как и все девочки в ее возрасте, очень любопытна. Но вопросы, которые она задает, задают обычно все дети, так что не надо думать, что эта книга для девчонок.

Вместе с героями нашей книги в этом учебном году ты будешь читать и думать. Ты познакомишься со многими писателями, книги которых тебе обязательно захочется прочесть полностью. Ты будешь смеяться и грустить вместе с их героями и нашей Настей. Счастливо!

Авторы-составители книги

А началось всё вот с чего...

Подходил к концу август. Настя вернулась в Москву с дачи, встретилась с друзьями, которых не видела целое лето. Но радость быстро сменилась грустью...

Однажды папа увидел, как Настя сидела у окошка и смотрела на идущий за окном дождик. В глазах стояли слёзы, и она не замечала даже кота Тихона, который тёрся у её ног.

— Что случилось? — спросил папа.

— Мне грустно. Друзья уже рассказали все свои летние истории. На улице дождик, послезавтра в школу, и ещё год ничего интересного не будет...

— А давай приклеим на окошко солнышко, — вдруг предложил папа.

— А разве дождик от этого перестанет? — удивилась Настя.

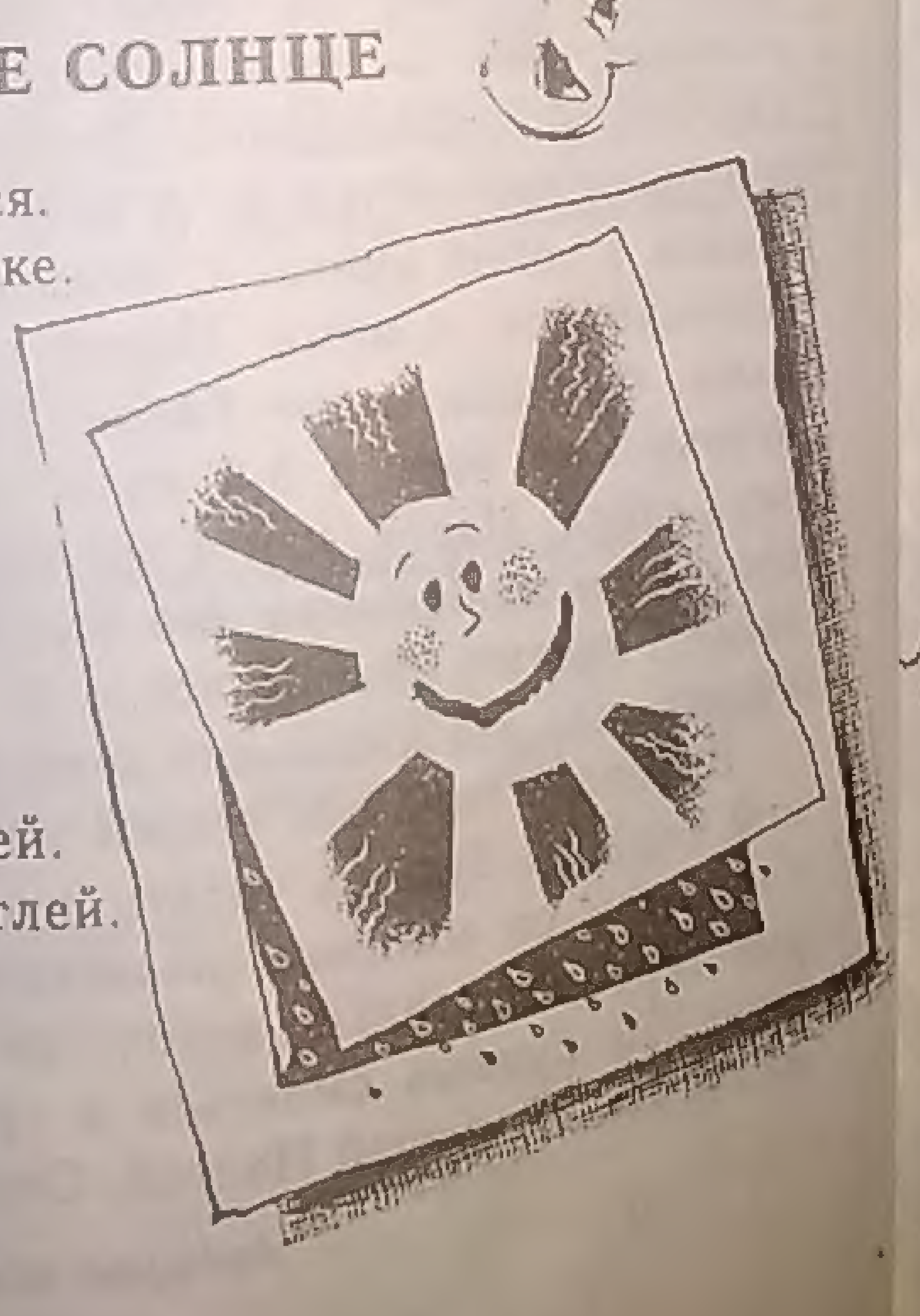
Папа встал, подошёл к книжному шкафу, снял с полки книгу.

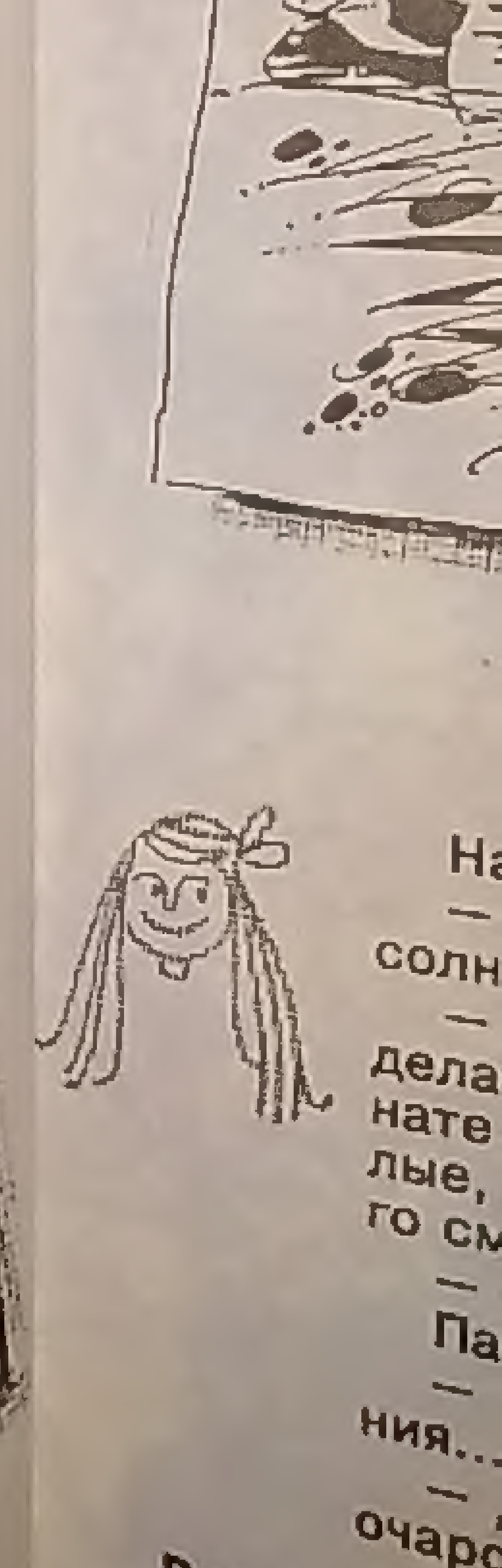
— Прочти эти два стихотворения.

Генрих САПГИР

НАРИСОВАННОЕ СОЛНЦЕ

Скучный дождик льётся.
Чиж уснул на жёрдочке.
Нарисую
Солнце
И приклею
К форточке.
Пусть сияет на окне
И тебе,
И мне!
Видишь, стало веселей.
Стало в комнате светлей.
Дождик сразу
Перестал,
В клетке
Чиж
Защебетал.

Юлий КИМ

СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ

Светлый день,
Светлый день
Весело таращится,
Лупоглазый, как тюлень,
Озорной, как ящерица.

Светлый день,
Как олень,
Скачет и дурачится!
Всё немножко набекрень
И чуть-чуть покачивается.

День —
Клоун расписной:
Дразнит и хохочет,
Что-то прячет за спиной,
Отдавать не хочет.

Но настанет важный миг —
Пёстрый клоун станет тих
И с поклоном вам отдаст
То, что прячет он для вас.

Светлый день!
Светлый день!
Золотая зелень,
Голубая тень.

Пёстрый клоун-сумасброд
Позволяет всем подряд
И что в голову взбредёт!
И куда глаза глядят!

Настя дочитала стихи и улыбнулась:

— А что, всегда, когда грустно, надо приклеивать солнышко на окошко?

— Конечно, нет. Но я могу посоветовать тебе, что делать, чтобы даже в самый хмурый день в твоей комнате было солнечно, чтобы у тебя всегда были весёлые, интересные собеседники. От них ты узнаешь много смешных, увлекательных, таинственных историй.

— Кто же это? — спросила Настя.

Папа показал обложку книги, которую держал в руках.

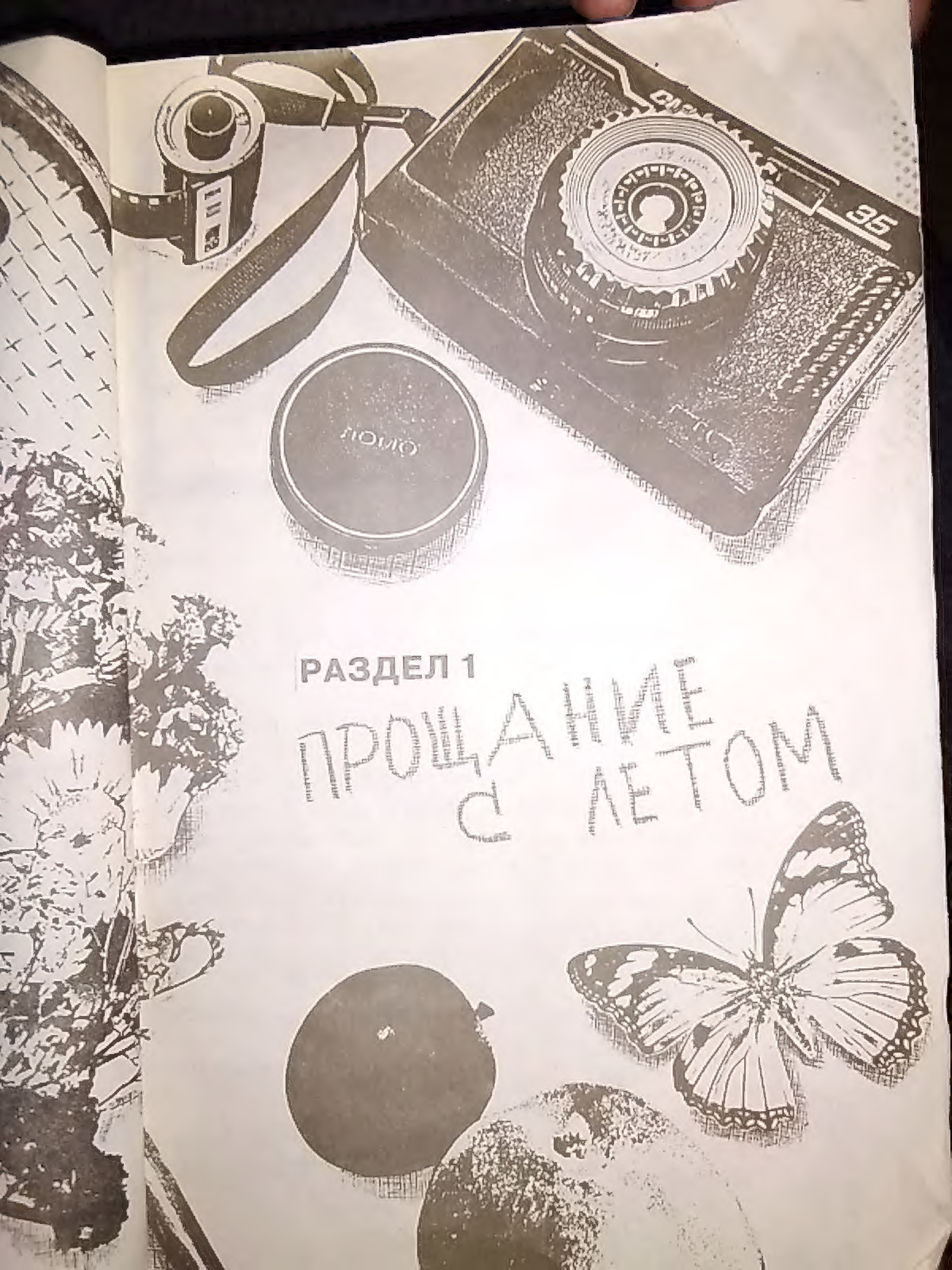
— "В одном счастливом детстве". Книга для чтения..."

— Да это же наш новый учебник по чтению! — разочарованно протянула Настя.

— Не спеши. Давай начнем читать его вместе...

Ребята, присоединимся к нашим героям?

РАЗДЕЛ 1

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

Виктор ДРАГУНСКИЙ

АНГЛИЧАНИН ПАВЛЯ

1.

Завтра первое сентября, — сказала мама. — И вот наступила осень, и ты пойдешь уже во второй класс. Ох, как летит время!..

— И по этому случаю, — подхватил папа, — мы сейчас "зарежем арбуз"!

И он взял ножик и зарезал арбуз. Когда он резал, был слышен такой полный, приятный, зелёный треск, что у меня прямо спина похолодела от предчувствия, как я буду есть этот арбуз. И я уже раскрыл рот, чтобы вцепиться в розовый арбузный ломоть, но тут дверь распахнулась, и в комнату вошёл Павля. Мы все страшно обрадовались, потому что он давно уже не был у нас, и мы по нём соскучились.

— Ого, кто пришёл! — сказал папа. — Сам Павля. Сам Павля-Бородавля!

— Садись с нами, Павлик, арбуз есть, — сказала мама. — Дениска, подвинься.

Я сказал:

— Привет! — и дал ему место рядом с собой.

— Привет! — сказал он и сел.

И мы начали есть и долго молчали. Нам неохота было разговаривать. А о чём тут разговаривать, когда во рту такая вкуснотища!

2,

И когда Павле дали третий кусок, он сказал:

— Ах, люблю я арбуз. Даже очень. Мне бабушка никогда не даёт его вволю поесть.

— А почему? — спросила мама.

— Она говорит, что после арбуза у меня получается не сон, а сплошная беготня.

— Правда, — сказал папа. — Вот почему мы и едим арбуз с утра пораньше. К вечеру его действие кончается, и можно спокойно спать. Ешь давай, не бойся.

— Я не боюсь, — сказал Павля.

И мы опять занялись делом и опять долго молчали. И когда мама стала убирать корки, папа сказал:

— А ты чего, Павля, так давно не был у нас?

— Да, — сказал я. — Где ты пропадал? Что ты делал?

И тут Павля напыжился, покраснел, поглядел по сторонам и вдруг небрежно так обронил, словно нехотя:

— Что делал, что делал?.. Английский изучал, вот что делал.

Я прямо опешил. Я сразу понял, что я всё лето зря прочепушил. С ежами возился, в лапту играл, пустяками занимался. А вот Павля, он времени не терял, нет, шалишь, он работал над собой, он повышал свой уровень образования.

Он изучал английский язык и теперь небось сможет переписываться с английскими пионерами и читать английские книжки. Я сразу почувствовал, что умираю от зависти, а тут еще мама добавила:

— Вот, Дениска, учись. Это тебе не лапта!

— Молодец, — сказал папа. — Уважаю!

3.

Павля прямо засиял.

— К нам в гости приехал студент Сева. Так он со мной каждый день занимается. Вот уже целых два месяца. Прямо замучил совсем.

— А что, трудный английский язык? — спросил я.

— С ума сойти, — вздохнул Павля.

— Ещё бы не трудный, — вмешался папа.–Там у них сам чёрт ногу сломит. Уж очень сложное правописание. Пишется Ливерпуль, а произносится Манчестер

— Ну да! — сказал я. — Верно, Павля?

— Прямо беда, — сказал Павля — Я совсем измучился от этих занятий, похудел на двести граммов

— Так что ж ты не пользуешься своими знаниями, Павлик? — сказала мама — Ты почему, когда вошел, не сказал нам по-английски "здрасте"?

— Я "здрасте" не проходил, — сказал Павля

— Ну вот ты арбуз поел, почему не сказал "спасибо"?

— Я сказал, — сказал Павля

— Ну да, по-русски-то ты сказал, а по-английски?

— Мы до "спасибо" ещё не дошли, — сказал Павля

— Очень трудное пропо-ви-сание

Тогда я сказал:

— Павля, а научи-ка ты меня, как по-английски "раз, два, три".

— Я этого еще не изучил, — сказал Павля

— А что же ты изучил? — спросил я. — За два месяца ты все-таки хоть что-нибудь изучил?

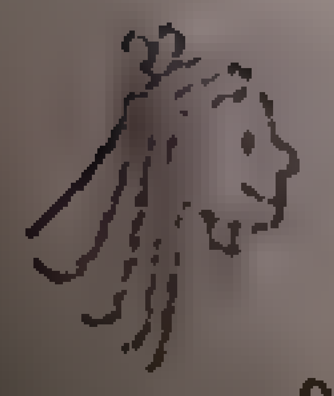
— Я изучил, как по-английски будет "Петя", — сказал Павля.

— Ну как?

— "Пит"! — торжествующе сказал Павля — По-английски "Петя" будет "Пит" — Он радостно рассмеялся и добавил: — Вот завтра приду в класс и скажу Петьке Горбушкину: "Пит, а Пит, дай ластик!" Небось рот разинет, ничего не поймет. Вот потеха-то будет! Верно, Денис?

— Верно, — сказал я — Ну а что ты еще знаешь по-английски?

— Пока все, — сказал Павля

Настя долго смеялась, прочитав рассказ.

— Почему ты смеёшься? — спросил папа

— Ну... потому что... — задумалась Настя. — Смешно очень! А почему, объяснить не могу.

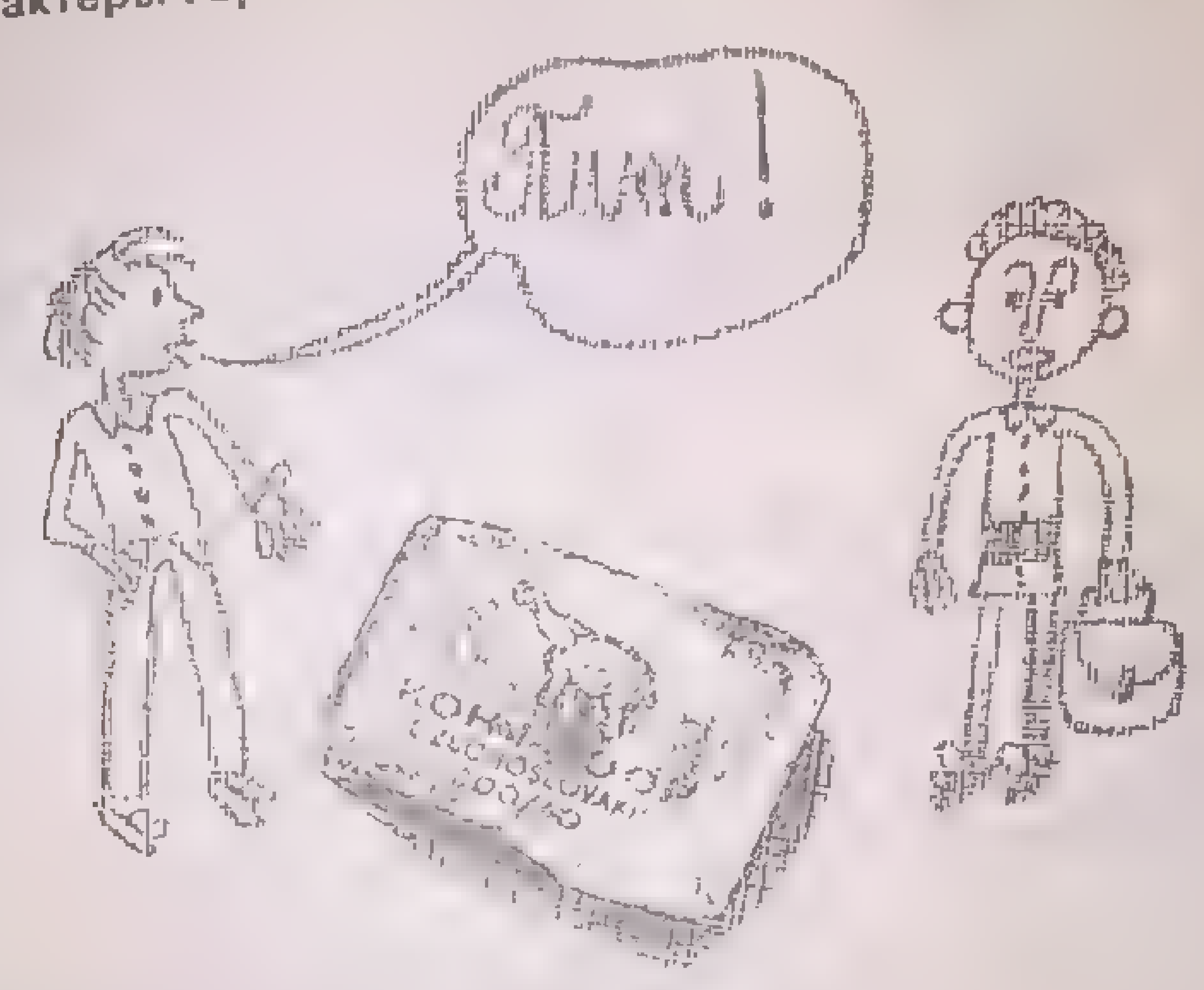
Ребята, а вы можете объяснить:

1. Что смешного в этом рассказе?

2. Почему Виктор Драгунский назвал рассказ "Англичанин Павля"?

3. Кто вам больше понравился — Павлик или Дениска? Почему?

4. Подготовьтесь читать рассказ по ролям. Постарайтесь передать характеры героев.

Настя выключила телевизор и пришла на кухню с надутым видом. Бабушка всплеснула руками и заохала:

— Детка моя, кто тебя обидел?!

— Это вредное телевидение! Показали начало мультика "Трое из Простоквашино", а продолжение только завтра!

Папа отложил газету и хитро прищурился:

— Ну-ка открывай нашу книжку. Что там идет после "Англичанина Павли"?

— Какой-то Эдуард Успенский.

— Какой-то... — передразнил папа. — Ведь это он придумал всех твоих любимых героев: крокодила Гену, Чебурашку, Шарика, Матроскина, дядю Фёдора. А сценарий мультфильма "Трое из Простоквашино" Эдуард Успенский написал сам — по своей книге "Дядя Фёдор, пёс и кот". Кстати, на чём сегодня закончился мультик?

— Дядя Фёдор познакомился с говорящим котом, но родители не разрешили оставить кота у себя, и тогда дядя Фёдор обиделся, и они вместе с котом уехали жить в деревню, — с увлечением пересказывала Настя.

— А хочешь, узнаем, что было дальше, не дожидаясь завтрашнего продолжения мультика? — спросил папа.

— Ещё бы!

Эдуард УСПЕНСКИЙ

ДЯДЯ ФЁДОР, ПЁС И КОТ

Глава вторая

ДЕРЕВНЯ

1.

Дядя Фёдор сел в автобус и поехал. Ехать было хорошо. Автобусы в это время за город совсем пустые идут. И никто им не мешал разговаривать. Дядя Фёдор спрашивал, а кот из сумки отвечал.

Дядя Фёдор спрашивает:

— Как тебя зовут?

Кот говорит:

— И не знаю как. И Барсиком меня звали, и Пушком, и Оболтусом. И даже Кис Кисычем я был. Только всё это мне не нравится. Я хочу фамилию иметь.

— Какую?

— Какую-нибудь серьёзную. Морскую фамилию. Я же из морских котов. Из корабельных. У меня и бабушка, и дедушка на кораблях плавали с матросами. И меня тоже в море тянет. Очень я по океану тоскую. Только я воды боюсь.

— А давай мы дадим тебе фамилию Матроскин, — говорит дядя Фёдор. — И с котами связано, и что-то морское есть в этой фамилии.

— Да, морское здесь есть, — соглашается кот, — это верно. А чем же это с котами связано?

— Не знаю, — говорит дядя Фёдор. — Может быть, тем, что коты полосатые и матросы тоже. У них тельняшки такие.

И кот согласился:

— Мне нравится такая фамилия — Матроскин. И морская, и серьёзная.

Он так обрадовался, что у него теперь фамилия есть, что даже заулыбался от радости. Он поглубже в сумку залез и стал свою фамилию примерять.

"Позовите, пожалуйста, кота Матроскина к телефону".

"Кот Матроскин подойти к телефону не может. Он очень занят. Он на печи лежит".

И чем больше он примерял, тем больше ему нравилось. Он из сумки высунулся и говорит:

— Очень мне нравится, что фамилия у меня не дразнительная. Не то что, например, Иванов или там Петров.

Дядя Фёдор спрашивает:

— Чем это они дразнительные?

— А тем, что всегда можно говорить: "Иванов без штанов. Петров без дров". А про Матроскина ничего такого не скажешь.

Тут автобус остановился. Они в деревню приехали.

2.

Деревня красивая. Кругом лес, поля, и речка недалеко. Ветер дует такой тёплый, и комаров нет. И народу в деревне очень мало живёт.

Дядя Фёдор увидел одного старичка и спрашивает:

— Нет ли у вас тут домика лишнего пустого? Чтобы там жить можно было?

Старик говорит:

— Да сколько хочешь! У нас за рекой новый дом построили, пятиэтажный, как в городе. Так полдеревни туда переехало. А свои дома оставили. И огороды. И даже кур кое-где. Выбирай себе любой и живи.

И пошли они выбирать. А тут к ним пёс подбегает. Лохматый такой, взъерошенный. Весь в репейниках.

— Возьмите меня к себе жить! — говорит. — Я буду вам дом охранять.

Кот не согласен:

— Нечего у нас охранять. У нас и дома-то нет. Ты к нам через год прибегай, когда мы разбогатеем. Тогда мы тебя возьмём.

Дядя Фёдор говорит:

— Ты, кот, помолчи. Хорошая собака ещё никому не мешала. Давай мы лучше узнаем, где он разговаривать научился.

— Я дачу охранял одного профессора, — отвечает пёс, — который язык зверей изучал. Вот и выучился.

— Это, наверно, мой профессор! — кричит кот. — Сёмин Иван Трофимович! У него ещё была жена, двое детей и бабушка с веником. И он всё словарь составлял "Русско-кошачий".

— "Русско-кошачий" не знаю, а "Охотничье-собачий" составлял. И "Корово-пастухачий" тоже. А бабушка теперь уже не с веником. Ей пылесос купили.

— Всё равно это мой профессор, — говорит кот.

— А где же он сейчас? — спрашивает мальчик.

— Он в Африку уехал. В командировку. Язык слонов изучать. А я с бабушкой остался. Только мы с ней характерами не сошлись. Я люблю, когда у человека характер весёлый — колбасно-угощательный. А у неё, наоборот, тяжёлый характер. Венико-выгонятельный.

— Это точно, — поддерживает кот, — и характер тяжёлый, и веник тоже.

— Ну что? Возьмёте к себе жить? — спрашивает пёс. — Или мне потом прибегать? Через год?

— Возьмём, — отвечает дядя Фёдор. — Втроём веселее. Как тебя зовут?

— Шарик, — говорит пёс. — Я из простых собак. Не из породистых.

— А меня дядя Фёдор зовут. А кота — Матроскин, это фамилия такая.

— Очень приятно, — говорит Шарик и кланяется. Сразу видно, что он воспитанный. Из хорошей семьи пёс. Только запущенный.

Но кот всё равно недоволен. Он у Шарика спрашивает:

— Что ты делать умеешь? Просто дом сторожить и замок может.

— Я могу картошку окучивать задними лапами. И посуду мыть — языком облизывать. И места мне не надо, я могу на улице спать.

Очень он боялся, что его не возьмут.

А дядя Фёдор сказал:

— Сейчас будем дом выбирать. Пусть каждый по деревне пройдёт и посмотрит. А потом мы решим, чей дом лучше.

3.

И стали они смотреть. Каждый ходил и выбирал, что ему больше нравится. А потом они снова встретились. Кот говорит:

— Я такой дом нашёл! Весь проконопаченный. И печка там тёплая. На полкухни! Пошли туда жить.

Шарик как засмеётся:

— Что твоя печка — чепуха! Разве это в доме главное? Вот я дом нашёл — это дом! Там такая будка со-

бачья — загляденье! Никакого дома не надо. Все мы в будке поместимся!

Дядя Фёдор говорит:

— Не о том вы оба думаете. Надо, чтобы в доме телевизор был обязательно. И окна большие. Я как раз и нашёл такой дом. Крыша красная. И сад с огородом есть. Пошли его смотреть!

И пошли они смотреть. Как только подошли, Шарик кричит:

— Это же мой дом! Я про эту будку говорил.

— И печка моя! — говорит кот. — Я о такой печке всю жизнь мечтал! Когда холодно было.

— Вот и хорошо! — сказал дядя Фёдор. — Мы, наверное, и в самом деле лучший дом выбрали.

Осмотрели они дом и обрадовались. Всё в доме было. И печка, и кровати, и занавесочки на окнах! И радио, и телевизор в углу. Правда, старенький. И котелки разные на кухне были, чугунные. И в огороде всё было посажено. И картошка, и капуста. Только всё запущено было, не прополото. А в сарае удочка была.

Дядя Фёдор взял удочку и пошёл рыбу ловить. А кот с Шариком печку истопили и воды принесли. Потом они поели, радио послушали и спать легли. Очень им в этом доме понравилось.

Глава третья
НОВЫЕ ЗАБОТЫ

На другое утро дядя Фёдор, пёс и кот дом в порядок приводили. Паутину сметали, мусор выносили, печку чистили. Особенно кот старался: он чистоту любил. Он с тряпкой на все шкафы, под все диваны залезал. Дом и так был не очень грязненький, а тут совсем заблестел. А от Шарика пользы мало было. Он только носился, лаял от радости и чихал во все углы. Дядя Фёдор не выдержал и послал его в огород картошку окучивать. И пёс так заработал, что только земля летела во все стороны.

Весь день они так трудились. И морковь пропололи, и капусту. Ведь они сюда жить приехали, а не в игрушки играть.

А потом они мыться на речку отправились и, главное, Шарика купать.

— Уж больно ты у нас запущенный, — говорит дядя Фёдор. — Придётся тебе отмыться как следует.

— Я бы рад, — отвечает пёс, — только мне помощь нужна. Я один не могу. У меня мыло из зубов выскакивает. А без мыла что за мытьё! Так, намокание!

Он в воду залезал, а дядя Фёдор его намыливал и шерсть расчёсывал. А кот по берегу ходил и всё грустил о разных океанах. Он же был морской кот, просто он воды боялся.

Потом они домой пошли по тропинке под солнышком. А навстречу им какой-то дядя бежит. Румяный такой, в шапке. Лет пятидесяти с хвостиком. (Это не дядя с хвостиком, а возраст у него с хвостиком. Значит, ему пятьдесят лет и ещё чуть-чуть.) Остановился дядя и спрашивает:

— А ты, мальчик, чей? Ты откуда к нам в деревню попал?

Дядя Фёдор отвечает:

— Я ничей. Я сам по себе мальчик. Свой собственный. Я из города приехал.

Гражданин в шапке удивился ужасно и говорит:

— Так не бывает, чтобы дети сами по себе были. Свои собственные. Дети обязательно чьи-нибудь.

— Это почему не бывает?! — рассердился Матроскин. — Я, например, кот — сам по себе кот! Свой собственный!

— И я свой собственный! — говорит Шарик.

Дядя совсем растерялся. Видит, тут и собаки разговаривают, и коты. Что-то необычное здесь. Значит, непорядок. Да к тому же дядя Фёдор сам наступать начал:

— А вы почему спрашиваете? Вы случайно не из милиции?

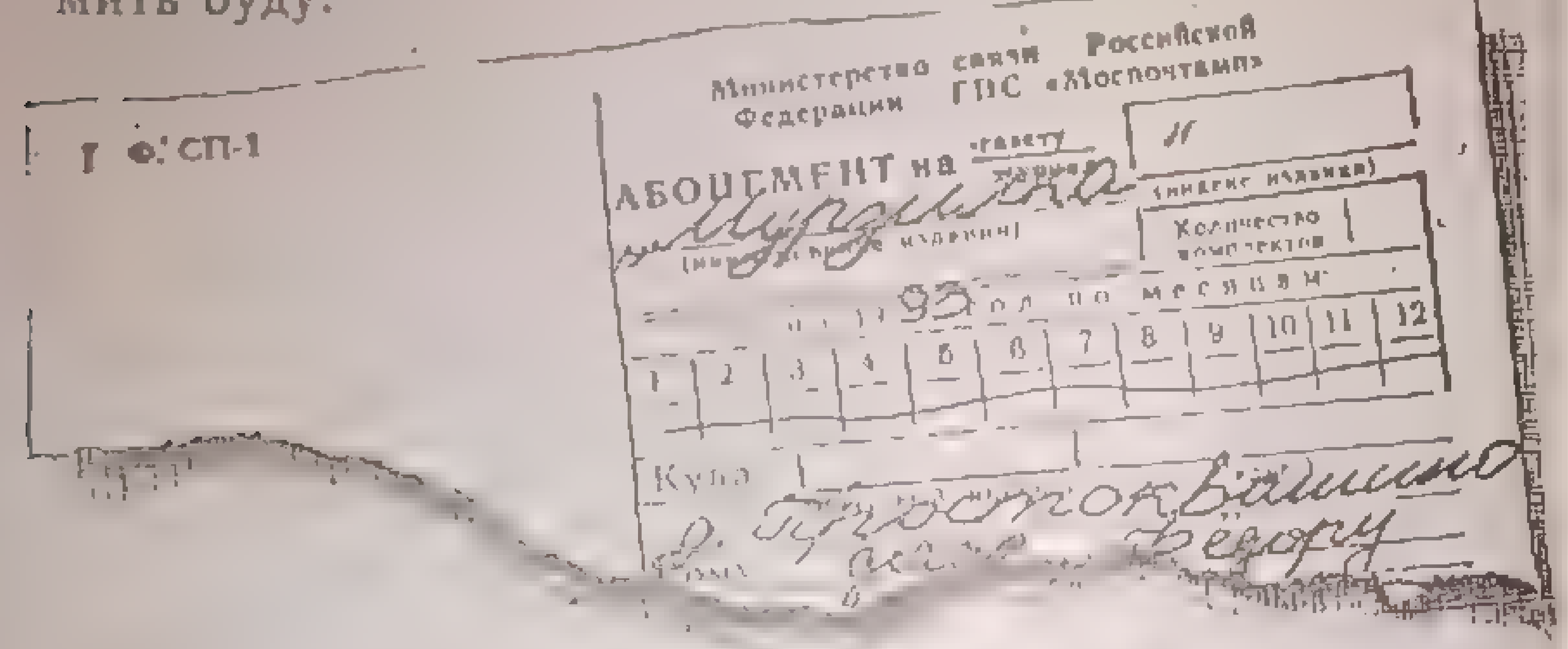
— Нет, я не из милиции, — отвечает дядя. — Я из [illegible]. Я почтальон тутошний — Печкин. Поэтому я всё должен знать. Чтобы письма разносить и газеты. Вы, например, что выписываете?

— Я буду "Мурзилку" выписывать, — говорит дядя Фёдор.

— А я что-нибудь про охоту, — говорит Шарик.

— А вы? — спрашивает дядя у кота.

— А я ничего не буду, — отвечает кот. — Я экономить буду.

Ф. СП-1

Министерство связи Российской Федерации ГПС «Моспочтамт»

АБОНЕМЕНТ на газету / журнал

Мурзилка

(наименование издания)

(индекс издания)

Количество комплектов

на 1995 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда: Простоквашино

Кому: дяде Фёдору

Ребята, ответьте вместе с Настей на такие вопросы:

1. Вспомните мультфильм и сравните с тем, что вы прочитали. Видите разницу?

2. Почему в книге всё подробнее, чем в мультфильме?

3. Расскажите, как дядя Фёдор, пес и кот жили "взрослой" жизнью, когда они очутились в деревне.

4. Расскажите, какими вы представляете себе характеры дяди Фёдора, кота Матроскина, Шарика. Обратите внимание на то, как каждый из героев говорит, то есть на их речь.

5. Почитайте главы по ролям.

Ребята, а в[illegible]
Что вы чувству[illegible]
нили прошедш[illegible]

— Как же всё-таки хорошо, как весело было летом, — вздохнула Настя. — Но я вспомнила лето таким: жаркий день, прохладная речка и холодная вода из колодца, которая вкуснее любого лимонада! А ещё звёзды — огромные, каких не бывает в другое время года...

— А ты знаешь, — помолчав, сказал папа, — что когда падает звезда, надо загадать желание, и оно обязательно сбудется? И ещё говорят, что упавшие звёзды никогда не находят, потому что они падают на дно глубоких колодцев. Вот прочти стихотворение поэта Константина Бальмонта, который писал в первые десятилетия нашего века. Правда, это не детское стихотворение, читай его, не торопясь, и обязательно представляй себе то, о чём читаешь.

— Д[illegible]
летнег[illegible]
больш[illegible]
Папа[illegible]
— П[illegible]
Заходе[illegible]

Константин БАЛЬМОНТ

КАПЛЯ

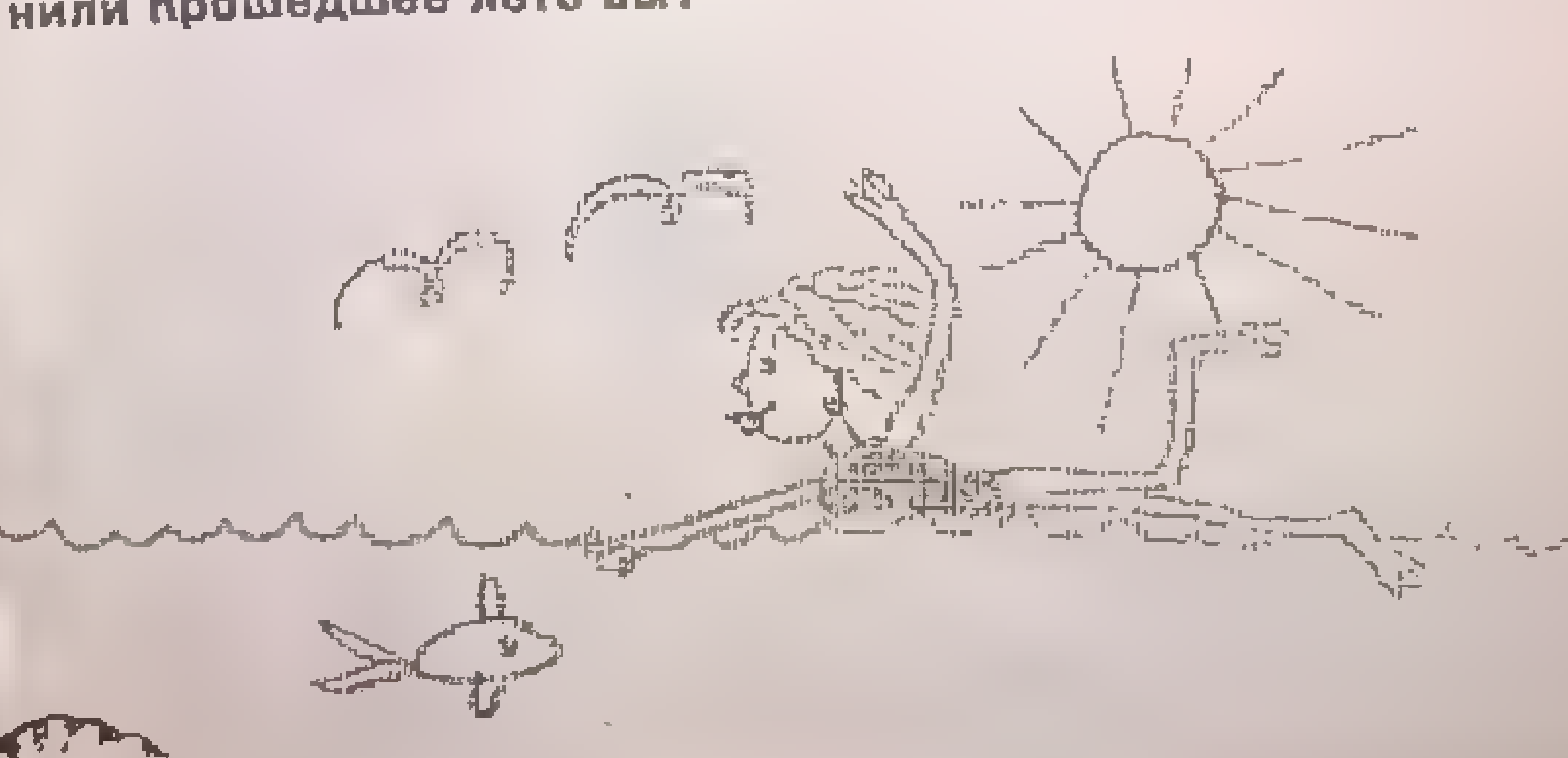
В глухой колодец, давно забытый,
давно без жизни и без воды,
Упала капля — не дождевая,
упала капля ночной звезды.

В колодец мертвый, давно забытый,
где тосковало без влаги дно,
Она упала снежинкой светлой,
от выси неба к земле — звено.

Когда усталый придёшь случайно
к тому колодцу в полночный час,
Воды там много, в колодце — влага,
и в сердце песня, в душе — рассказ

Но чуть на грани земли и неба
зеленоватый мелькнёт рассвет,
Колодец меркнет, и лишь по краю
росистой влаги белеет след.

Ребята, а вы любите смотреть ночью на звёздное небо? Что вы чувствуете при этом? О чём думаете? А каким запомнили прошедшее лето вы?

— Да... — вздохнула Настя. — Нет ничего красивее летнего звёздного неба, правда? А маме почему-то больше всего на свете нравится море...

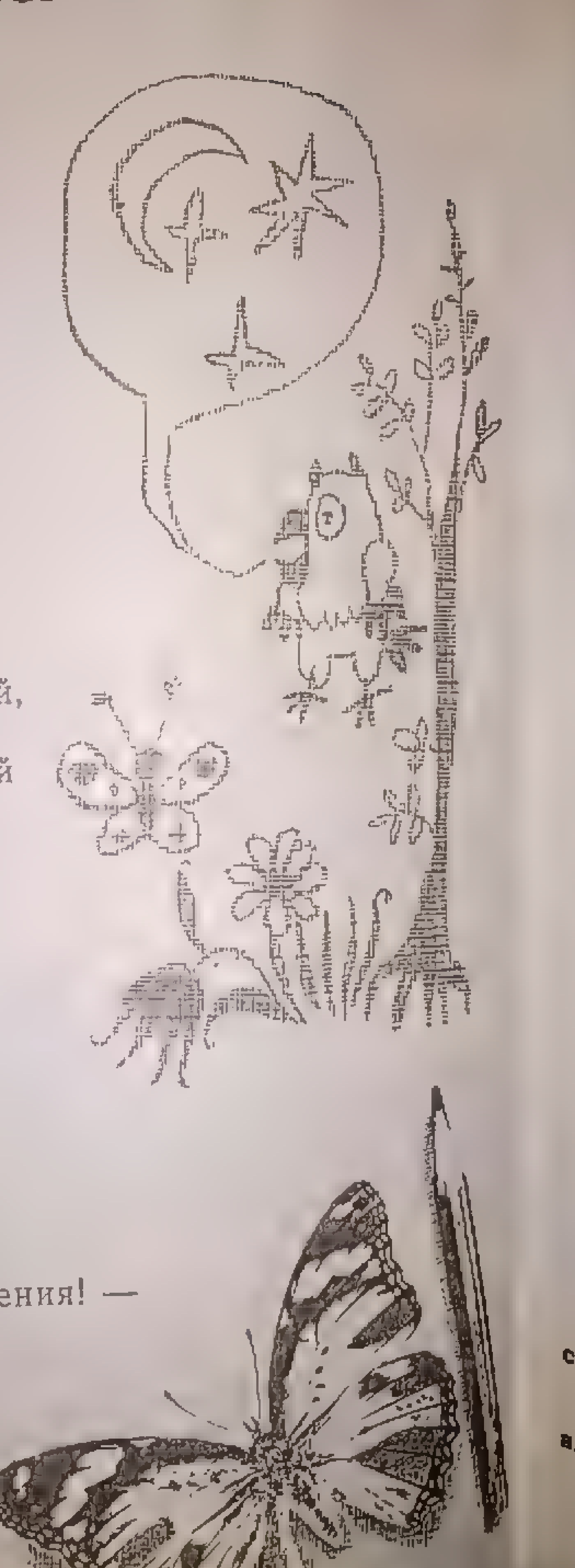
Папа улыбнулся:

— По-моему, именно об этом стихотворение Бориса Заходера.

Борис ЗАХОДЕР

ЧТО КРАСИВЕЙ ВСЕГО?

Ребёнок спросил
Ни с того ни с сего:
— А ну-ка скажи,
Что красивей всего?

Да, вот так вопрос:
"Что красивей всего?"
Ответить
Я сам не сумел на него.
И вот я решил
Послушать ответы
Других обитателей
Нашей планеты.

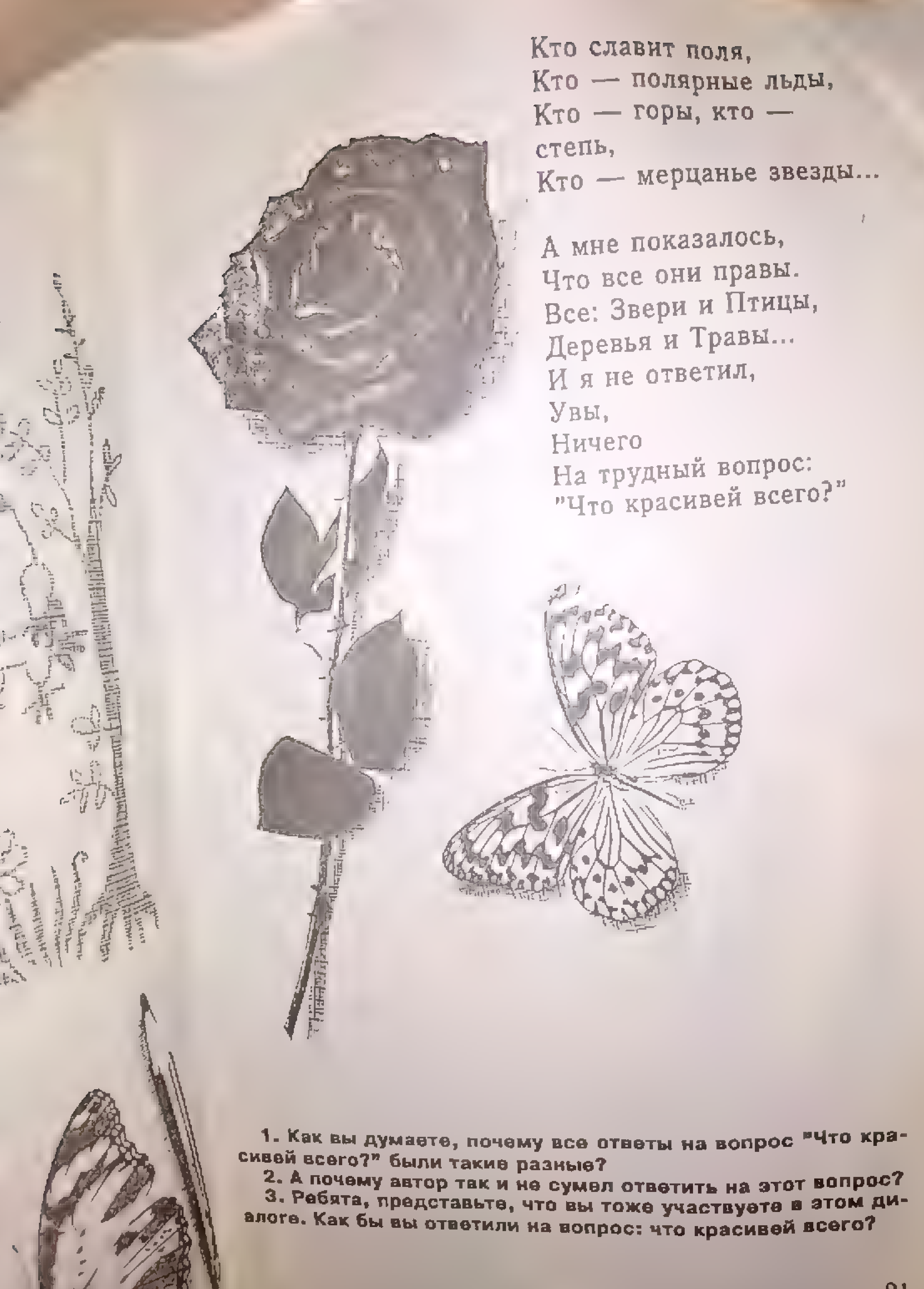
Деревья и Травы
Сказали в ответ:
— Да что же прекрасней,
Чем солнечный свет?!
— Да что же прекрасней
Ночной темноты?! —
Откликнулись Совы,
Сычи и Кроты...

— Леса!..—
Отвечали мне
Волк и Лиса,
Орёл свысока процедил:
— Небеса!

— По-моему, море! —
Ответил Дельфин.
— Мой хвост, без сомнения! —
Крикнул Павлин.

Спрошу Мотылька —
Отвечает: — Цветок!
Спрошу у Цветка —
Говорит: — Мотылёк!

1. Как вы дума...
сивей всего?" бы...
2. А почему авт...
3. Ребята, пред...
алоге. Как бы вы ...

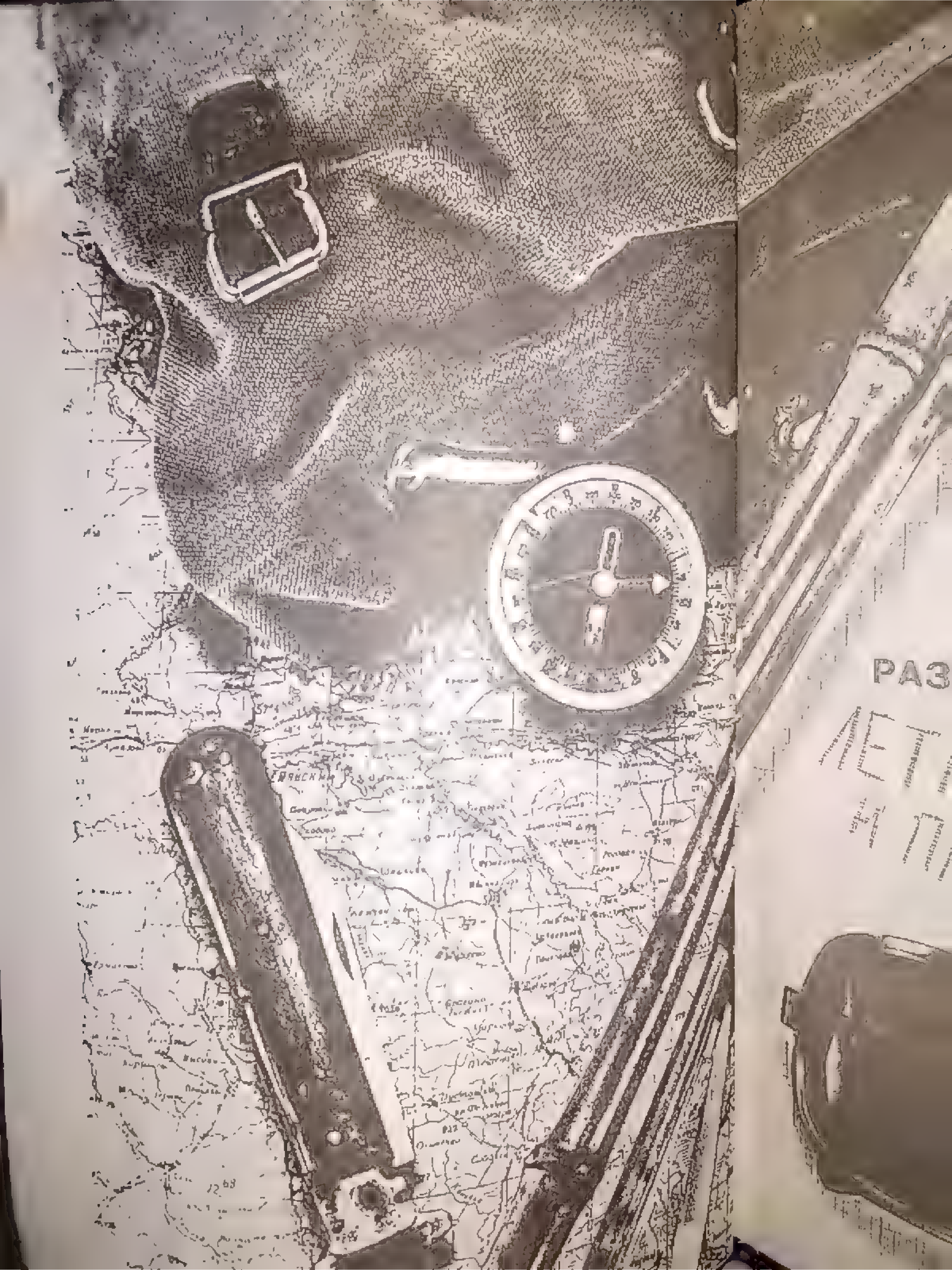
Кто славит поля,
Кто — полярные льды,
Кто — горы, кто —
степь,
Кто — мерцанье звезды...

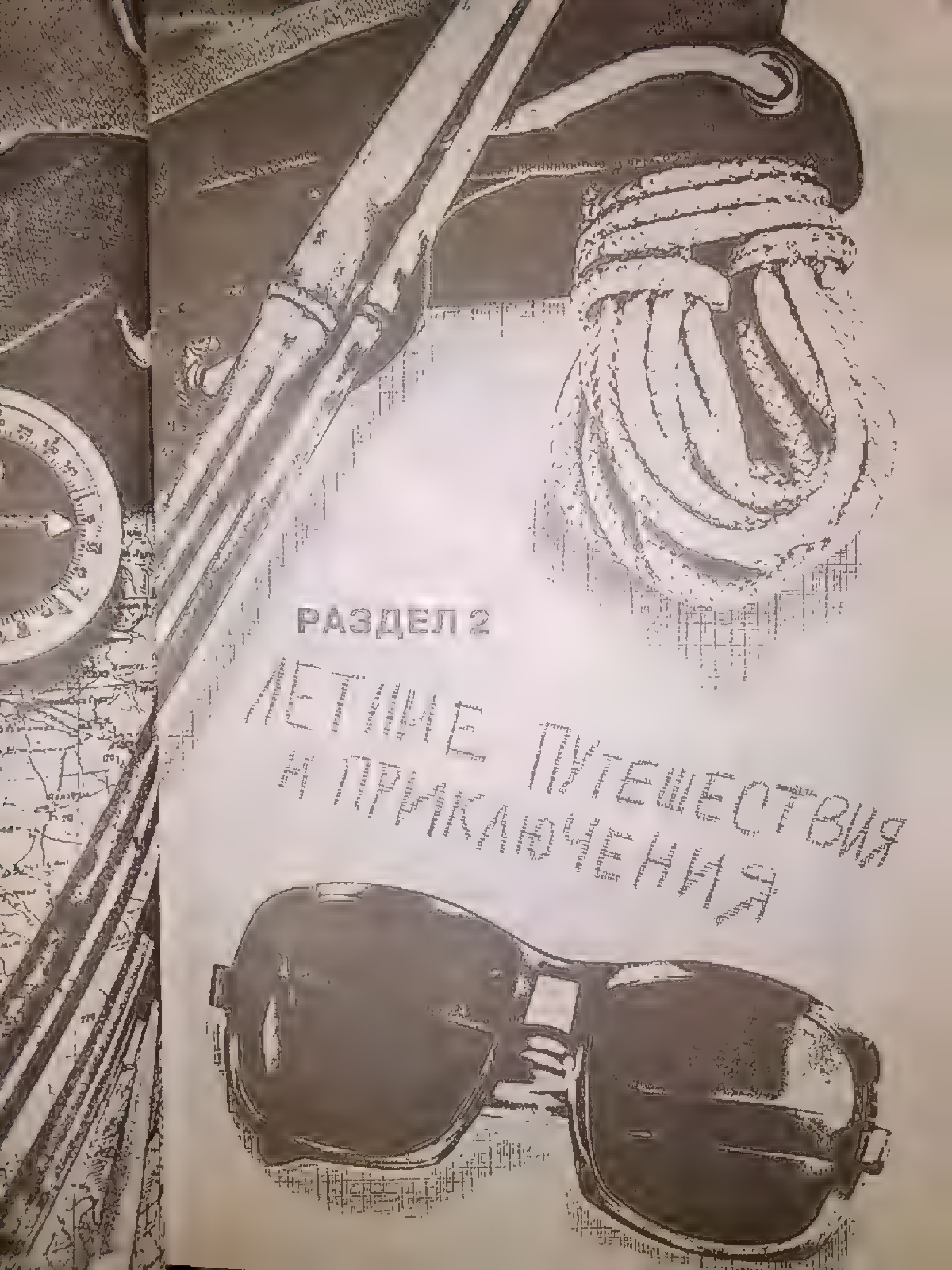
А мне показалось,
Что все они правы.
Все: Звери и Птицы,
Деревья и Травы...
И я не ответил,
Увы,
Ничего
На трудный вопрос:
"Что красивей всего?"

1. Как вы думаете, почему все ответы на вопрос "Что красивей всего?" были такие разные?

2. А почему автор так и не сумел ответить на этот вопрос?

3. Ребята, представьте, что вы тоже участвуете в этом диалоге. Как бы вы ответили на вопрос: что красивей всего?

РАЗ

РАЗДЕЛ 2

ЛЕТНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Юлий КИМ

ОТВАЖНЫЙ ОХОТНИК

Пускай ветра буянят,
Шторма пускай штормят,
Меня дороги манят,
Пути меня манят.
Не знаю, что я встречу,
Но я ношу с собой
Один патрон — с картечью,
Другой патрон — с мечтой.

Не раз мне угрожали
В лесу из-за угла
Бандиты и кинжалы,
Копыта и рога.
Но я шагал навстречу,
Держа перед собой
Один патрон — с картечью,
И с мужеством — другой!

Не требую награды,
Покоя не хочу,
Скажите, если надо, —
Приду и защитю.
Не нужен мне ни порох,
Ни пули, ни пыжи,
Пока в моих патронах
Огонь моей души!

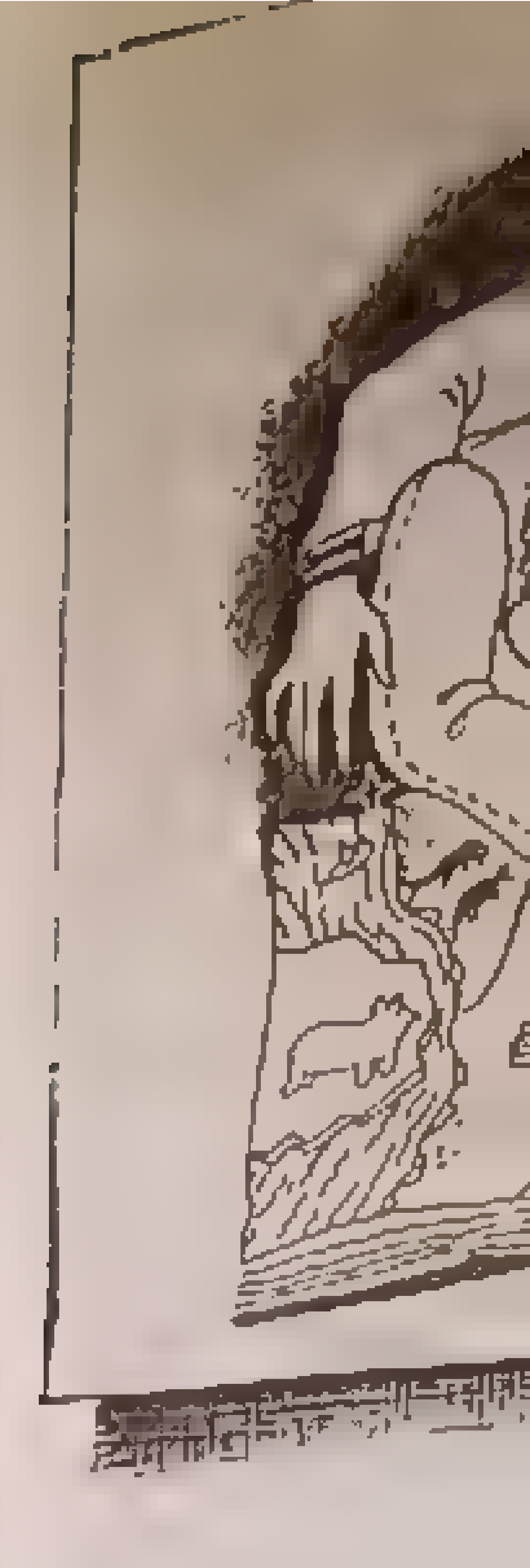

Настя дочитала стихотворение до конца.

— Папа, а кто такой Юлий Ким? Это уже его второе стихотворение в нашей книжке.

— Юлий Ким — бывший учитель, который стал поэтом и музыкантом. Он поэт-романтик. Знаешь, что это значит? У Юлия Кима много стихов и песен о гордых, смелых людях, не боящихся трудностей, готовых сражаться за правду, о людях, жаждущих приключений, благородных поступков...

Следующий раздел твоей книжки — о ребятах и взрослых, которые любят приключения и путешествия, о летней романтике игр и походов.

ПРО

Слово
сына
се.

Примчало
и, бросив к
чет быть то
телем, а неп

Оказывае
первого Уро
щек с упоен
нимательная
шила Мишин
— в тайгу,
и как будто
щем собирал
ти и газа, св
ходным днями

Сергей ГОЛИЦЫН

СОРОК ИЗЫСКАТЕЛЕЙ

Глава первая
КАКИЕ РОКОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОИЗОШЛИ ИЗ-ЗА НЕПРОДУМАННОЙ ПОДМАЗКИ СКОВОРОДЫ

1.

Слово "изыскатель" я впервые услышал от своего сына Миши, ещё когда он учился в седьмом классе.

Примчался он однажды из школы весь взъерошенный и, бросив книги на стол, радостно объявил нам, что хочет быть только изыскателем, и даже не просто изыскателем, а непременно геологом.

Оказывается, в этот знаменательный день, с самого первого урока усевшись на задней парте, трое мальчишек с упоением читали книгу академика Ферсмана "Занимательная минералогия". Книга эта бесповоротно решила Мишину судьбу. Он стал мечтать о путешествиях — в тайгу, в горы, в пустыни, в Арктику, в Антарктику и как будто даже в космическое пространство. В будущем собирался он открывать новые месторождения нефти и газа, свинца и урана, угля и железа. А пока по выходным дням осенью и весной, а летом чуть ли не каж-

...ый день ранним утром с двумя-тремя приятелями, надев рюкзак на плечи, отправлялся он на обследование подмосковных оврагов и каменоломен.

Так начался тот период семейной жизни, который наша мама называла "периодом мук". Ведь на самом деле рюкзак, набитый камнями, весит тридцать килограммов. За год Миша ездил на экскурсии раз семьдесят. Трофеев у нас набралось полным-полно, пожалуй, ещё пол провалится. Под всеми кроватями, в книжном шкафу, на буфете, даже в моём письменном столе были запрятаны коробки и ящики, коробочки и ящички с камешками и камнями.

2.

Позднее Миша всех взрослых и всех ребят стал разделять на изыскателей и прочих. К изыскателям он относил тех, кто всё время что-то изобретает, что-то придумывает или мечтает разыскать новое, неизвестное, таинственное и ищет на земле, под землёй, на воде, под водой, в воздухе и даже в космосе. Вот изыскательские профессии — топографы, снимающие карты местности, гидрологи, изучающие реки, ботаники, зоологи и многие другие, и самые-самые интересные из них — геологи.

Из разных прочих Миша специально выделил "тюфяков": в этой группе очутились мальчишки сонливые, медлительные, ничем не интересующиеся, любители покушать.

А вот кого Миша откровенно считал тюфячкой, так это свою младшую сестру Соню. И хотя Соня целый день ищет то завалившийся за диван чулок, то уроненную на пол тетрадь или "Арифметику", всё равно в изыскатели, по мнению Миши, ей не попасть никогда.

Меня и маму Миша искренне уважает и любит, но я чувствую, что и нас он считает тюфяками.

Ведь кто я такой? Обыкновенный детский врач. Каждый день я хожу в поликлинику, выслушиваю и мну больших и малых ребят, здоровых и больных, прописываю им лекарства, утешаю перепуганных родителей.

А кто моя жена — наша мама? Просто домашняя хозяйка. Она ходит на рынок, готовит обед, штопает носки,

стирает, ведёт нескончаемые беседы с Розой Петровной, и всё. Конечно, ничего изыскательского ни в ней, ни во мне нет.

"Что бы эдакое придумать? — рассуждал я. — Изобрести, скажем, чудодейственное лекарство, моментально излечивающее насморк или расстроенный желудок?.." Увы, дальше мечтаний дело у меня не шло, и в изыскатели я, безусловно, не годился.

3.

Каждое лето мы выезжали на дачу. Но в этом году у нас всё пошло по-иному. Миша окончил школу и собирался поступать в геолого-разведочный институт.

С Мишей оставалась мама — надо же его морально поддерживать, всячески утешать и подбадривать, а главное, кормить яйцами и сахаром.

А мне пришлось думать, как провести свой отпуск вдвоём с Соней.

Куда же поехать?

— Поедешь — изволь наварить не менее двадцати килограммов варенья, намариновать, насушить, насолить грибов на всю зиму, — приказала наша хозяйственная мама.

— Послушай, отец! — Миша поднял голову от книги. — Я дам тебе свой рюкзак, пожалуйста, полазай по оврагам, по карьерам, по крутым берегам рек, набери новые образцы минералов и окаменелостей.

— Гм-м! Но ведь они очень тяжёлые! И потом, я могу сорваться с утёса, упасть в пропасть.

— Ну, отец, какие под Москвой утёсы и пропасти! — Миша снисходительно посмотрел на меня

— Наберём камней, наберём! — воскликнула Соня. — Где папа не достанет, я залезу!

— Возьмёшь мой геологический молоток, мой рюкзак, мои шаровары.. и тогда, — добавил Миша и подмигнул нам, — и ты, и Соня настоящими изыскателями заделаетесь.

4.

Да, я ещё ничего не рассказал о моей Соне. Упомянул, что она невероятная растеряха и тюфячка, и всё. У

её две косы с голубыми ленточками, голубые глаза, крошечный, чуть вздёрнутый носик, она перешла в шестой класс, учится на четвёрки, любит покушать, за обедом уплетает по две тарелки супа и по три котлетки. Когда сидит за уроками, от усердия высовывает язык, в свободное время всё больше прыгает и смеётся.

Куда же всё-таки поехать?

— Поезжайте в Золотой Бор, — посоветовал мне муж Розы Петровны, старичок историк-архивариус[1] Иван Иванович. — По имеющимся у меня сведениям, это чудесное место — районный центр, изобилие вишен и яблок, достаточно широкая река. И учтите, от Москвы не столь далеко. И потом...

Иван Иванович немного замялся. Он был пределикатнейший человек.

— Говорите, говорите, не стесняйтесь, — поддержал я его.

— Я хотел вам предварительно показать один любопытнейший документик. Разрешите, через пять минут я его принесу, — сказал он и исчез.

Уважаемый Иван Иванович был исключительно почтенный и культурный человек. Я с ним встречался каждое утро. Он ходил в пижаме, синей с белым, я — в красной с жёлтым. Я был худой и высокий, он — худой и совсем коротышка. За тщедушность, за малый рост Миша прозвал его Тычинкой.

5.

... Тычинка вернулся ко мне не через пять, а через восемь минут. И в каком виде! Очки спустились на нос, подслеповатые глазки были широко открыты, руки подняты кверху и, кажется, даже седые волосы шевелились на макушке.

Я понял — произошло нечто ужасное.

— Вы помните, как мы вас угощали блинами? — закричал он трагическим голосом.

— Помню, — удивлённо ответил я.

Но, честное слово, я не видел в этом ничего ужасного. Два месяца назад, в день рождения Тычинки, я чуть

[1] Архивариус — сотрудник архива, хранитель архива.

не объелся божественными блинами, которые испекла уважаемая Роза Петровна.

— Всё погибло! — простонал Тычинка и упал в кресло.

Я дал ему валерьянки.

— Расскажите, что случилось?

— Возьму себя в руки и попробую вам рассказать все подробности.

Тычинка опрокинул вторую рюмку валерьянки, нервно протёр свои очки и начал более или менее спокойным голосом:

— Золотой Бор находится в двадцати километрах от Любца. Вот я и хотел дать вам незначительное поручение... И всё погибло! — вновь простонал Тычинка

Я ему подал третью рюмку валерьянки

Тычинка выпил, вытер пот со лба и продолжал

— Проживал когда-то в Любне, в маленьком домике, некий гражданин, по слухам, сердитый и скупой. Направился один наш библиотекарь к нему с целью выяснить, нельзя ли у сего гражданина купить старинные книги. Библиотекарь ошибся дверью и очутился в прескверном чулане, пропахшем мышами, и знаете, что он там обнаружил? На стене, между развалившимся шкафом и рассохшимися бочками, висел покрытый пылью портрет. Библиотекарь полой плаща смахнул пыль с полотна и увидел такое изумительное произведение искусства, что . одним словом, увидел девушку — красавицу с тёмными волосами, в сиреневом платье с кружевами Он так и остолбенел Портрет был написан несомненно выдающимся художником. Чёрные печальные глаза красавицы, знаете, горели эдаким вдохновенным огнем Неожиданно выскочил хозяин, обругал библиотекаря, назвал чуть ли не вором и выгнал вон.

— А кто же был художник? – спросил я

— Неизвестно. В том-то и дело, что неизвестно. — Тычинка болезненно сморщил ниточки бровей. — В правом нижнем углу портрета библиотекарь едва разглядел загадочную надпись: "Я не могу даже подписаться". Что значат эти слова? Какой в них смысел? И до сегодняшне-

го дня никто и понятия не имеет о существовании того портрета. Я всё собирался сам отправиться на поиски, но ведь я вообще никогда не любил передвигаться, а там началась война, а там я несколько постарел. . И знаете, в чём самая трагедия? Ни фамилия сего хранителя, ни его адрес также неизвестны. — Тычинка в отчаянии всплеснул крохотными ладошками. — Тогда наш библиотекарь начертил, как пройти от базарной площади к тому дому. Я этот план как зеницу ока берёг в одной книге. Сейчас я нашёл эту книгу, перелистал её — плана нет. Я спросил Розу. И что же выяснилось? Тогда, перед моим днём рождения, она решила провести генеральную уборку, стала вытирать пыль на книжных полках, а после уборки затеяла печь блины. И такое несчастье, такое несчастье! Она накрутила этот драгоценный документ на палочку для подмазки сковороды. Только одно сохранилось в моей памяти: тот дом стоит на одной из окраин города, но на какой окраине, восточной или западной, северной или южной, простите, позабыл. Впрочем, я полагаю, Лебец — город небольшой, вы и так найдёте.

"А ведь поиски портрета, — подумал я, — тоже очень заманчивое и самое настоящее изыскательское занятие".

— Уважаемый Иван Иванович, успокойтесь, пожалуйста. Обещаю вам сделать всё возможное и всё невозможное и попытаться таинственный портрет разыскать даже и без вашего плана, — торжественно произнёс я.

Во 2-й главе Соня и её отец прие[illegible] в Золотой Бор и вскоре знакомятся с ребятами из Дома пионеров, [illegible] собираются в поход в город Любец.

Глава третья

В ПОХОД! [illegible] В ПОХОД!

1

Я с интересом разглядывал вышитые полотенца и платочки, коллекции баб[illegible] в ящиках, засушенные растения, разноц[illegible] на, склеенные или выт[illegible]. Всё это было развешано по стенам, расставлено [illegible]

Вошла высокая, худощав[illegible]щина средних лет.

Бывают такие оч[illegible] люди. С первой встречи мне показалось, что мы с н[illegible]ы давным-давно.

Елена Ивановна, дир[illegible] неров, поминутно поправл[illegible] приветливо улыбаясь одним[illegible]ми, протянула мне тонкую бел[illegible] шила все мои недоуменные [illegible] стали полноправными участ[illegible] туристского похода в Любе[illegible] це стола на председательск[illegible]

— Дети, тише! — строго [illegible] ченные прямые брови, ее [illegible]

Я сел в уголке. Сон[illegible] Не очень приятно сидеть, ко[illegible] на [illegible] народу тебя изучают, возможно, [illegible] либо смешное. Я изредка поднимал глаза, ог[illegible] то светлые, то темные [illegible] ного белобрысого Ин[illegible] час возле Магдалины Х[illegible] неньких, совершенно одинаков[illegible] ков, очевидно, близнецов. Они [illegible] на [illegible] стуле и беспрерывно толкались.

Первый вопрос был о снаряжении похода. Елена Ивановна спросила, сколько можно достать рюкзаков.

Раньше я надевал на спину рюкзак только во время походов на Тишинский рынок за картошкой, и то в последние годы меня заменил Миша.

Однако сюда, в Золотой Бор, я привёз целых три рюкзака, в том числе Мишин геологический, с шестью карманами и резиновой надувной подушечкой, поэтому мне было чем похвастать. Несколько рюкзаков имелось в Доме пионеров, остальные взялись достать ребята.

Люся предложила распределить между ребятами различные обязанности. Три девочки и два мальчика вызвались быть кашеварами, у иных мальчиков были удочки, их назначили рыболовами. Двум девочкам дали карту местности, на которой они должны были чертить линию маршрута и вести глазомерную съёмку окрестностей. Володя, имевший фотоаппарат, был назначен фотографом. Далее в списке стояли портнихи, санитары, жилищники и костровые...

— А кто из вас хочет быть писателем? — спросила Магдалина Харитоновна, улыбаясь, и торжественно положила на стол изящный голубенький альбом.

— Я хочу вести дневник! — вскочил один из близнецов.

— И я! — вскочил другой.

Ещё кто-то из мальчиков и девочек, в том числе и Соня, тоже пожелали быть "писателями".

— Ну что же, — примирила их всех Елена Ивановна — летопись похода ведите по очереди.

Надо же наконец выступить и мне.

Я встал и, немножко волнуясь, начал рассказывать об изыскателях — какие они смелые, предприимчивые люди, всем интересуются, не боятся никаких трудностей, помогают другим и, главное, ищут что-нибудь интересное на земле, под землёй, на воде, под водой и в воздухе. Упомянул я и о тюфяках.

Кажется, я говорил убедительно и горячо. Все повернули головы и внимательно меня слушали.

Сердце моё радостно стукнуло: ага, ребята и меня принимают за изыскателя, и Соню тоже. Очень хорошо! Пускай принимают.

Тогда я перешёл к своему самому заветному изыскательскому поручению. Рассказал, как на Урале незадолго до войны нашли исчезнувшую полтораста лет назад картину великого итальянского художника Рафаэля, состоявшую из двух досок, причём одной из досок прикрывали кадушку с солёными огурцами, а другая валялась где-то на чердаке. Потом стал рассказывать о портрете девушки в сиреневом платье с кружевами, запрятанном где-то в Любце. Этот портрет, правда, был написан на холсте и для прикрывания кадушки не годился, но его могли изгрызть мыши, ему грозила гибель от сырости. Конечно, нужно его разыскать во что бы то ни стало. Возможно, это тоже выдающееся произведение искусства. И наконец, что значат эти непонятные слова на портрете: "Я даже не могу подписаться"?

— Всё враки, — объявил примерный Индюшонок.

— Ты, Володька, тюфяк, потому так и говоришь! — отрезала Люся.

Тут вскочил высокий белокурый мальчик с серьёзной морщинкой на лбу, с большими серыми глазами. Тоном строгого учителя-экзаменатора он стал меня допрашивать:

— Интересная история?.. А скажите, очень давно написан портрет? А каких он размеров? А кто была эта девушка? А кто был художник?

На все эти вопросы я вынужден был жалобно отвечать: не знаю. Я чувствовал — вот-вот получу двойку.

— Что ж, товарищи, — заключил экзаменатор и сдвинул свои мохнатые брови. — Я читал, в Египте столько лет искали гробницу одного фараона и в конце концов нашли. Вообще-то гражданин доктор маловато нам рассказал, а всё-таки наш отряд... — Мальчик посмотрел сперва на меня, потом оглядел всех ребят, задорно им подмигнул. — Одним словом, будем искать портрет! — воскликнул он звонким голосом.

3 Зак. 691

— В такие дебри сунемся, — подхватил один из чёрненьких мальчиков, — большим ни в жизнь не добраться, а портрет найдём!

Глава четвёртая
ПЕРВЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ, ПЕРВЫЕ ТРУДНОСТИ

1.

Шесть часов вечера. Мальчики и девочки, все в тюбетейках и треуголках, сложенных из газет, в синих шароварах, чинно сидели со своими туго набитыми рюкзаками на скамейках перед Домом пионеров. Только Соня была в коротком розовом платьице с голыми коленками.

Мальчики и девочки с почтением оглядывали меня. В Мишиных шароварах, в соломенной широкополой шляпе, с громадным рюкзаком, из которого торчала ручка геологического молотка, я, очевидно, смахивал на бывалого изыскателя-путешественника.

Самый маленький турист, худенький, костлявый, загорелый, черноглазый, с лицом, руками и ногами цвета каленого ореха, подскочил ко мне:

— Дяденька, пожалуйста, давайте рюкзаками поменяемся. Я — ваш, а вы — мой.

Он ласково погладил мою шестикарманную гордость.

— Знаменитый рюкзачище! С ним вы по всему свету путешествовали? Да? Вы нам потом расскажете?

— Что ж, давай поменяемся, — ответил я, сделав вид, что не расслышал его вопроса о моих путешествиях.

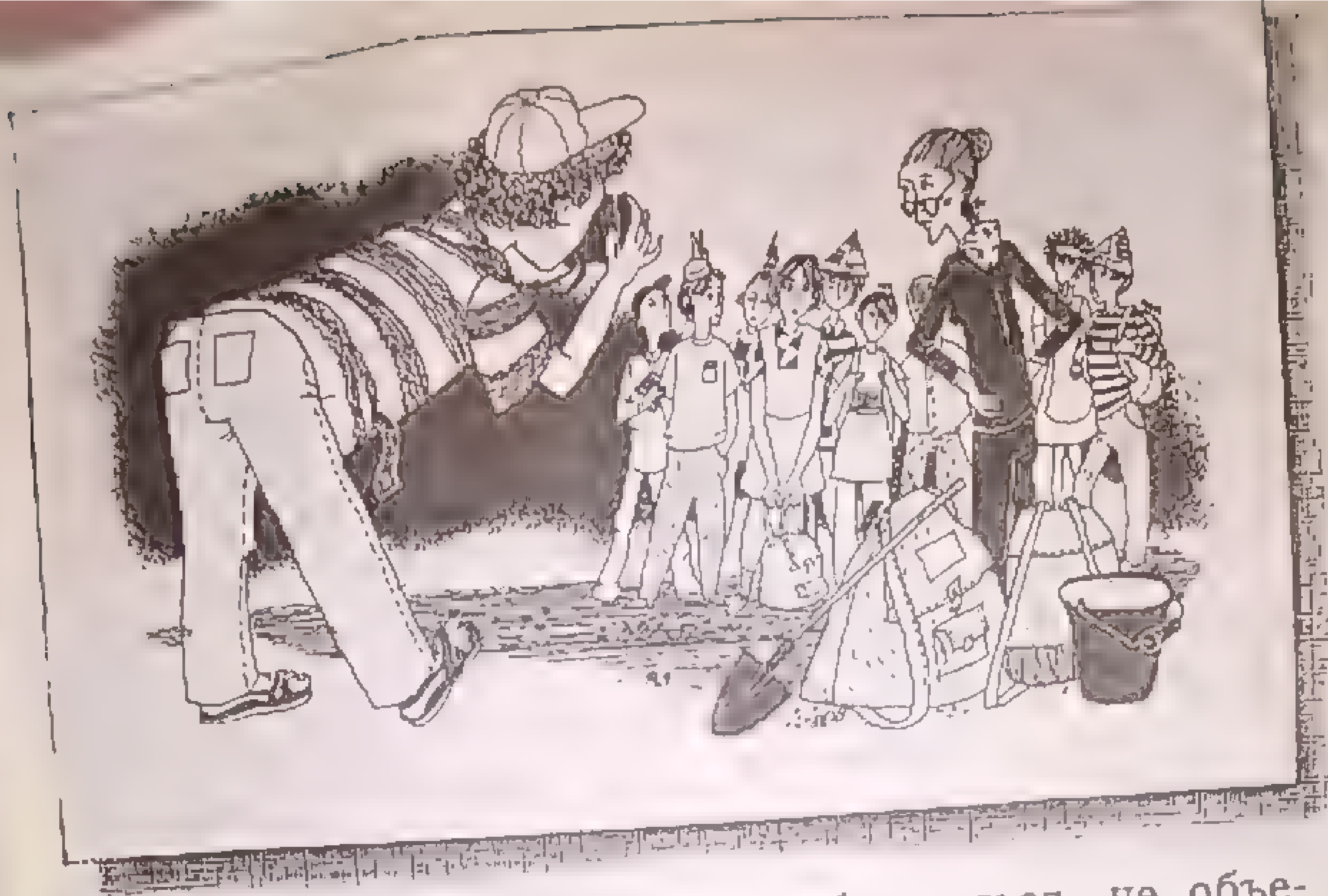
"Только аптекарский ящик ему, пожалуй, тяжеловат будет", — подумал я, вынул его и переложил в рюкзак загорелого черноглазки.

— Первый! Второй! Третий! Четвёртый!.. — выкрикивали вставшие в шеренгу ребята.

— Товарищ директор, отряд пионеров золотоборского Дома пионеров в количестве двадцати семи человек выстроен. Прикажете начать поход?

Елена Ивановна только улыбнулась и молча уступила место Магдалине Харитоновне. Та очень долго и очень скучно толковала о том, что надо слушаться взрослых,

не бегать, быть осторожными, не баловаться, не объедаться, не купаться, не драться, громко не смеяться, сырой воды не пить, зелёных ягод не есть и ещё штук пятнадцать разных противных "не".

Но ребячьи глаза смотрели совсем не на Магдалину Харитоновну, ребячьи локти незаметно подталкивали друг друга, а ноги никак не хотели стоять на месте. Люся потихоньку зевала в кулак.

Примерный Володя-Индюшонок был фотограф: он вышел из строя, отбежал в сторону, затем стал приближаться, присел на корточки, прицелился, влез на забор, снова прицелился.

— Да что ты, тюфяк эдакий! Скоро ли? — крикнула Люся.

— Внимание, начинаю, — невозмутимо и важно произнёс Володя, — прошу не смеяться. Девочки, смотрите вверх.

— Володька, если ты не начнёшь...

Володя щёлкнул, отбежал, снова щёлкнул.

2.

Строем шли только по городским улицам, а как вышли за огороды, мальчики прибавили шагу и стали быстро от нас удаляться.

Я понял мальчишечью тактику: сперва они шли очень быстро, чуть не бегом, потом садились на травку и заводили рассказы о капитане Немо, о трёх мушкетёрах, о Дерсу Узала, о Валерии Чкалове, о космонавтах и о многих других замечательных людях и изыскателях. Как только Магдалина Харитоновна к ним приближалась, они вскакивали и вновь исчезали за поворотом дороги.

Шагать вместе с почтенной руководительницей мне скоро надоело, и я заторопился догнать мальчиков.

Я всё время наблюдал за своими юными спутниками, но их было так много, что до самого конца всех наших путешествий я так и не выучил и половины их имён. Соня, к моему удивлению, уже успела познакомиться со всеми и сейчас весело болтала с новыми подругами.

Как же их запомнить? Вот примерный Володя-фотограф. По правде говоря, мне было не совсем понятно, зачем он с нами увязался: шагал он надутый, сердито выпятив губы, нахмурив белёсые брови, при каждом возгласе или смехе других пренебрежительно кривил губы, время от времени подбирался к Магдалине Харитоновне и что-то ей шептал. Ребята его сторонились и больше толкали, чем разговаривали с ним.

Того любопытного высокого мальчика, что меня экзаменовал, звали Витя Большой. Видимо, он считался главным среди ребят. Остальные мальчики так и липли к нему, слушая его рассказы. А рассказы эти, верно, и на самом деле были очень занятны: нет-нет по мальчишечьей стайке перекатывался то звонкий смех, то удивлённые и восхищённые возгласы.

Фамилия этого щуплого, костлявого, что тащил мой рюкзак, была Перцов. Ребята звали его не Витя, а просто Перец. Юркий, суетливый, с облупленным носом, закапанным веснушками, он изредка подбегал ко мне и, уставившись на меня своими чёрными бусинками глаз и приподняв бровки, задавал самые невероятные и изыскательские или медицинские вопросы, вроде: "А на Северном полюсе вы сколько раз бывали?", "А что вы любите больше — отрезать ногу или руку?" К счастью, ответы его совершенно не интересовали. Он тут же мчался за

бабочкой или залезал в болото, стараясь поймать какую-то водяную козявку. Просто шагать по дороге вместе со всеми остальными он, кажется, не умел.

Впереди шли два черноволосых, черноглазых брата-близнеца, самые ловкие, самые быстроногие. Как я ни всматривался в них — они выглядели совершенно одинаковыми. Говорили, даже родной отец различает их только по цвету ремней на брюках. Одно мне в них не нравилось: они то и дело ссорились друг с другом.

Вместе с нами в походе участвовала тоненькая, беленькая, хрупкая девочка Галя с огромными задумчивыми глазами и с огромным белым капроновым бантом на затылке. Эта Галя, так же как и мы, приехала из Москвы и приходилась племянницей двум чёрненьким близнецам. Кто понесёт Галин рюкзак — Женя или Гена? Кто починит оборвавшуюся тесёмку на Галиной туфельке — Гена или Женя? Да, причины для ссоры у обоих дядюшек возникали каждый час. Галя, как гордая красавица, поджимала губы и молча ждала, когда наконец один из соперников исполнит её желание.

Моей Соне Галя очень понравилась, они шагали вместе, под руку. Соня что-то горячо рассказывала. Блестели её глаза, её зубы, её потный лоб, а растрёпанные локоны и розовое платьице развевались по ветру...

3.

Шедшие впереди мальчики вдруг остановились. Что ж, не в первый раз они поджидают остальных. Но почему они так вопросительно и внимательно глядят на меня? Я немного замедлил шаг.

Витя Большой вразвалку пошёл мне навстречу.

— Товарищ доктор, мальчишки хотят ваши рассказы послушать, — решительно сказал он и нахмурил свои густые брови.

— И девочки тоже, — вставила Галя.

— Сперва о полярных путешествиях, — обрадовался один из близнецов.

— А потом о жарких странах, — подхватил другой.

Я беспомощно оглянулся. Я был в плену. За мной наблюдало множество любознательных глаз. Даже Магда-

лина Харитоновна прищурилась и ждала. Только Соня, стоя сзади всех, разинув рот, поглядывала на меня. Ей было отлично известно, что дальше подмосковных дач я никогда никуда не выезжал.

— Знаете, разговор на ходу, — начал я заикаясь, — несколько неблагоприятно действует на дыхательные пути.

— Дети, ну нельзя так назойливо, — поддержала меня милейшая Магдалина Харитоновна. — Вот устроимся на ночлег, тогда у костра...

Настроение моё было сразу испорчено. Теперь я плёлся позади всех, понурив голову, силясь припомнить, что я читал в раннем детстве о знаменитых путешественниках.

4.

Мы шли по берегу реки. Уже начинало смеркаться.

Увидев ключ холодной прозрачной воды, Люся предложила остановиться на ночлег.

— Да, ты права, — согласилась Магдалина Харитоновна, — рекомендуется располагать лагерь возле источников.

— Привал! Ночлег! — скомандовала Люся.

Все остановились, с облегчением сбросили рюкзаки и принялись за работу.

Костровыми были оба близнеца. Чуть слышно обмениваясь им одним понятными словечками, они быстро разожгли костёр. Им притаскивали сухие, выкинутые весенним паводком ветки, и скоро костёр запылал так жарко, что к нему невозможно было близко подойти.

Кашеварами командовала Люся. Витя Большой и Витя Перец заранее, ещё до разжигания костра, забили в землю две рогатки и на перекинутой палке подвесили оба ведра с водой.

Витя Большой важным, не допускающим возражений голосом предложил варить кашу каким-то аргентинским способом, о котором он вычитал у Майн Рида: сперва почти без воды, потом постепенно подливая воду.

Люся терпеливо выслушала и рассмеялась:

— Да ну тебя! Всё подгорит, да мало будет. Уйди! Витя Большой обиделся.

— Люди опытнее тебя дают дельные советы, а ты не слушаешь! — пробормотал он и отошел в сторону.

Мальчики-рыбаки наладили удочки и скрылись в прибрежных кустах. Червей они запасли ещё дома и принесли в карманах.

Соня и Галя отправились в кусты за ежевичными и малиновыми листьями. Уже темнело, и надо было спешить подготовить чайную заварку.

Одним словом, всем нашлось дело. Только Володя-Индюшонок с фотоаппаратом на ремне гордо расхаживал между шалашами, засунув руки в карманы брюк, задрав кверху свой и без того курносый нос, и всех критиковал. Темнело, и сегодня фотографировать было уже поздно.

5.

Вода в обоих вёдрах закипела. В одно засыпали пшённый концентрат, в другое — сухой кисель. Витя Большой стал мешать кашу ольховой палкой-мешалкой с таким серьёзным видом, точно решал задачи.

Тут выяснилось, что Галя и моя Соня забыли ложки. Да, так-таки и забыли; от смущения Галя поджала губки и скосила глаза на своих дядюшек, а Соня засмеялась.

— Самое важное и забыли! — рассердилась Магдалина Харитоновна.

Надо было действительно как можно скорее опустошить оба ведра, вымыть их и вновь поставить кипятить воду для чая, в одном ведре — из малиновых листьев, в другом — из ежевичных.

— Эх, вы! — презрительно бросил Володя. — Только всех задерживаете!

— С девчонками связаться — вечно одни недоразумения! — процедил Витя Большой.

— Сейчас выручим! — крикнул Гена.

Он подмигнул брату. Оба скатились к самой воде и стали там что-то искать.

Пока все усаживались вокруг вёдер, наполненных жидкой пшённой кашей и киселём, а Люся разливала обед по кружкам, близнецы вновь вынырнули из-за кус-

тов и с торжеством преподнесли девочкам ложки, да такие хорошенькие, что все моментально побросали свои алюминиевые и деревянные.

Новые ложки были сделаны из половинок раковин; к заострённому концу каждой из них близнецы прикрепили по палочке, чуть расщепив её конец.

— Нигде о таких странных приспособлениях для еды не читала, — забеспокоилась Магдалина Харитоновна.

— Перламутр из раковин не вреден, — робко возразил я. Кончилось тем, что все ребята, и Люся, и я стали есть пшённую кашу раковинными ложками. Одна Магдалина Харитоновна хмуро черпала алюминиевой.

6.

Все поужинали. Костёр догорал. Наступил черёд рыболовов похвастаться своей добычей. Не меньше полусотни уклеек, плотвичек, окуньков, ершей принесли они в двух связках.

Все ножи, сколько их было, пошли в работу; разрезали рыбкам животы, насыпали внутрь соли и, не очищая чешуи, облепляли их мокрой глиной и закапывали в горячую золу — завтра на закуску.

— Что за необычайный способ приготовления рыбы? — недоверчиво покосилась Магдалина Харитоновна.

— А я ещё с детства знала, — ответила Люся.

— Помнится, Робинзон именно так запекал рыбу, — неуверенно добавил я.

Ночь наступила чёрная, тихая, тёплая, вода в реке была тоже чёрная, прибрежные кусты ещё чернее. Где-то у того берега плеснула большая рыба, где-то в кустах вспорхнула птичка, и снова воцарилась тишина. А вокруг костра сидели и лежали наши путешественники и пели песни.

7.

Вдруг вдали за рекой что-то заворчало, словно какой-то великан загромыхал громадными железными листами. Вдалеке вспыхнула молния. Все вскочили. Несомненно приближалась гроза. Звёзд не стало видно. По кустам зашелестел ветер. Наступила такая темнота, как в погребе.

Гроза в лесу ночью. Это очень страшно! И всё же я ликовал. Непогода меня спасла по крайней мере на целые сутки!

— Как я была права! Как я доказывала, что ночевать нужно только в школе! — волновалась Магдалина Харитоновна.

— Что нам теперь делать?

— Что делать? — удивлённо переспросила Люся. — Прятаться надо. На горе ветвистые высокие ели, скорее туда!

— Нет, нет, ни в коем случае! Под ёлками нельзя! "Справочник туриста"... там всё сказано... Надо что-то другое придумать, — стонала Магдалина Харитоновна.

А молния сверкнула так ярко, гром ударил так близко! Ребята схватили рюкзаки, стеснились в кучу, ожидая наших распоряжений.

Витя Большой выступил вперёд:

— При дожде ковбои делают из одеял палатки. Сперва забивают два больших кола, потом по диагонали...

— Уйди ты со своими ковбоями! — перебила его Люся. — Товарищи, за мной бегом! — скомандовала она.

И все помчались за ней в темноту, к невидимым ёлкам.

Побежал и я, побежала и Магдалина Харитоновна. Витя Большой начал было пригибать толстые ветки, да

…т грянул такой удар, что он всё побросал и заторопился нас догонять.

Все уселись под густыми чёрными ёлками, закутавшись в одеяла, плотно прижавшись друг к другу. Я с тоской вспоминал наши уютные шалаши с мягкими хвойными матрацами. Гром ударял так оглушительно, будто небо раскалывалось на отдельные глыбы, громовые взрывы следовали один за другим. Но гроза была сухая, без дождя; только ветер поднялся холодный, порывистый; деревья качались тревожно и скрипели. Яркие вспышки молний поминутно освещали чёрный лес и настороженные ребячьи фигуры.

Сперва все сидели молча, только близнецы опять поссорились — чьей курточкой накрыть дрожавшую Галю. В конце концов они помирились: один пожертвовал курточку Гале, другой — Соне.

Дождь всё не начинался, упало только несколько крупных капель.

— Володя, сюда! — позвала Люся. — Сфотографируй нас при свете молнии.

— Володечка, где же ты? — крикнула Магдалина Харитоновна.

Володя не откликался. Где же он? Куда пропал Индюшонок?

— Володька! — закричали мальчики.

— Да вот он!

Его обнаружили при очередной вспышке молнии. Он спрятался с головой под одеяло и громко стучал зубами.

— Володя, что с тобой?

— Я, я... я домой хочу! — голос у Володи был такой же плаксивый, как у Сони в прошлом году, когда она разбила куклу.

Все дружно захохотали. Володька — такой хвастун и вдруг грозы испугался.

— Эх, ты! Стыдно! — набросилась на него Люся. А ещё хочешь быть кинооператором! Кинооператоры — настоящие изыскатели: они залезают к тиграм в клетки, фотографируют в тайге медведей, на воде крокодилов...

Гроза стала удаляться. Молнии блистали всё реже, ветер стихал.

— А знаете что? — весело воскликнула Люся и вскочила. — Дождя не будет. Идёмте скорее спать, спать!

1. Скажите, кто такой изыскатель? Какими качествами он должен обладать?

2. Расскажите, какими вы представляете себе характеры доктора, Магдалины Харитоновны, Люси, Володи.

3. С кем из героев повести вы бы хотели пойти в поход и почему?

4. Ребята, а вы ходили когда-нибудь в поход? Расскажите об этом.

В пятницу вечером Настя и папа собирались в поход за грибами с ночёвкой. Быстро и весело собрали всё необходимое — но тут щёлкнул дверной замок, и хлопнула дверь: домой вернулась мама. Настя толкнула папу:

— Тебе придётся сказать маме, что мы уезжаем за грибами...

— Может быть, ты сначала намекнёшь маме, а потом уж я скажу?

Опасения были не напрасны: вот уже больше часа бабушка вздыхала и пила валерьянку.

Узнав о ночёвке, мама всплеснула руками:

— С ума сойти! Земля холодная, кругом лес — змеи, лягушки...

— И два дня ребёнок не будет нормально питаться! — поддержала бабушка.

...В конце концов мама и бабушка согласились их отпустить, но с условием: соберут вещи сами. Вещей оказалось столько, что папа с трудом мог их поднять. О том, чтобы собирать грибы с таким рюкзаком, нечего было и думать.

Рано утром, пока утомлённые мама и бабушка спали, Настя с папой, прихватив два лёгких рюкзачка, тихо вышли из дома. Только в электричке они перевели дух.

— Фу... Прямо как в книжке "В дебрях Кара-Бумбы"! — засмеялся папа.

— В каких дебрях? — переспросила Настя.

— Так называется повесть Иосифа Дика, фрагмент из неё есть в твоей книжке для чтения. Кара-Бумбой герои назвали лес, в котором жили.

— Папа, а что такое фрагмент?

— Это небольшая часть рассказа или повести, несколько страниц или глав. Твоя книжка не может вместить повесть целиком, но ты можешь познакомиться с её героями и, если книга тебя заинтересует, прочесть её всю.

Иосиф ДИК

В ДЕБРЯХ КАРА-БУМБЫ

УДАР САБЛИ

1.

Всю дорогу мы с Лёшкой ехали в тамбуре и то и дело высовывались из вагона. Мы были счастливы. На рельсовых изгибах мы с восторгом оглядывали всю нашу электричку, которая, иногда тоненько посвистывая, отчаянно неслась среди полей и мелколесья.

Вагон болтался из стороны в сторону, колёса без умолку тараторили, буфера звенели, и в тамбур вместе с угольной пыльцой, поднятой со шпал, врывался медовый ветер. Настроение было великолепное. Свобода! Свобода от пап и мам!

— Вот здорово, что поехали! — восторгался Лёшка. — Ведь это же моё первое самостоятельное путешествие! И ты ведь тоже никуда один не ездил?

— Не ездил! — ответил я. — А кто первый тебя позвал?

— Ну ты, ты! Успокойся! Подумаешь, какой изобретатель!

— Не изобретатель, а настойчивый человек.

— Ну ладно, пусть настойчивый! Только не хвастайся!

А я и не хвастался. Мне просто очень хотелось, чтобы Лёшка по заслугам оценил мою выдумку уехать из города.

2.

В то лето, когда все ребята с нашего двора после экзаменов разъехались по лагерям и деревням, мы с Лёшкой остались в городе. Вышло так, что у Лёшки заболел отец и слёг в больницу, а у моей мамы на дачу денег не было.

Обычно наши семьи — уж который год подряд! — уезжали за сто километров от Москвы под Коломну, в небольшую деревеньку, расположенную недалеко от Оки, и там жили до конца августа. А в это лето нам было обидно, что мы опять не сможем поселиться в просторной избе у нашего сверстника Сашки Косого и его матери тёти Груни. Это были очень приветливые и добродушные люди, и к нам они относились, как к своим родным.

В общем, июнь и половину июля мы с Лёшкой ещё крепились: играли в футбол, ходили в детский парк в драмкружок, купались за парком в пруду величиной с блюдце. Но когда однажды Лёшка вытащил из пруда на своей спине две чёрные пиявки, терпение моё лопнуло.

— А знаешь, — сказал я, — а ну его ко всем собакам, этот пруд! Давай завтра махнём на Оку! Встретим Зойку, покупаемся!

— Хм!.. Махнул один такой! — безнадёжно усмехнулся Лёшка. — А кто нас отпустит одних? Мамы, да? Ой, умора! А если тебе на Зойку охота посмотреть, так бы сразу и сказал.

И тут же мой план поездки на Оку он разбил в пух и прах.

Я знал, что Лёшкина мама, Тина Львовна, никуда его одного не отпустит. Но почему бы не попробовать уговорить её? Ведь попытка не пытка? И если мы её уговорим, значит, я скоро увижу Зойку!

3.

Вечером у себя дома за ужином я был очень грустный, еле-еле ковырял вилкой в тарелке, смотрел на маму отсутствующим взглядом.

— Что с тобой? — наконец спросила она.

— Да так... ничего...

— Нет, а всё-таки?

— "Всё-таки, всё-таки"!.. — сказал я с горечью. — Все ребята разъехались кто куда, и Лёшка вот также завтра один на Оку уезжает, а я дома сижу...

— Его отпускают одного?! — изумилась мама.

— Да, одного! — я сделал очень честные глаза.

— Странное дело, я вчера была у Тины, но она мне ни слова не сказала об этом. А ты хотел бы с ним поехать?

— Конечно! А что тут нам делать, в Москве? Сиди пыль глотай!

— Хотя что ж... — вдруг в раздумье сказала мама. — В деревню — это дело. На два денька, пожалуй, и можно прокатиться. И у меня котлеты на завтра есть. Вы с утра хотите ехать?

После этих слов я бросил ужин и побежал к Лёшке.

— Добрый вечер! — сказал я, заходя к нему в комнату. — Ну как, Лёшка, подготовка идёт?

— Какая подготовка? — насторожилась Тина Львовна.

— Как какая? Меня мама отпустила на три дня к тёте Груне. У нас уже котлеты жарятся. И Лёшка хочет со мной...

— Что-о? — Тина Львовна побледнела. — На три дня? А вот я сейчас позвоню твоей маме и проверю. И если ты солгал, ноги твоей здесь больше не будет!

Тина Львовна кинулась к телефону. Я заволновался: а вдруг всё раскроется?

— Наталь Петровна, — сказала в трубку Лёшкина мать. — Это правда, что вы... Что? У вас котлеты горят? Хорошо, я попозже позвоню.

— Ну что? — сказал я победно. — Сами слышали — уже котлеты горят!..

— Мам, пусти и меня! — заныл Лёшка.

— Прекрати! Прекрати! Вы что, с ума сошли — за сто километров, в глухомань! Одни!

Ну какая же это глухомань? Три часа езды! — сказал я. — Электричество! Река рядом!

— Вот-вот, и я говорю про реку! — ответила Тина Львовна. — Не хватало, чтобы вы ещё там утонули!

— А мы можем и не купаться, — сказал Лёшка. — Вот дадим честное слово и не будем купаться!

— Знаю я ваши честные слова. Наверно, только слезете с поезда, так сразу же в речку. В общем, о чём разговор? Этого я не позволю! И что мне папа скажет? Он в больнице, его волновать нельзя. А я приду и скажу, что ты уехал? Нет, этого не будет!

4.

В этот вечер Тина Львовна слово "нет" произнесла, наверное, раз пятьсот.

И что мы ей только не обещали! И что поедем в деревню всего лишь на два дня, и что привезём оттуда цветов, берёзовый веник, свежих ягод...

Мы говорили, что все пионеры должны быть самостоятельными, что они должны любить и понимать природу, что они должны уметь разжигать костёр... А где нам разжигать костёр? В комнате на полу?

Наконец мы показали Тине Львовне газету, в которой была напечатана статья о перестройке школьных программ и о связи школы с жизнью. Но Тина Львовна стояла на своём непоколебимо.

Однако чем больше она отказывала в разрешении, тем больше мы наседали. Эта баталия продолжалась часа два-три. И наконец мы взяли измором. Тина Львовна устало махнула рукой и... согласилась.

Её условия были такие: "Ладно, я вас отпускаю, но из окон поезда не высовываться, к Оке не подходить, в лес не ходить и вообще быть только около прошлогодней дачи!" Может быть, она, Тина Львовна, приедет за нами.

Условия были жёсткими, но мы их приняли.

5.

На маленькой станции после вагонного грохота нас оглушила тишина. Над водонапорной башней стаями кружили ласточки. На крыше полуразрушенной церкви у самой колокольни примостилась тоненькая берёзка. Около платформы, мелко переступая ногами, паслась стреноженная лошадь.

Конечно, ни на какую прошлогоднюю дачу в деревню мы не пошли. Долой кабальные условия Тины Львовны, и да здравствует наша любимая Ока!

На песчаном пляже, на котором мы загорали в прошлом году, мы быстро разделись и бросились в воду. Это были блаженные минуты. Мы бегали друг за другом, ныряли, кувыркались, делали стойки под водой и, сносимые течением, падали на спину.

В спокойной воде, будто в чуть потемневшем от времени зеркале, отражалась чайка. Она неслась над рекой, не двигая крыльями, и, казалось, любовалась отражением своего плавного и величавого полёта.

Маленький буксирный катеришко, весь чумазый от копоти, словно ком снега, катил перед собой пенный вал. А потом мимо нас прошла широкая баржа-самоходка, на которой стояли новенькие грузовики, и мы, лёжа на спинах, покачались на её волнах.

И вдруг, выбравшись на берег, мы увидели на песке какого-то смешного дядьку. Он сидел, по-турецки сложив ноги, перед маленьким зеркальцем и брился. У него был крупный лоб, глубоко сидящие чёрные глаза, широкий нос с большими ноздрями и длинные прямые волосы. Побрившись, он смыл с лица остатки пены и вытащил из рюкзака диковинную трубку. Она была сделана в виде человеческой головы с крючковатым носом и остренькой бородой. Серебряная чалма-крышка приподнималась, и под неё закладывался табак.

Ходил незнакомец по пляжу, словно дикарь: в набедренной повязке из двух тряпочек, спереди и сзади. На вид ему было лет двадцать пять — двадцать семь.

Мы стали на него поглядывать. Вскоре он подсел к нам.

— Ну как, сеньоры, облучаемся? — улыбнувшись, спросил он.

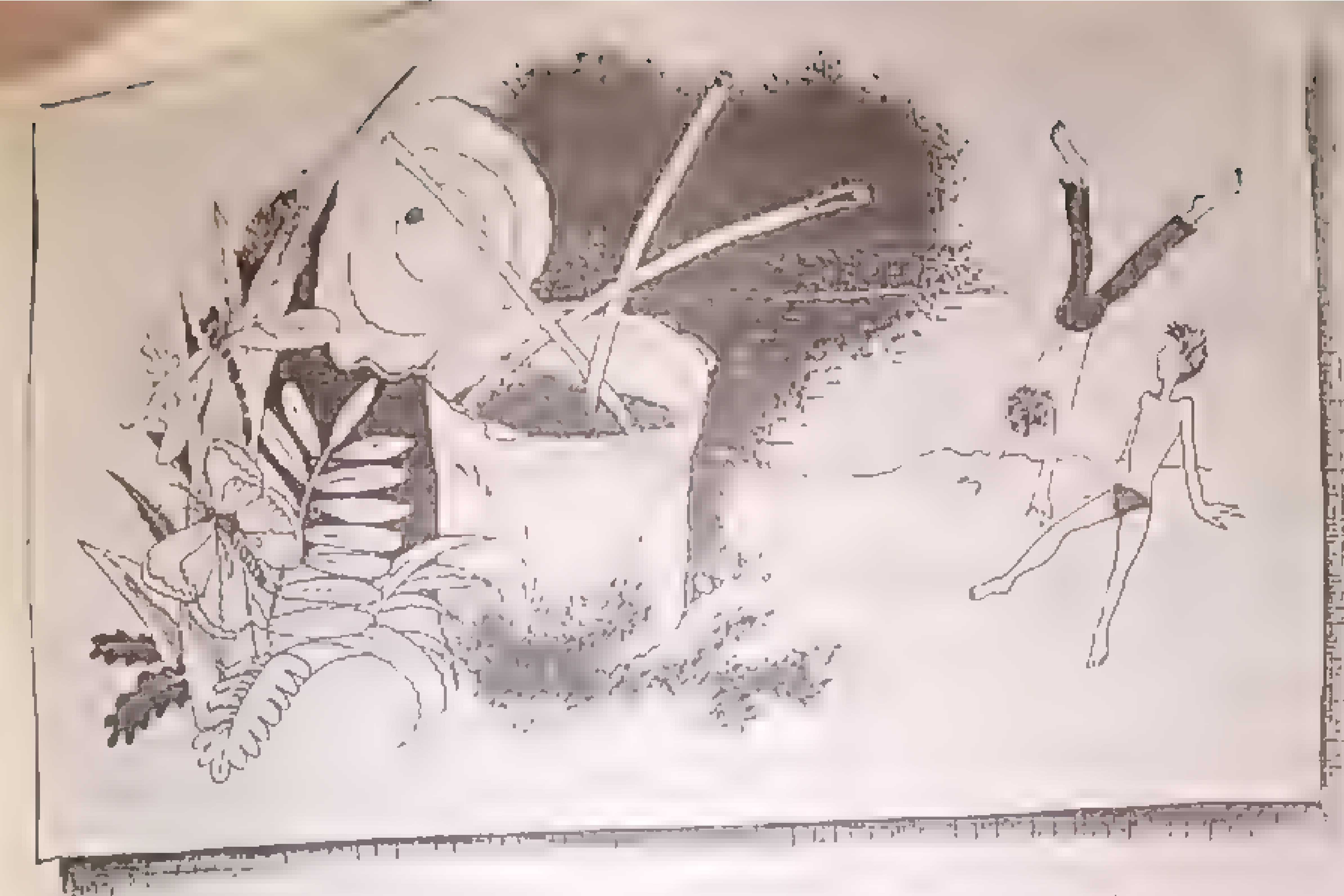
— Да вроде бы... — ответил я.

— А простите за любопытство, вы из Москвы или здешние?

— Из Москвы, — ответил Лёшка. — А вы откуда?

— Я здешн
сказал незнаком
гу, окружённый
На той сторо
венную копну се
— Впрочем,
ехал. А вы надо
— Всего на д
Я лежал на
торый широкими
точки. Там, види
нами в смешанн
другого человека
посвистывала ка
лестела листьями
пыльного, валежн
чами на берегу,
с сиреневыми цве
жий запах реки
ми, и в душе ро
Какая здесь благо
— А почему же
— Мамы... — с

— Я здешний. У меня тут дворец, — улыбнувшись, сказал незнакомец. — Вон видите, он стоит на том берегу, окружённый олеандровыми рощами?

На той стороне реки мы увидели только одну-единственную копну сена, окружённую кустами ивняка.

— Впрочем, я шучу. Я тоже только вчера сюда приехал. А вы надолго на природу?

— Всего на два дня, — вздохнул я.

Я лежал на песке и видел, как из нашего берега, который широкими ступенями сходил к воде, вылетали ласточки. Там, видимо, в песке, были гнёзда. Почти рядом с нами в смешанном леске, будто человек, вызывающий другого человека на тайную встречу, тихо и осторожно посвистывала какая-то птичка. Над нами задумчиво шелестела листьями старая черёмуха. Запахи сухого, будто пыльного, валежника, и мокрого тальника, лежащего кучами на берегу, и чёрной смородины, и татарского лука с сиреневыми цветочками, и душный запах песка, и свежий запах реки — всё это улавливалось моими ноздрями, и в душе рождалось необычайное чувство счастья. Какая здесь благодать!

— А почему же только на два дня?

— Мамы... — сказал Лёшка и развёл руками.

4 Зак. 691

— М-да... Сочувствую, — понял нас незнакомец и на минуту задумался. Тогда я считаю вот что: эти два дня у вас должны быть насыщены до предела. Хотите?

— А чем мы будем заниматься? — спросил Лёшка.

— Сначала познакомимся, а потом устроим обед. У вас какие-нибудь продукты есть?

— Есть, — кивнул я головой.

— Вот и прекрасно, я тоже кое-что найду.

Владимир Сергеевич — так звали незнакомца — работал геологом в одной из поисковых партий в Сибири. Совсем недавно он приехал в Москву в своё Геологическое управление с какими-то интересными "породами" и, ожидая результатов лабораторных анализов, решил несколько свободных денёчков провести за городом в... копне сена.

В рюкзаке у него лежали все пожитки: брюки, тапочки, рубашка-ковбойка, садовый нож с кривым лезвием и полбуханки белого хлеба. А кроме того, в папке много фотографий.

Вот мы и принялись их рассматривать. Владимир Сергеевич, оказывается, объездил уже всю нашу страну: был на Диксоне, на Украине, на Кавказе. Потом Владимир Сергеевич показал нам корень женьшеня.

Это был маленький ветвистый корешок жёлтого цвета. Высохший и сморщенный, он умещался на ладони и был очень похож на худенького человечка с ручками и ножками.

Лёшка взял его в руки и, осмотрев со всех сторон, спросил:

— А чем он знаменит?

— А ты разве о нём ничего не слыхал?

— Слыхал, — ответил Лёшка. — То ли его пьют, то ли едят. В общем, не знаю...

— Ну и зря. Это ведь "корень жизни" по-китайски. И ценится он буквально на вес золота. Он, говорят, продлевает жизнь, прибавляет силы...

— А зачем вам женьшень? — спросил Лёшка. — Вы же молодой...

Владимир Сергеевич подкинул корешок на ладони и сказал:

— Это мой талисман. Мне подарил его один мудрый человек, и я его должен беречь всю жизнь.

— А что будет, если вы его потеряете?

— Потеряю сердце, так сказал мне мудрый человек.

Конечно, я почувствовал, что это шутка, но и мне почему-то захотелось иметь такой талисман.

8.

Незаметно пролетел час, другой, третий. У нас уже засосало под ложечкой. Мы быстро собрали тальник, разожгли костёр и, проткнув мои котлеты тонкой палкой, стали их подогревать над огнём, как на вертеле. Лёшка вытащил из авоськи свои бутерброды и варёную курицу. Но Владимир Сергеевич порекомендовал оставить этот пищезапас на аварийный случай.

Мы с Лёшкой никак не могли предположить, какая может произойти авария, и поэтому с сожалением смотрели на то, как Владимир Сергеевич решительно запихнул курицу обратно в Лёшкину авоську.

Однако мы все вместе не наелись нашими котлетами и бутербродами. Тогда Владимир Сергеевич собрал в реке ворох стрелолиста и испёк в золе маленькие клубни, сорванные с корневищ. Вкус у них был, как у картошки. Потом он угостил нас корнями лопуха, и эти корни оказались ничуть не хуже сырой морковки.

Такой обед нам очень понравился.

Потом Владимир Сергеевич черпнул какой-то консервной банкой воду из реки, бросил в банку для дезинфекции два кристаллика марганцовки и поставил "чайник" на костёр. Ни чашек, ни ложек у нас не было, и поэтому, когда вода вскипела, чай мы по очереди сосали с помощью трубочек, сделанных из бузины.

Пожалуй, из всех чаёв, которые я когда-либо пивал, этот чай был самый вкусный. И Лёшка мне подмигивал — вот житуха отличная! — и осторожно своей трубочкой пытался вытащить из банки какого-то сварившегося комарика. Консервная банка была маленькая, и мы её раза три ставили на костёр.

9.

День уходил. Нам пора уже было думать о ночлеге. Но расставаться с рекой не хотелось. Я нашёл в воде большую замшелую раковину с дюжиной налипших на неё ракушек и подумал, что это её "дети". Оторвутся они когда-нибудь от своей матери и начнут самостоятельную жизнь. А когда? Через десять дней или через месяц?

Я взял нашу консервную банку-"чайник", вложил в неё раковину и, полузасыпав её песком, поставил в воду. Зайду ещё сюда завтра, посмотрю. Если "детишки" отпадут, все мои будут. Из банки не вылезут.

— Друзья, минуточку внимания! — вдруг сказал Владимир Сергеевич. — А куда вам торопиться? Ей-богу, оставайтесь ночевать у меня во дворце, а? Мы с вами проведём волшебную ночь. Над вашими головами будет сиять Большая Медведица, я вам покажу Марс. И вообще живите тут хоть неделю!

— Значит, с вами? — спросил я.

— Со мной.

— А мамы? — спросил Лёшка. — Вдруг они приедут в деревню?

— А что мамы? Пошлём им срочную телеграмму со станции, и дело с концом!

— Я — "за"! — тут же сказал я. — Будем ночевать в копне!

Но Лёшка колебался. Я знал: он представил себе, что будет твориться с его мамой, если она узнает, что он не в деревне. Тина Львовна будет кричать: "Я не переживу! Я не переживу!" — а потом прилетит сюда на такси и даст нам жару!

— Да ладно тебе, Лёшка, ломать голову! — сказал я. — Остаёмся, и баста! Идём на станцию!

10.

Мы долго думали, как написать нашим мамам, чтобы они поняли, что мы живы-здоровы, что добрались благополучно и что нас надо теперь искать в копне сена на Оке.

— "Ищите на Оке", — шептал Лёшка перед окном телеграфа. — "Целуем".

— Нет, не пойдёт, — говорил Владимир Сергеевич. — Твоя мама может ещё подумать: "Ищите в Оке"! Надо тут что-нибудь короткое и ясное. И чтобы приятное...

— Лучше всего просто написать: "Ура!" — и точка! — предложил Владимир Сергеевич. — И денег меньше платить, и всё ясно! А?

Мы согласились. Телеграмма вышла короткой, как удар сабли: "Ура!".

И действительно, из этого слова можно было очень хорошо понять, что мы очень любим своих мам, которые не побоялись отпустить нас в дорогу, и что мы в восторге от нашей свободной жизни. Коротко и ясно!

И никто из нас в эту минуту не предполагал, что этим "сабельным ударом" мы на много дней отсекли себе дорогу в Москву.

Ребята, с героями книги "В добрях Кара-Бумбы" происходит много смешных историй, у них появляются друзья и враги. Советуем вам прочесть повесть целиком. Вопросы и задания для вас:

1. Найдите в тексте описание летнего дня на берегу реки (части 5 и 6). Как вы думаете, почему у героя рассказа возникло ощущение счастья, когда он оказался наедине с природой?

2. Прочитайте в части 6 портрет Владимира Сергеевича. Как вы думаете, что в нём было необычного? Почему этот человек заинтересовал ребят?

3. Расскажите о необыкновенном дне, который ребята провели на берегу Оки.

4. Почему из всех вариантов текста телеграммы герои рассказа выбрали "Ура!"? А какую телеграмму послали бы вы?

Ребята, вы прочли отдельные главы из повестей Сергея Голицына и Иосифа Дика. Наверное, вы захотите узнать, чем же отличается повесть от рассказа? Это очень просто. Повесть — литературное произведение в прозе, в котором описан довольно большой отрезок жизни героев, происходит много событий. А рассказ — это один эпизод, одно событие из жизни героев (вспомните рассказ "Англичанин Павля"). В рассказе — один или несколько героев, в повести — значительно больше. Рассказ занимает несколько страниц, повесть — гораздо длиннее, часто она делится на главы.

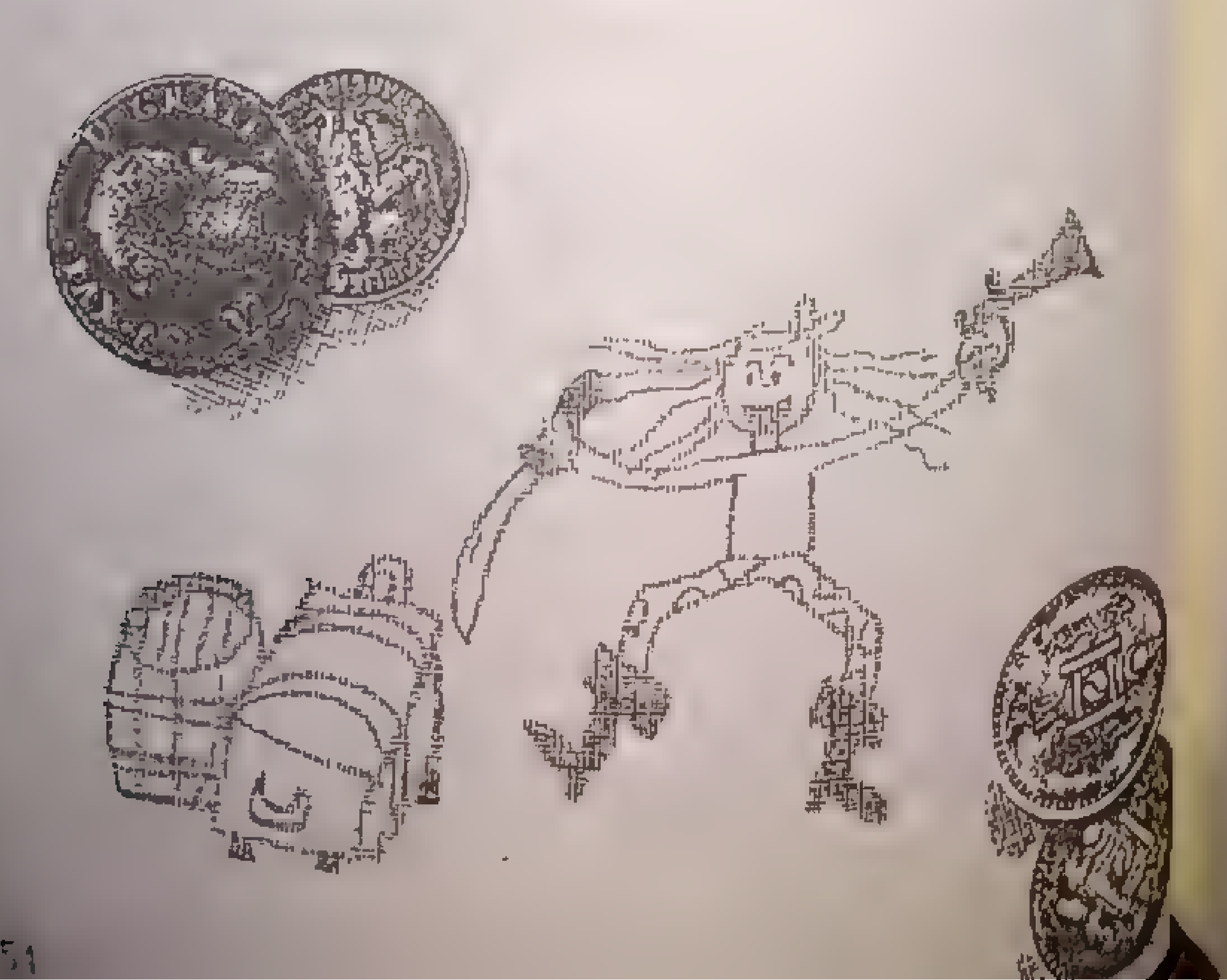
...Почти всю неделю в доме пахло грибами и лесом, и это немного смягчило рассерженных бабушку и маму. Как-то за ужином, доедая жареную картошку с грибами, Настя вздохнула:

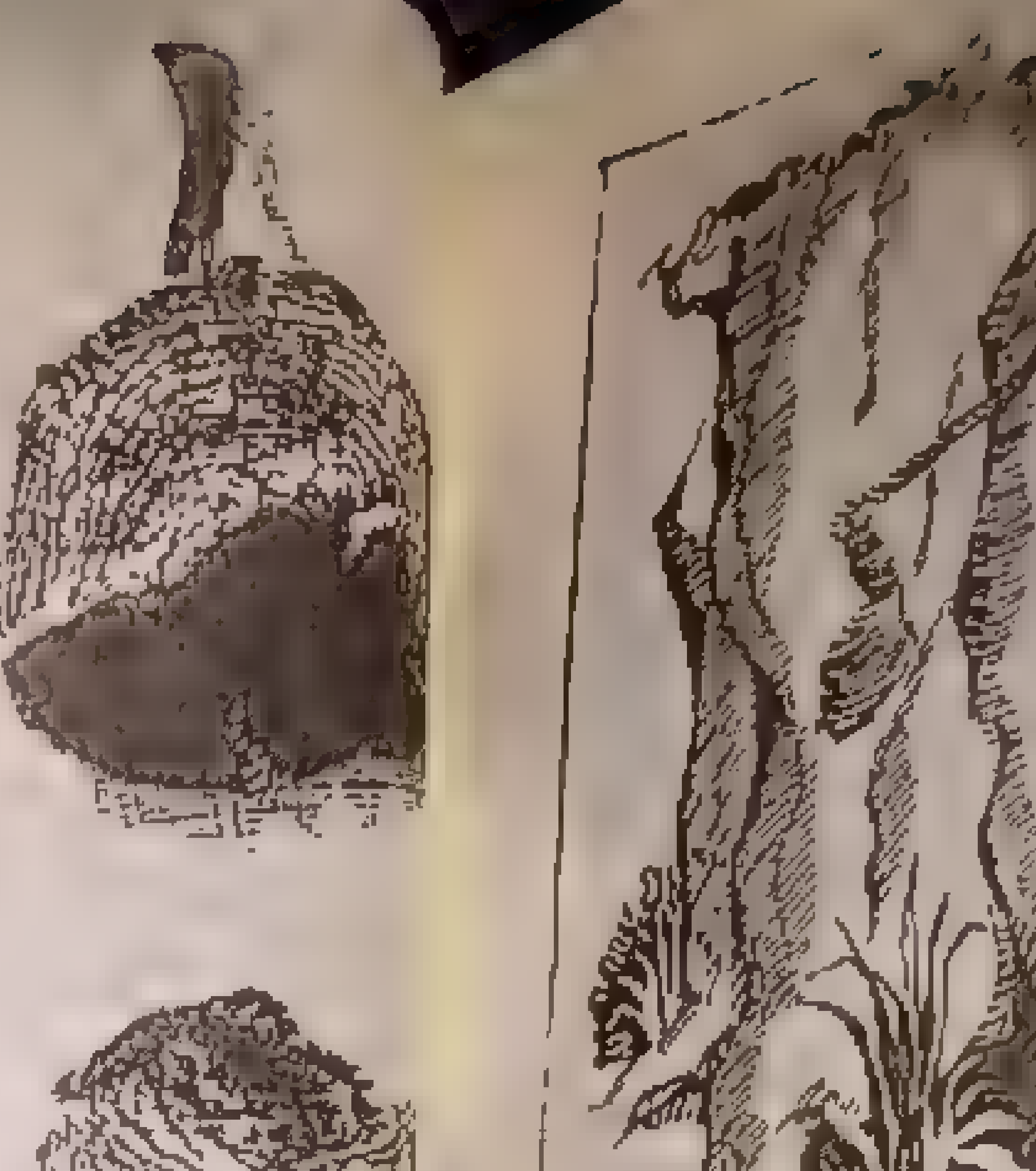
— Здорово было в лесу! Как бы я хотела пожить несколько дней в палатке или в шалаше на берегу реки! Наверное, все мои друзья мечтают об этом...

— А ты знаешь, — вдруг сказал папа, — что это мечта не только твоих сверстников? Пожить в лесу или на острове, побыть пиратами или робинзонами — мечта многих мальчишек и девчонок, в какое бы время они ни жили. В твоей книжке есть главы из романа американского писателя Марка Твена "Приключения Тома Сойера". Кстати, учти, что ты будешь читать перевод. Марк Твен написал эту книгу по-английски (она вышла в 1876 году), но что интересно: его мальчишки и герои повестей Сергея Голицына и Иосифа Дика говорят на разных языках, живут в разное время, но их мысли, поступки, увлечения, шалости очень похожи.

Марк Твен жил во второй половине XIX века, был журналистом, писал книги для взрослых, но всемирно известен он стал благодаря двум увлекательнейшим романам о детях — "Приключения Тома Сойера" и "Приключения Гекльберри Финна". Действие романов происходит во второй половине XIX века, но когда будешь читать, ты этого просто не заметишь.

Ребята, читая главы из книги Марка Твена, подумайте вместе с Настей, что объединяет её героев Тома и Гека с героями Сергея Голицына и Иосифа Дика.

ПРИ

Том сначала
вправо, то
позади ту дорогу,
ются в школу. А
ленно. По пути о
ручеёк, так как
будто таким обра
вят погоню в тупи
тую усадьбу вдов
дифской горы. Шк
ди, в долине. Пу
пренебрегая тропи
под развесистым д

Здесь, в лесу, б
ном зное умолкло
в дремоту; её сон
дятла, доносившимс
шина казалась ещё

Марк ТВЕН

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА СОЙЕРА

Глава восьмая
БУДУЩИЙ ХРАБРЫЙ ПИРАТ

Том сначала колесил по переулкам, сворачивая то вправо, то влево, и в конце концов оставил далеко позади ту дорогу, по которой ученики обычно возвращаются в школу. А потом побрёл в гору — понуро и медленно. По пути он раза два или три перешёл небольшой ручеёк, так как среди мальчишек существует поверье, будто таким образом они заметают за собою следы и ставят погоню в тупик. Через полчаса он уже миновал богатую усадьбу вдовы Дуглас, стоявшую на вершине Кардифской горы. Школа еле виднелась внизу — там, позади, в долине. Путник углубился в густой лес, пошёл, пренебрегая тропинками, в самую чащу и уселся на мху под развесистым дубом.

Здесь, в лесу, было тихо и душно. В мёртвом полуденном зное умолкло даже пение птиц. Природа погрузилась в дремоту; её сон по временам нарушался лишь стуком дятла, доносившимся издали. И от этого стука лесная тишина казалась ещё более глубокой, а тоска одиночества

ще более гнетущей. Сердце Тома терзала печаль, которая была в полной гармонии с окружавшей его природой. Он долго сидел в задумчивости, упершись локтями в колени и положив подбородок на руки. Ему казалось, что жизнь в лучшем случае — суета и страдание, и он готов был завидовать Джимми Годжесу, который недавно скончался. "Как хорошо, — думал он, — лежать в могиле, спать и видеть разные сны, во веки веков, и пусть ветер шепчет о чём-то в ветвях, пусть ласкает траву и цветы на могиле, а тебя ничто не беспокоит, и ты ни о чём не горюешь, никогда, во веки веков". Ах, если бы у него были хорошие отметки в воскресной школе, он, пожалуй, был бы рад умереть и покончить с постылой жизнью... А эта девочка... ну, что он ей сделал? Ничего. Он желал ей добра. А она прогнала его, как собаку — прямо как собаку. Когда-нибудь она пожалеет об этом, но, может быть, будет поздно. Ах, если б он мог умереть не навсегда, а на время!

3.

Но в молодости сердца эластичны и, как их ни сожми, расправляются быстро. Тома незаметно захватили опять помыслы здешнего мира. Что, если он сию минуту пойдёт куда глаза глядят и таинственно исчезнет для всех? Что, если он уйдёт далеко-далеко, в неведомые страны, за моря и никогда не вернётся? Каково-то почувствует себя Бекки тогда!.. Он вспомнил, как собирался сделаться клоуном в цирке, но теперь ему было гадко подумать об этом, ибо шутовство и паясничество и цветное трико в обтяжку показались ему унизительными в такое мгновение, когда его душа воспарила к туманным и величавым высотам романтики. Нет, он пойдёт в солдаты и вернётся домой через много лет, покрытый ранами и славой. Или, ещё лучше, уйдёт к индейцам, будет охотиться с ними на буйволов, блуждать по тропе войны, средь высоких гор и бездорожных прерий Дальнего Запада, и когда-нибудь вернётся домой великим индейским вождём и в сонное летнее утро, ощетинившись перьями, размалёванный, страшный, ввалится прямо в воскресную школу с диким воинственным кличем, от которого кровь стынет

в жилах. Вот выпучат глаза его товарищи! Вот будут ему завидовать! Но нет, есть на свете ещё более великолепное поприще[1]. Он будет пиратом! Да-да! Теперь он ясно видел перед собой своё будущее, озарённое неописуемым блеском. Его имя будет греметь во всём мире, заставляя людей содрогаться от ужаса. Как гордо будет он носиться по бурным морям на длинном, низком, чёрном корабле "Демон бури", с чёрным зловещим флагом, развевающимся на носу корабля! И, достигнув вершины славы, он нежданно-негаданно появится в своём старом родном городишке и войдёт в церковь, загорелый, обветренный, в чёрном бархатном камзоле и в таких же штанах, с алой перевязью, в высоких ботфортах, а за поясом у него будут торчать пистолеты, сбоку — нож, заржавевший от пролитой крови, на голове у него будет мягкая шляпа с опущенными книзу полями, с развевающимися перьями, в руке — чёрное развернутое знамя, а на знамени — череп и скрещенные кости. И с каким восторгом, с каким упоением он услышит, как шепчутся вокруг: "Это Том Сойер, пират! Чёрный Мститель Испанских морей!"

Да, решено! Он окончательно избрал свою дорогу. Он убежит из дому и начнёт новую жизнь. Завтра же утром он отправится в путь. Чтобы быть готовым к утру, необходимо приняться за дело сейчас же. Нужно собрать всё своё богатство. Неподалёку лежало трухлявое дерево. Том подошёл к нему и начал карманным ножом "Барлоу" копать землю под одним из его концов. Скоро нож наткнулся на какой-то деревянный предмет, и Том по звуку распознал, что внутри пустота. Он сунул туда руку и торжественно произнёс заклинание:

— Чего тут не было, приди! А что тут есть, останься!

Он соскоблил верхний слой земли, и внизу оказалась тонкая сосновая дощечка. Он поднял дощечку — под нею открылся аккуратно сделанный тайник для сокровищ, дно и стены которого были выложены такими же дощечками. В тайнике лежал алебастровый шарик. Изум-

[1] Поприще — область деятельности.

лению Тома не было границ. Он со смущённым видом почесал затылок:

— Эге-ге! Вот так штука!

Он с досадой отшвырнул шарик и принялся размышлять. Дело в том, что его обмануло поверье, которое он и его товарищи принимали за непреложную истину. Если зароешь шарик, произнеся над ним необходимые заклинания и в течение двух недель не будешь трогать его, потом откроешь тайник с тем заклинанием, которое сейчас было произнесено, то вместо одного шарика ты найдёшь все, какие были когда-либо потеряны тобою, как бы далеко ни лежали они друг от друга. Но чуда не произошло, это ясно, и всё, во что верил Том, было подорвано в корне. Он столько раз слышал об удачных попытках такого рода и никогда не слыхал о неудачных. Ему не пришло в голову, что он и сам пробовал этот способ не раз, а потом никогда не мог найти, где был закопан шарик. Он долго раздумывал и наконец решил, что тут вмешалась какая-то ведьма и разрушила чары. Но ему хотелось окончательно убедиться в этом, и, выискав чистенькое песчаное местечко, в центре которого было углубление в виде воронки, он лёг на землю, прильнул губами к самой ямке и проговорил:

— Бук-букашка, расскажи мне, что хочу я знать.

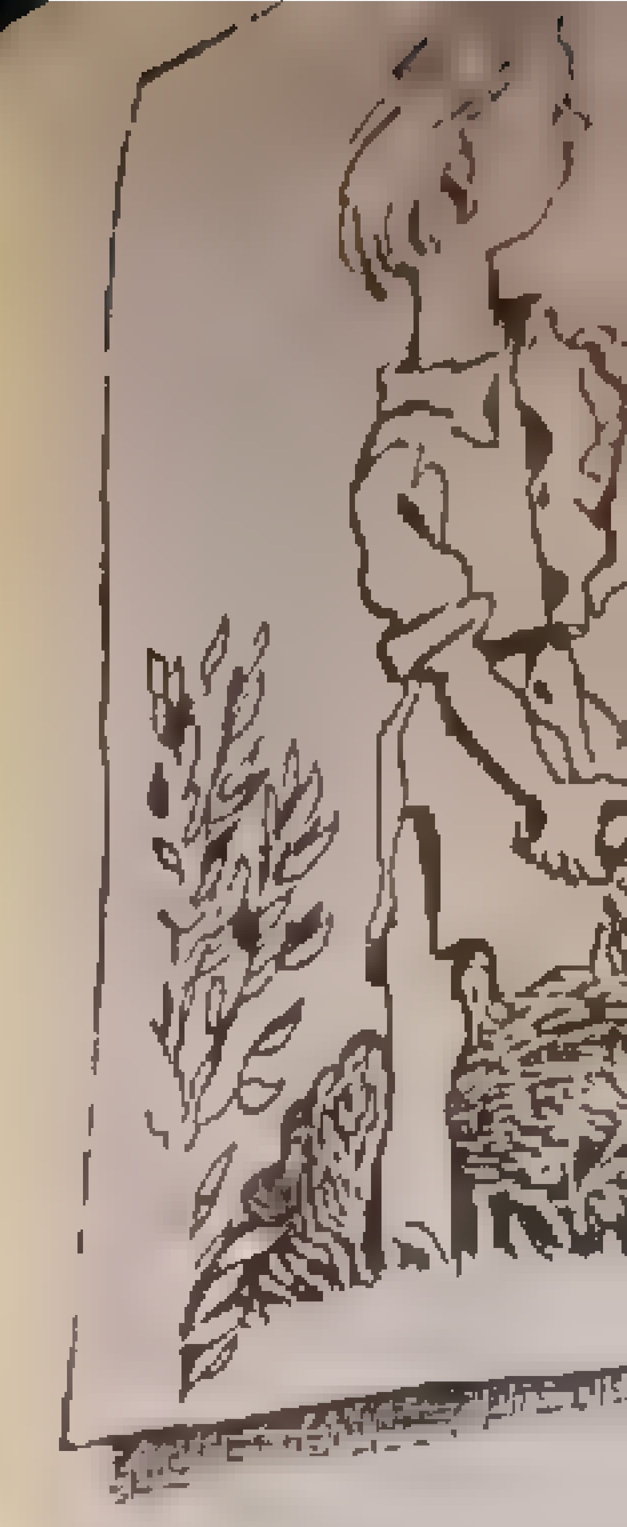
Бук-букашка, расскажи мне, что хочу я знать.

Песок зашевелился, оттуда на мгновение выполз чёрный жучок и тотчас же испуганно юркнул обратно.

— Ага, не говорит. Значит, тут и вправду не обошлось без ведьмы. Я так и знал.

Тому хорошо было известно, что с ведьмами тягаться никому не под силу, и он приуныл. Потом ему пришло в голову, что не худо бы найти хоть тот шарик, который он только что бросил, и он принялся терпеливо искать его, но ничего не нашёл. Он вернулся к своему тайнику и встал на то самое место, с которого только что бросил шарик, потом вынул из кармана другой и бросил его в том же направлении:

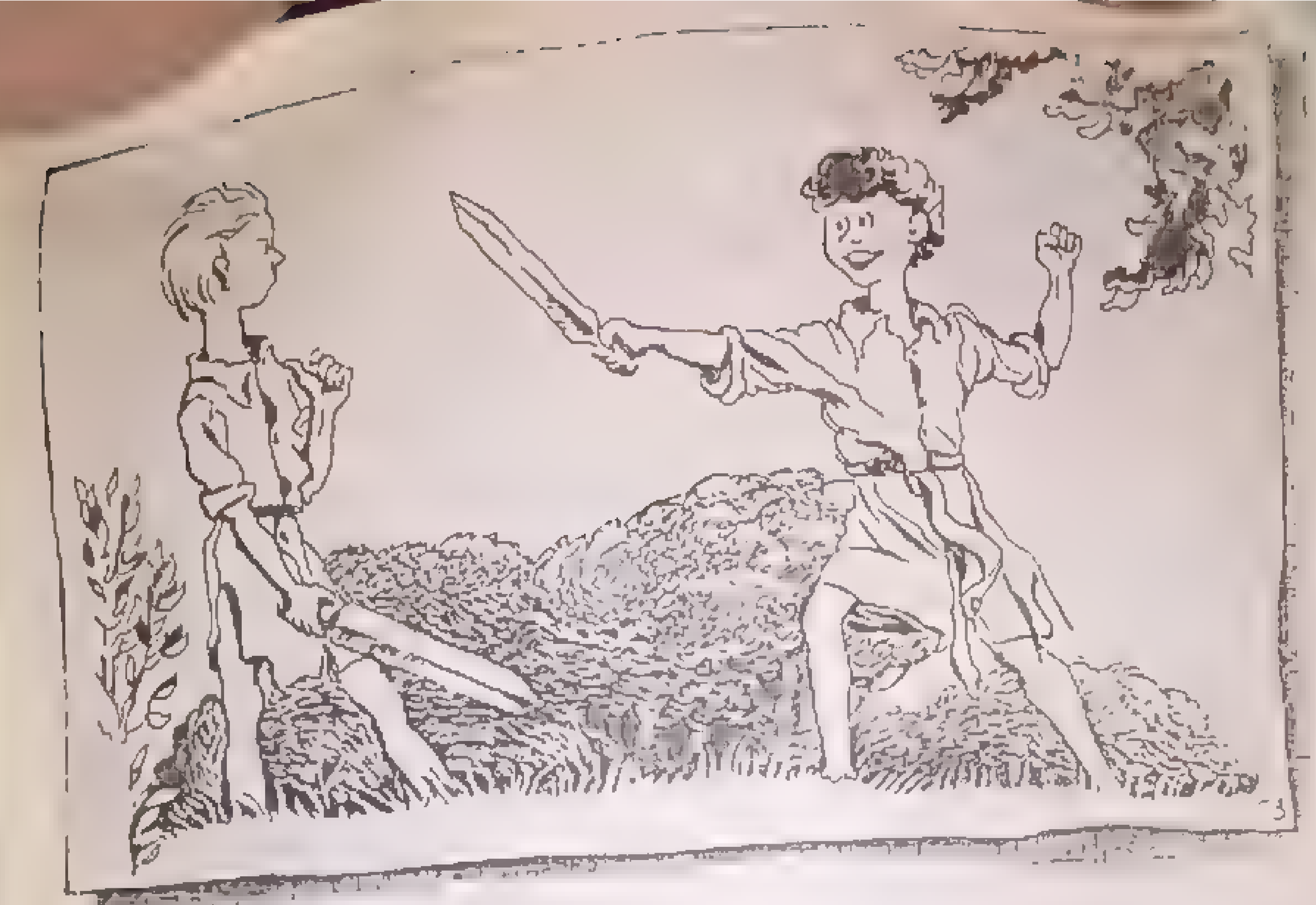
— Брат, поди сыщи брата!

Он заметил,
там, но не наш
докатился, или
ещё раз, другой
шарика лежали

В эту минуту
игрушечной жест
куртку и штаны
кучу хвороста за
дельные лук, стр
трубу, мигом во
башке помчался
протрубил ответ
цыпочках, настор
громко скомандов
— Стой, молод
лю!

Появился Джо
же вооружённый
— Стой! Кто с
моего разрешения?
— Гай Гисборн
Кто ты, который...

Он заметил, где остановился шарик, и стал искать там, но не нашёл. Должно быть, второй шарик или не докатился, или залетел слишком далеко. Он попробовал ещё раз, другой, третий и наконец добился успеха: оба шарика лежали на расстоянии фута друг от друга.

5

В эту минуту с зелёной опушки донёсся слабый звук игрушечной жестяной трубы. Том быстро сбросил с себя куртку и штаны, опоясался одной из подтяжек, разрыл кучу хвороста за гнилым деревом, вытащил оттуда самодельные лук, стрелу, деревянный меч, а также жестяную трубу, мигом вооружился и в одной развевающейся рубашке помчался навстречу врагу. Под большим вязом он протрубил ответный сигнал, потом стал пробираться на цыпочках, настороженно оглядываясь по сторонам, и негромко скомандовал воображаемому отряду:

— Стой, молодцы! Останься в засаде, пока не затрублю!

Появился Джо Гарпер в такой же лёгкой одежде и тоже вооружённый с головы до пят. Том окликнул его:

— Стой! Кто смеет ходить по Шервудскому лесу без моего разрешения?

— Гай Гисборн не нуждается ни в чьём разрешении! Кто ты, который... который...

— "... смеет обращаться ко мне с такой дерзкой речью?! — поспешно подсказал ему Том, так как оба они говорили на память "по книге".

— ... который смеет обращаться ко мне с такой дерзкой речью?..

— Кто я? Я — Робин Гуд[1], в чём очень скоро убедится твой презренный труп.

— Так это ты, знаменитый разбойник! Воистину я буду рад помериться с тобою мечом за обладание дорогами этого весёлого леса. Защищайся!

Они выхватили деревянные мечи, бросили остальное оружие на землю, стали в боевую позицию, нога к ноге, и начался серьёзный поединок по всем правилам искусства: два удара вверх и два вниз. Наконец Том сказал:

— Ну драться так драться! Поддай жару!

Они так усердно "поддали жару", что оба запыхались и вспотели.

— Падай же! Падай! — крикнул Том.

— Почему ты не падаешь?

— Не стану я падать! Сам падай — тебе ведь хуже моего приходится.

— Ну так что же? Это ничего не значит. Мне падать не полагается. В книге ведь не так — там сказано: "И он одним ловким ударом в спину поразил насмерть злосчастного Гая Гисборна". Ты должен повернуться и подставить мне спину, чтобы я мог ударить тебя.

Против такого авторитета возражать не приходилось: Джо повернулся, принял удар и упал.

— А теперь...— сказал Джо, поднимаясь на ноги, — теперь дай мне убить тебя — это будет по совести.

— Да ведь так нельзя, этого в книге нет!

— Ну это нечестно! Это, по-моему, подлость!

— Ну ладно, Джо, — ведь ты можешь быть монахом Таком или сыном мельника Мачем и пристукнуть меня дубинкой по голове. Или, хочешь, я буду шериф нотин-

[1]Робин Гуд — знаменитый герой старинных английских рассказов и песен. Том Сойер начитался историй о его разбойничьих подвигах; самые занимательные из этих историй — встречи Робина Гуда с рыцарем Гаем Гисборном и монахом Таком.

гемский, а ты Робин Гуд на одну минутку, и ты убьёшь меня.

Это удовлетворило Джо Гарпера, и игра продолжалась. Затем Том опять сделался Робином Гудом и по вине вероломной монахини, плохо ухаживавшей за его запущенной раной, смертельно ослабел от потери крови, после чего Джо, изображавший собой целую толпу рыдающих разбойников, с грустью оттащил его прочь, вложил лук в его ослабевшие руки, и Том сказал: "Где упадёт эта стрела, там и похороните бедного Робина Гуда, под деревом в зелёной дубраве!" Затем он пустил стрелу, откинулся назад и упал бы мёртвым, но кругом оказалась крапива, и он вскочил с неподобающей покойнику прытью.

Мальчики оделись, спрятали доспехи и пошли прочь, сокрушаясь, что теперь нет разбойников, и спрашивая себя, чем могла бы современная цивилизация восполнить такой пробел. Оба утверждали, что предпочли бы лучше сделаться на один год разбойниками Шервудского леса, чем президентами Соединённых Штатов на всю жизнь.

Глава тринадцатая

ШАЙКА ПИРАТОВ ПОДНИМАЕТ ПАРУСА[1]

Том принял твёрдое, бесповоротное решение. В душе у него был мрак безнадёжности. Он говорил себе, что он одинок, всеми покинут, что никто в мире не любит его. Потом, когда люди узнают, до чего они довели его, может быть, они раскаются и пожалеют о нём. Он старался быть хорошим и делать добро, но ему не хотели помочь. Если уж им надо непременно избавиться от него — что ж, он уйдёт, и пусть бранят его сколько хотят. Сделайте одолжение, браните! Разве одинокий, всеми брошенный мальчик имеет какое-нибудь право роптать? Он не хотел, но приходится. Они сами вынудили его стать на путь преступлений. Иного выбора у него нет. Он дошёл уже почти до конца Лугового переулка, и звон школьного колокола, сзывавшего в классы, еле долетел до него. Том всхлипнул при мысли, что никогда-никогда больше не ус-

лышит хорошо знакомого звонка. Это было тяжко, но что же делать — его заставляют. Его, бесприютного, гонят блуждать по пустынному миру — и тут ничего не поделаешь. Но он прощает им всем... да, прощает. Тут его всхлипывания стали сильнее и чаще.

Как раз в ту минуту он повстречался со своим лучшим другом Джо Гарпером. У того тоже были заплаканные глаза и в душе, очевидно, созрел великий и мрачный план. Несомненно, они представляли собой "две души, окрылённые единой мечтою". Том, вытирая глаза рукавом, поведал о своём решении уйти из дому, где так жестоко обращаются с ним и где он ни в ком не встречает сочувствия, — уйти и никогда не возвращаться. В заключение он выразил надежду, что Джо не забудет его.

Но тут обнаружилось, что Джо и сам собирался просить своего друга о том же и давно уже ищет его. Мать отстегала Джо за то, что он будто бы выпил какие-то сливки, а он не пробовал их и даже в глаза не видал. Очевидно, он ей надоел, и она хочет от него отвязаться.

Оба страдальца шли рядом, поверяя свои скорби друг другу. Они уговорились стоять друг за друга, как братья, и никогда не расставаться, пока смерть не избавит их от мук. Затем они принялись излагать свои планы. Джо хотел бы уйти в отшельники, жить в уединённой пещере, питаясь сухими корками, и умереть от холода, нужды и душевных терзаний, но, выслушав Тома, признал, что преступная жизнь имеет свои преимущества, и согласился сделаться пиратом.

2.

В трёх милях от Санкт-Петербурга, там, где река Миссисипи достигает более мили ширины, есть длинный, узкий, поросший деревьями остров с песчаной отмелью у верхнего конца — вполне подходящее место для изгнанников. Остров был необитаем и лежал ближе к противоположному берегу, поросшему густым, дремучим лесом, где тоже не было ни одного человека. Потому-то они и решили поселиться на этом острове — острове Джексона. Им и в голову не пришло спросить себя, кто будет жертвами их пиратских набегов. Затем они разыскали

Гекльберри Финна, и он охотно присоединился к их шайке. Геку было всё равно, какую карьеру избрать, он был к этому вполне равнодушен. Они расстались, уговорившись встретиться на берегу реки, в уединённом месте на две мили выше городка, в свой излюбленный час, то есть в полночь. Там, у берега, был виден небольшой бревенчатый плот, который они решили похитить. Условлено было, что каждый захватит с собой удочки и рыболовные крючки, а также съестные припасы, те, какие удастся украсть, по возможности самым загадочным и таинственным образом, как и подобает разбойникам. Ещё до вечера каждый из них успел с наслаждением распространить среди товарищей весть, что скоро в городе "кое-что услышат". Все, кому был дан этот туманный намёк, получили также приказ "держать язык за зубами и ждать".

3.

Около полуночи Том явился с варёным окороком и ещё кое-какой провизией и притаился в густой зарослях на невысокой круче у самого берега. С кручи было видно то место, где они должны были встретиться. Было тихо, сияли звёзды. Могучая река покоилась внизу, как спящий океан. Том прислушался — ни звука. Тогда он тихо, протяжно свистнул. Снизу донёсся ответный свист. Том свистнул ещё два раза, и ему снова ответили. Потом чей-то приглушённый голос спросил:

— Кто идёт?

— Том Сойер, Чёрный Мститель Испанских морей. Назовите ваши имена!

— Гек Финн, Кровавая Рука, и Джо Гарпер, Гроза Океанов.

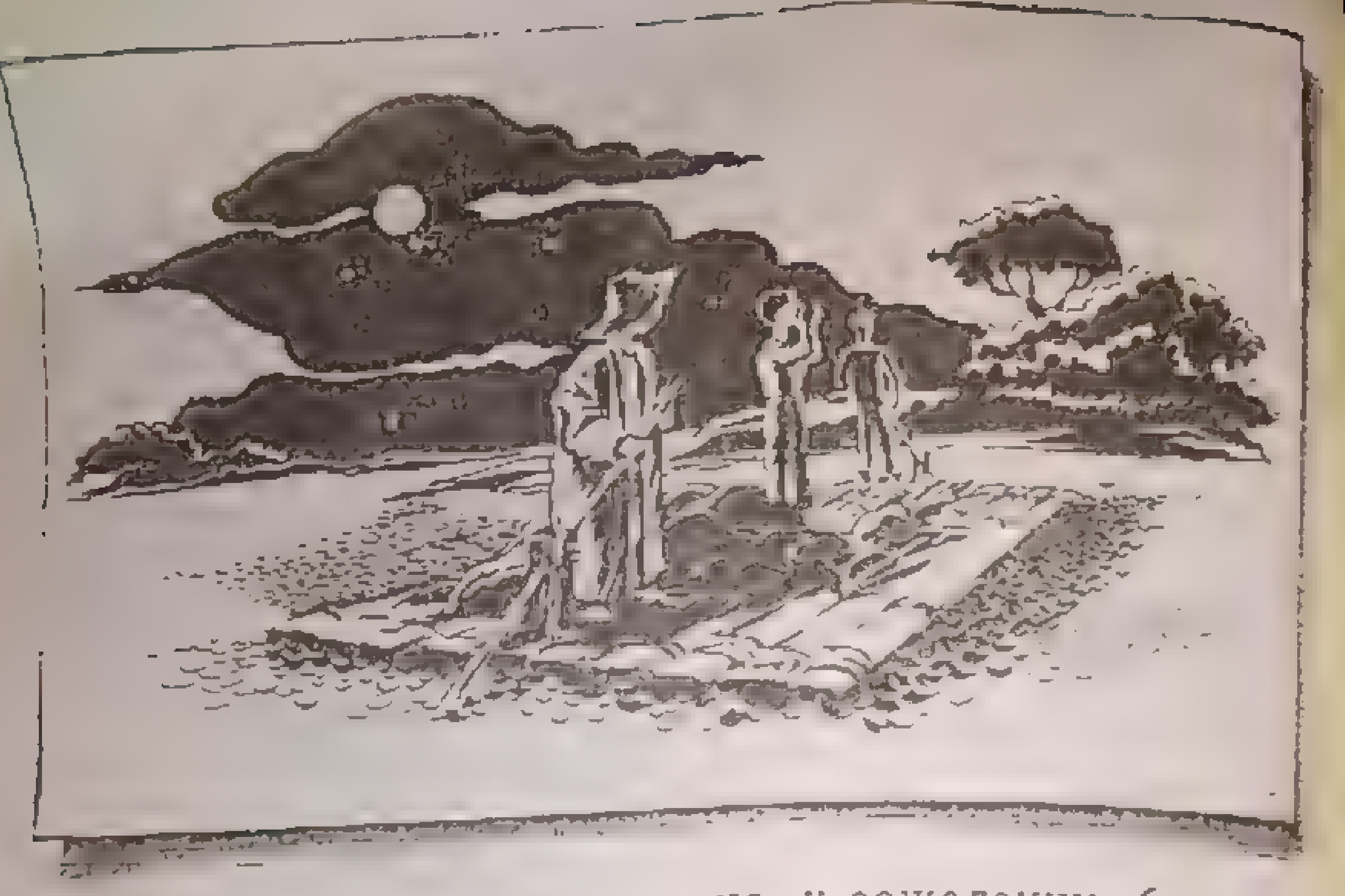
Эти прозвища Том позаимствовал из своих излюбленных книг.

— Ладно. Скажите пароль!

В ночной тишине два хриплых голоса одновременно произнесли одно и то же ужасное слово:

— "Кровь"!

Том швырнул сверху свой окорок и сам скатился вслед за ним, разодрав и кожу, и одежду. С кручи можно было спуститься по отличной, очень удобной тропин-

ке, бегущей вдоль берега, но она, к сожалению, была лишена тех опасностей, которые так ценят пираты. Гроза Океанов раздобыл огромный кусок свиной грудинки и еле дотащил его до места. Финн Кровавая Рука стянул где-то сковородку и целую пачку полусырых табачных листьев, а также несколько стеблей маиса, чтобы заменить ими трубки, хотя, кроме него, ни один из пиратов не курил и не жевал табак. Чёрный Мститель Испанских морей объявил, что нечего и думать пускаться в путь без огня. Это была благоразумная мысль: спички в таких отдалённых местах были в те времена ещё мало известны. В ста шагах выше по течению мальчики увидели костёр, догорающий на большом плоту, подкрались к нему и стащили головню. Из этого они устроили целое приключение: поминутно "цыкали" друг на друга и прикладывали пальцы к губам, призывая к безмолвию, хватались руками за воображаемые рукоятки кинжалов и зловещим шёпотом приказывали, если только "враг" шевельнётся, "всадить ему нож по самую рукоятку", потому что "мёртвый не выдаст". Мальчуганы отлично знали, что плотовщики ушли в город и либо шатаются по лавкам, либо пьянствуют, — все же им не было бы никакого оправдания, если бы они вели себя не так, как полагается заправским пиратам.

4

Затем они двинулись в путь. Том командовал. Гек работал кормовым веслом. Джо — носовым. Том стоял на середине корабля. Мрачно нахмурив брови, скрестив руки на груди, он командовал негромким, суровым шёпотом:

— Круче к ветру!.. Уваливай под ветер!

— Есть, сэр!

— Так держать!

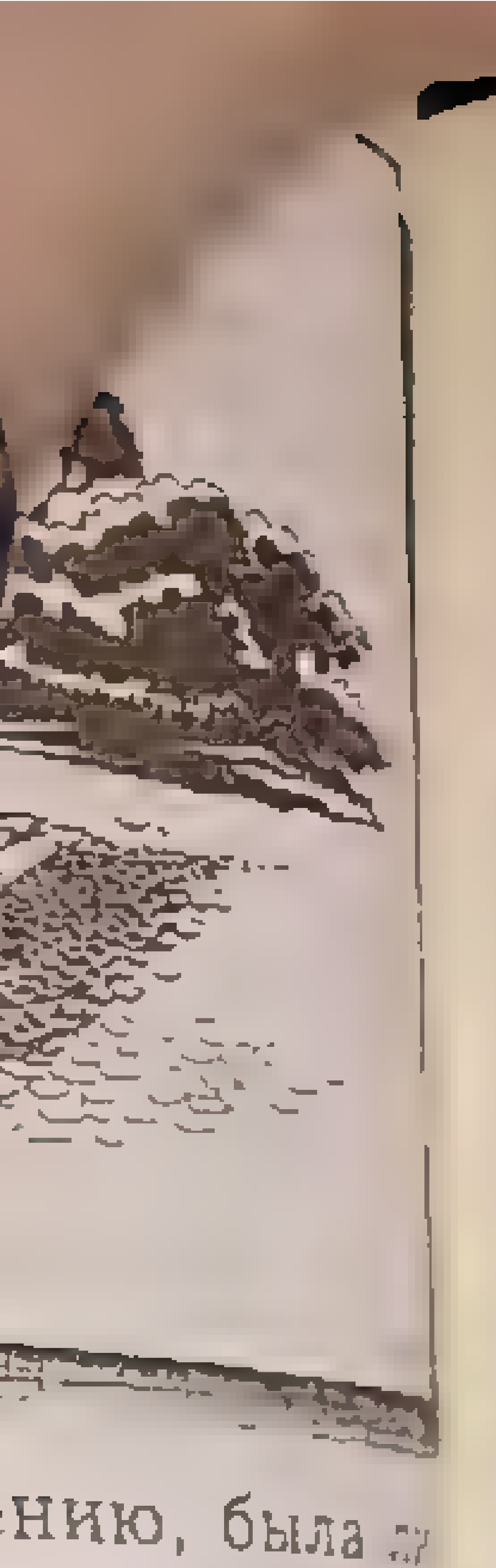
— Есть, сэр!

— Держи на румб![1]

— Есть держать на румб, сэр!

Так как мальчики ровно и спокойно гребли к середине реки, все эти приказания отдавались "для виду" и ничего, собственно, не означали.

Плот миновал середину реки, мальчики направили его по течению и положили вёсла.

5.

Около двух часов ночи плот сел на песчаную отмель ярдах в двухстах от верхней оконечности острова, и они долго ходили взад и вперёд по колено в воде, пока не перетаскали туда всю добычу. На плоту был старый парус, они сняли его и натянули между кустами вместо навеса, чтобы укрыть провиант; сами они в хорошую погоду будут спать под открытым небом — как и подобает разбойникам.

Они развели костёр около упавшего дерева в мрачной чаще леса, шагах в двадцати—тридцати от опушки, поджарили себе на сковородке немного свинины на ужин и съели половину всего запаса кукурузных лепёшек. Ах, какое великое счастье — пировать на приволье, в девственном лесу, на неисследованном и необитаемом острове, вдали от людского жилья!

Когда были съедены последние кусочки грудинки и последние ломти кукурузных лепёшек, мальчики в приятнейшем расположении духа растянулись на траве. Правда, они могли бы найти более прохладное место, но лежать у костра в лесу так увлекательно, так романтично!

[1] Румб — каждое из тридцати двух делений на круге компаса.

5. Зак. 691

— Ну разве не славно! — воскликнул Джо.

— Чудесно! — отозвался Том.

— Что сказали бы другие ребята, если бы увидели нас?

— Что? Да они прямо умерли бы от зависти! Правда, Гекки?

— Уж это так! — отвечал Гекльберри. — Не знаю, как другие, а я доволен. Лучшего мне не надо. Не каждый день случается набивать себе досыта брюхо, и, кроме того, сюда уж никто не придёт и не даст тебе по шее ни за что ни про что. И не обругает тебя.

— Такая жизнь как раз по мне, — объявил Том. — Не надо вставать рано утром, не надо ходить в школу, не надо умываться и проделывать всю эту чушь. Видишь ли, Джо, покуда пират на берегу, ему куда легче живётся, чем отшельнику: никакой работы, сиди сложа руки. Отшельник обязан всё время молиться. И живёт он в одиночку, без компании.

— Это верно, — сказал Джо. — Прежде я об этом и думал, а теперь, когда я сделался пиратом, я и сам вижу, что разбойничать куда веселее.

— А что делают пираты? — спросил Гек Тома.

— О! Пираты живут очень весело: берут в плен корабли и сжигают их, и забирают себе золото, и закапывают его в землю на своём острове в каком-нибудь страшном месте, где его стерегут привидения и всякая нечисть.

— И какая на них одежда роскошная — вся в золоте, в серебре, в брильянтах! — восторженно прибавил Джо.

— На ком? — спросил Гек.

— На пиратах.

Гек Финн безнадёжным взором оглядел свой собственный наряд.

— Костюм у меня не пиратский, — сказал он с глубокой печалью, но у меня только этот и есть.

Мальчики утешили его, говоря, что красивого костюма ему ждать недолго: как только они начнут свои набеги, у них будет и золото, и платье, и всё. А для начала годятся и его лохмотья.

Мало-помалу разговор прекратился: у маленьких беглецов слипались глаза, их одолевала дремота. Трубка выскользнула из пальцев Кровавой Руки, и он заснул сном усталого праведника. Гроза Океанов и Чёрный Мститель уснули не так скоро. Молитву на сон грядущий они прочитали про себя и лёжа, так как некому было заставить их стать на колени и прочитать её вслух. Говоря откровенно, они решили было и совсем не молиться, но боялись, что небо ниспошлёт на их головы специальную молнию, которая истребит их на месте. Вскоре они стали засыпать. Но как раз в эту минуту в их души прокралась непрошеная, неотвязная гостья, которая называется совестью. Они начали смутно опасаться, что, убежав из дому, поступили, пожалуй, не совсем хорошо; потом они вспомнили об украденном мясе, и тут начались настоящие муки. Они пытались успокоить совесть, напоминая ей, что им и прежде случалось десятки раз похищать из кладовой то конфеты, то яблоко, но совесть находила эти доводы слабыми и не хотела умолкать. Под конец им стало казаться, что стянуть леденец или яблоко — это пустая проделка, но взять чужой окорок, чужую свинину и тому подобные ценности — это уже настоящая кража, против которой и в Библии есть особая заповедь. Поэтому они решили в душе, что, пока они останутся пиратами, они не запятнают себя таким преступлением, как кража. Тогда совесть согласилась заключить перемирие, и эти непоследовательные пираты тихо и спокойно уснули.

1. Ребята, сам Марк Твен утверждал, что его "Приключения Тома Сойера" — книга для взрослых. Как вы думаете, почему?

2. Расскажите, каким вы представляете себе Тома Сойера. Нравится ли вам этот герой? Почему?

3. Как вы думаете, что можно сказать о характере мальчишки, который любит играть в благородных разбойников и пиратов?

4. А могли бы Том, Гек или Джо стать настоящими пиратами или разбойниками? Почему вы так думаете?

5. А теперь попробуйте ответить на вопрос: чем похожи Том и Гек на мальчишек — героев повестей С. Голицына и И. Дика?

Папа увидел на столе у Насти книгу, которую она дочитывала, — "Тимур и его команда" Аркадия Гайдара.

— Ну как? — спросил он.

— Здорово! — отозвалась Настя. — Только жалко, что всё это выдумки. По-моему, писатели вообще часто пишут о том, чего не бывает на самом деле.

— Да, ты права, — ответил папа. — Писатели очень часто придумывают своих героев, но это не значит, что таких людей не бывает. В одном герое могут быть собраны черты многих людей. И ты, читая об этих героях, будешь узнавать в них себя и своих друзей. И таким образом получается, что герои взяты из жизни, то есть реальны.

А иногда бывают такие удивительные совпадения, что герои, выдуманные писателем, встречаются в жизни. Вот прочти рассказ Бориса Емельянова "Игра". Борис Емельянов много лет дружил с Аркадием Гайдаром и написал книгу о нём, она называется "Рассказы о Гайдаре". В основе рассказа "Игра" — случай, который действительно произошёл с Аркадием Гайдаром. Борис Емельянов услышал эту историю от самого Гайдара и рассказал её так, как он её себе представил.

Борис ЕМЕЛЬЯНОВ

Из книги "РАССКАЗЫ О ГАЙДАРЕ"

ИГРА

Слава приходит к человеку по-разному. Много книг написал Аркадий Гайдар, но и сам он не знал — хорошей или плохой получилась книга о Тимуре. Когда повесть стала печататься в "Пионерской правде", Гайдар уехал из Москвы. Он устал. Ему хотелось отдыхать: лежать, гулять, ни о чём не думать. В Клину, дома, он обошёл комнаты, взял со стола чернильницу, ручки, перья и вышел во двор. Чернила он вылил под забор, ручки и перья закопал во дворе и повесил на воротах объявление: "Здесь живут охотники и рыбаки, а писатели здесь не живут".

Гайдар не искал славы. Он у себя в огороде собирал огурцы к обеду, когда слава сама постучалась к нему в ворота.

— Входите! — крикнул Гайдар, и в калитку протиснулась маленькая сморщенная старушка. — Входи, бабушка, — повторил Гайдар. — Тебе кого надо?

— Тебя и надо, — сказала старушка и стала спокойно и внимательно разглядывать Гайдара. Она обошла его

с левой стороны, оглядела орден и потрогала рукав гимнастёрки.

— Ты и есть, — сказала старушка. — Как тебя объяснили добрые люди, такой и есть. Ну, стало быть, спасибо тебе! — И старушка, поклонившись в пояс, подала Гайдару узелок и корчáжку[1].

— Это что же такое? — спросил Гайдар растерянно.

— Яички, — сказала старушка. — Свеженькие. А это творог, в корчажке. Ты бери, не бойся, я бабка своя, красноармейская.

— Какая? — спросил Гайдар.

— Красноармейская, — повторила старушка. — У меня два внука в Красной Армии служат верой и правдой Я и пенсию за них получаю. А тебе приношение делаю за добро, за указку.

— Ничего не понимаю! — сказал Гайдар. — За какую указку?

— Понимать нечего, — заволновалась старушка. — Какой народ пошёл непонятливый! Четвёртый день у меня во дворе идёт баталия. Дрова наколоты, вода натаскана. Ты не смотри, что я старая, я до всего дозналась. Как ты книжки писал, как мальчишкам читал и какое им от тебя приказание вышло. Я их сегодня с утра стерегла и дозналась! — гордо добавила старушка. — А то они ведь тоже меня подстерегали. Я за козой — они во двор...

— Стало быть, у тебя, бабка, и коза есть? — спросил Гайдар.

— Есть коза, — сказала старушка. — Уж такая шустрая попалась коза! За ней, за козушкой, нагоняешься. Вчера отвязалась — еле поймали.

Гайдар охнул и сел на завалинку у дома.

— Бабка! — сказал он плачущим голосом. — Ведь это же всё в моей книжке написано. Бабка, милая, откуда же ты взялась? Ведь я тебя, бабка, выдумал. Ведь тебя, бабка, на свете никогда не было...

— Ты уж ври, ври, да не завирайся! — грозно сказала обиженная старушка. — Это как же так понимать? Я,

[1]Корчáжка — маленький глиняный кувшин.

милый человек, на свете долго жила. У меня дети были, когда ты под стол пешком бегал.

Гайдар вскочил с завалинки и обнял старушку за плечи.

— Не сердись, бабушка! — сказал он. — Ты-то сама мою книжку читала?

— Я, сынок, неграмотная, — грустно сказала старушка. — Мне люди рассказывали.

— А мальчишки эти где? Откуда они? — допытывался Гайдар. — Какие они?

— Обыкновенные мальчишки, здешние, — сказала старушка, — Найдёновы братья, Тихонов внук, девчонка с ними Наташка. От тебя, как выйдешь, найдёновский сад будет наискосок, дворами-то здесь близко.

... Медленно вошёл Гайдар в чужой сад.

В старом саду было тихо. По коричневым стволам сосен двигались солнечные светло-жёлтые пятна. В кустах чёрной смородины, густо посаженных вдоль забора, чирикали воробьи. На лужайке валялись две рогатки, лук и стрелы.

Гайдар подошёл к дому и с удивлением прочёл приколотую к двери записку: "Мать ушла на базар". Из открытых окон дома доносились голоса. Гайдар прислушался и подошёл ближе.

— Читай дальше! — требовал чей-то голос.

Гайдар с недоумением оглянулся по сторонам. Других записок как будто на крыльце не висело.

— "В просвете мелькнула ещё одна тень, — услышал Гайдар. — Все обернулись и расступились. И перед Женей стал высокий темноволосый мальчуган в синей безрукавке, на груди которой была вышита красная звезда.

— Тише, Женя! — громко сказал он. — Кричать не надо. Никто тебя не тронет. Мы с тобой знакомы. Я Тимур..."

Гайдар отошёл от окон. Мягко, неслышно ступая по траве, он обошёл дом и вдруг остановился, поражённый. Тонкие верёвочные провода тоже, как в книжке, тянулись с чердака к высоким соснам у забора. К дому была

прислонена лестница. Гайдар оглянулся ещё раз. Никто его не видел.

Осторожно, опытный, старый разведчик, он взобрался на чердак. Жёлтое рулевое колесо, банки, звонки и бубенчики, красные звёзды на синем флаге — всё он заметил сразу и всё сразу понял. Игра начиналась всерьёз, игра становилась жизнью. Отсюда, с невысокого пыльного чердака, всё было видно далеко-далеко...

С растерянной усмешкой он подошёл к сигнальному колесу.

— Ну вот, — сказал он тихо, — всё написал, обо всём подумал, а сейчас не знаю, куда крутить, куда вертеть и какая банка зазвенит громче. Пусть будет этот сигнал по форме номер один, позывной, общий.

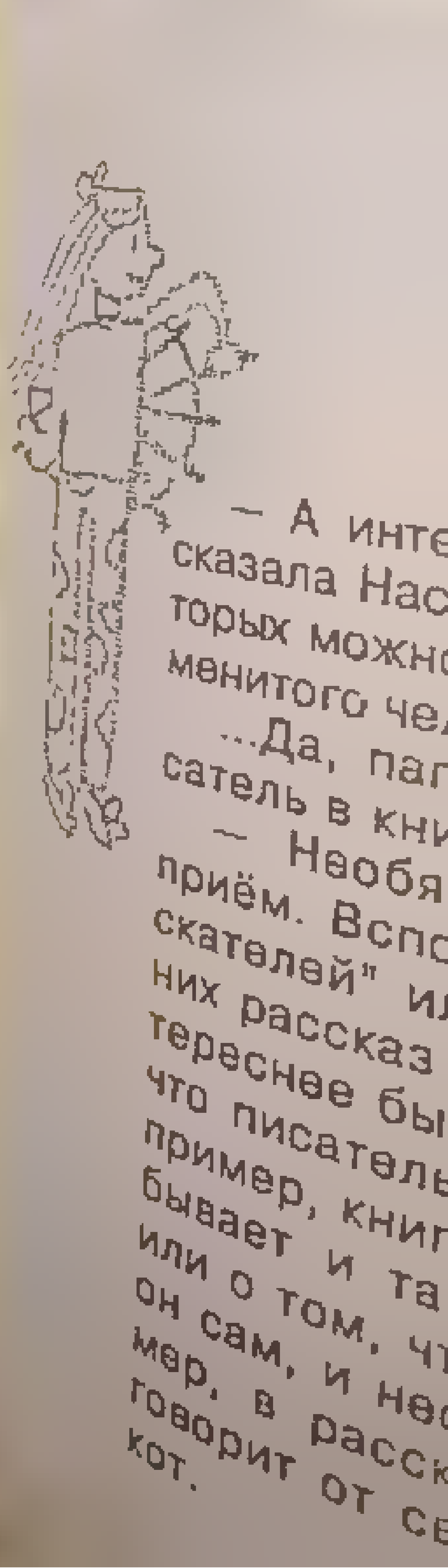
И Гайдар повернул направо, потом налево таинственное колесо, и сейчас же на чердаке и внизу в доме задребезжали звонки и склянки, чей-то быстрый топот раздался под слуховым окном, скрипнула лестница, и Гайдар виновато опустил голову. Перед ним стоял высокий темноволосый мальчик с красной звездой на синей безрукавке, за ним виднелись ещё два мальчугана — младший брат Найдёнов и Тихонов внук, а по лестнице храбро лезла вверх девчонка Наташка.

— Кто вы такой и что вам здесь надо? — спросил высокий мальчик.

— Я Аркадий Гайдар, — сказал Гайдар. — Я выдумал весёлую тимуровскую команду, бабку с козой, чердак с колесом, верёвочные провода и девочку Женю. Но бабка сегодня пришла ко мне в гости, команда живёт и работает, а провода передают сигналы. Может быть, вы мне что-нибудь об этом расскажете?

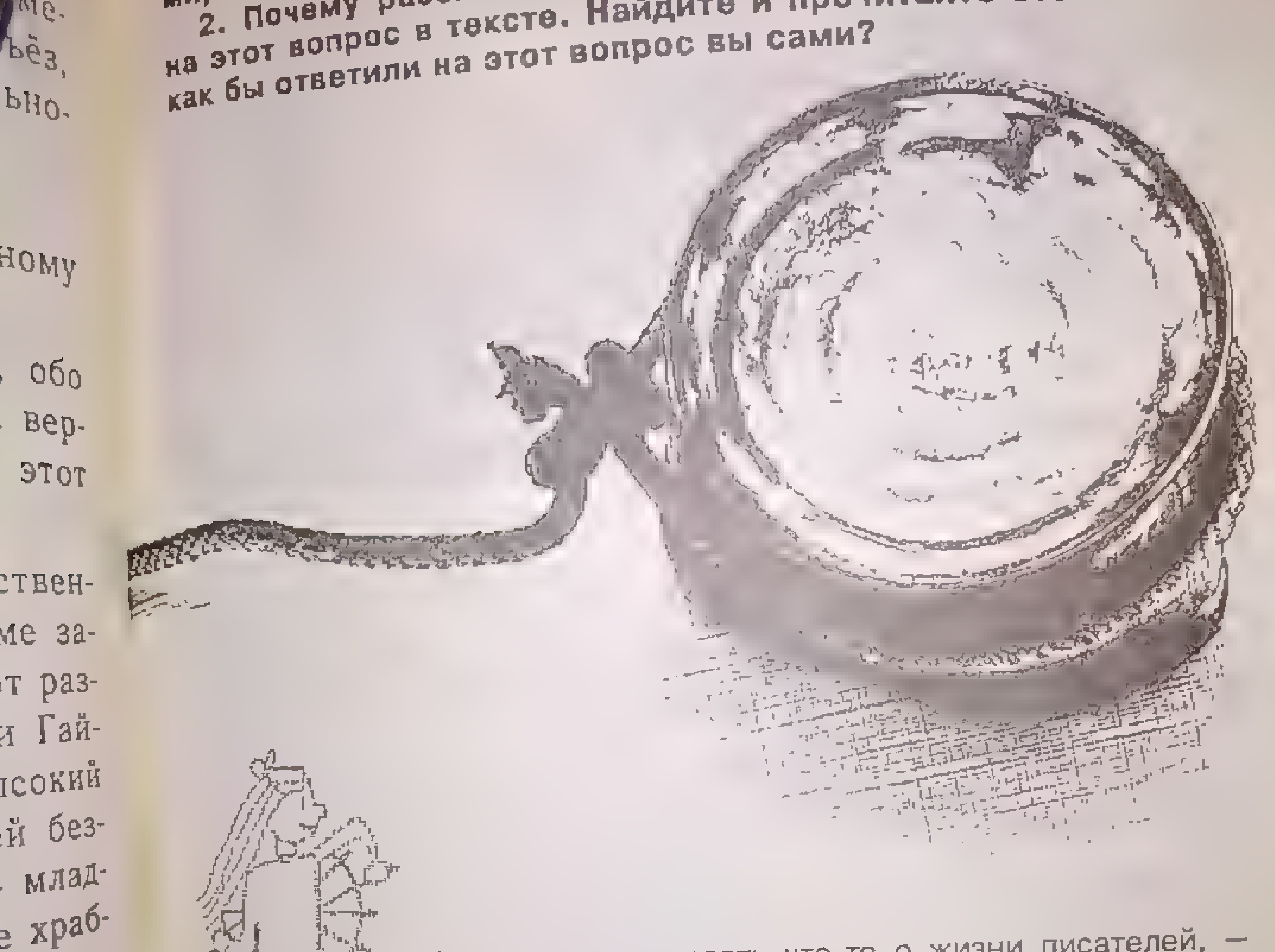
— Нам нечего рассказывать, — смущённо сказал высокий мальчик. — Мы тимуровцы. Мы делаем своё дело.

— Очень хорошо, — сказал Гайдар. — Совсем хорошо!

1. Ребята, перечитайте то место, где В.Емельянов пишет о встрече Гайдара с ребятами на чердаке дома. Как вы думаете, почему эта сцена так напоминает эпизод из книги "Тимур и его команда" (первая встреча Жени с тимуровцами)?

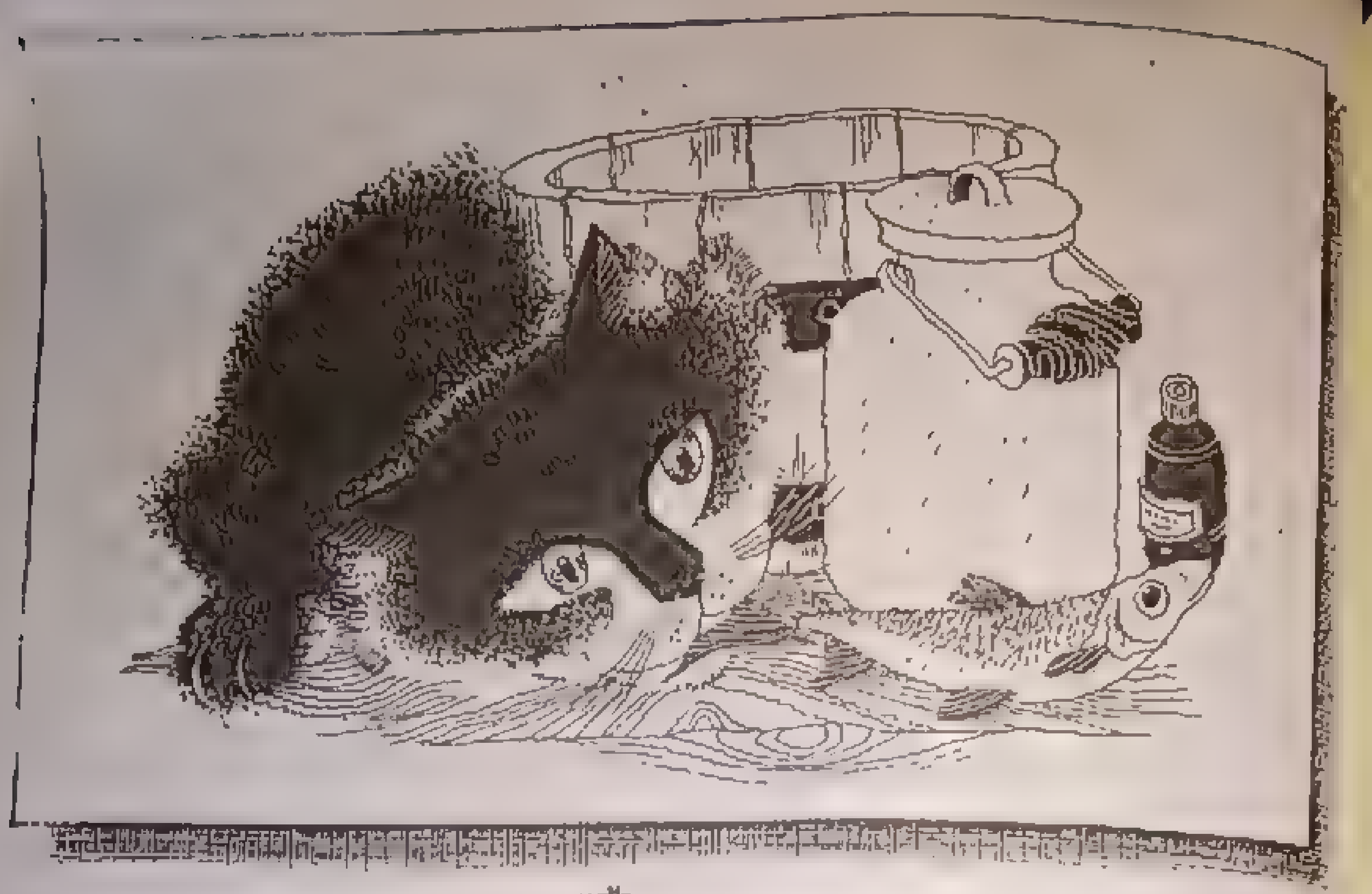
2. Почему рассказ называется "Игра"? Автор дает ответ на этот вопрос в тексте. Найдите и прочитайте это место. А как бы ответили на этот вопрос вы сами?

— А интересно узнавать что-то о жизни писателей, — сказала Настя. — Я вообще люблю такие рассказы, из которых можно узнать биографию писателя или другого знаменитого человека.

...Да, папа, я давно хотела тебя спросить: если писатель в книге говорит "я" — значит, он пишет о себе?

— Необязательно. Это может быть литературный приём. Вспомни повесть Сергея Голицына "Сорок изыскателей" или "В дебрях Кара-Бумбы" Иосифа Дика: в них рассказ ведётся от лица главного героя, чтобы интереснее было читать, но это ведь совсем не означает, что писатель и его герой — одно и то же. Я знаю, например, книгу, где рассказ ведётся от имени... кота. Но бывает и так: писатель рассказывает о своей жизни или о том, что он видел, пережил. Тогда его "я" — это он сам, и необязательно — главный герой. Так, например, в рассказе Паустовского "Кот-ворюга" писатель говорит от своего имени, а главный герой рассказа — кот.

Константин **ПАУСТОВСКИЙ**

КОТ-ВОРЮГА

Мы пришли в отчаяние. Мы не знали, как поймать этого рыжего кота. Он обворовывал нас каждую ночь. Он так ловко прятался, что никто из нас его толком не видел. Только через неделю удалось наконец установить, что у кота разорвано ухо и отрублен кусок грязного хвоста.

Это был кот, потерявший всякую совесть, кот — бродяга и бандит. Звали его за глаза Ворюгой.

Он воровал всё: рыбу, мясо, сметану и хлеб. Однажды он даже разрыл в чулане жестяную банку с червями. Их он не съел, но на разрытую банку сбежались куры и склевали весь наш запас червей.

Объевшиеся куры лежали на солнце и стонали. Мы ходили около них и ругались, но рыбная ловля всё равно была сорвана.

Почти месяц мы потратили на то, чтобы выследить рыжего кота.

Деревенские мальчишки помогали нам в этом. Однажды они примчались и, запыхавшись, рассказали, что на рассвете кот пронёсся, приседая, через огороды и протащил в зубах кукан с окунями.

Мы бросились в погреб и обнаружили пропажу кукана; на нём было десять жирных окуней, пойманных на Прорве.

Это было уже не воровство, а грабёж средь бела дня. Мы поклялись поймать кота и вздуть его за бандитские проделки.

Кот попался этим же вечером. Он украл со стола кусок ливерной колбасы и полез с ним на берёзу.

Мы начали трясти берёзу. Кот уронил колбасу, она упала на голову Рувиму. Кот смотрел на нас сверху дикими глазами и грозно выл.

Но спасения не было, и кот решился на отчаянный поступок. С ужасающим воем он сорвался с берёзы, упал на землю, подскочил, как футбольный мяч, и умчался под дом.

2.

Дом был маленький. Он стоял в глухом, заброшенном саду. Каждую ночь нас будил стук диких яблок, падавших с веток на его тесовую крышу.

Чтобы пройти к берегу озёр, приходилось вытаптывать узкие тропинки в душистых высоких травах. Их венчики качались над головами и осыпали плечи жёлтой цветочной пылью.

Возвращались мы вечером, исцарапанные шиповником, усталые, сожжённые солнцем, со связками серебристой рыбы, и каждый раз нас встречали рассказами о новых босяцких выходках рыжего кота.

3.

Но наконец кот попался. Он залез под дом в единственный узкий лаз. Выхода оттуда не было.

Мы заложили лаз старой рыболовной сетью и начали ждать. Но кот не выходил. Он противно выл, как подземный дух, выл непрерывно и без всякого утомления.

Прошёл час, два, три... Пора было ложиться спать, но кот выл и ругался под домом, и это действовало нам на нервы.

Тогда был вызван Лёнька, сын деревенского сапожника. Лёнька славился бесстрашием и ловкостью. Ему поручили вытащить из-под дома кота.

Лёнька взял шёлковую леску, привязал к ней за хвост пойманную днём плотицу и закинул её через лаз в подполье.

Вой прекратился. Мы услыхали хруст и хищное щёлканье — кот вцепился зубами в рыбную голову. Он вцепился мёртвой хваткой. Лёнька потащил за леску, кот отчаянно упирался, но Лёнька был сильнее, и, кроме того, кот не хотел выпускать вкусную рыбу.

Через минуту голова кота с зажатой в зубах плотицей показалась в отверстии лаза.

Лёнька схватил кота за шиворот и поднял над землёй. Мы впервые его рассмотрели как следует.

Кот зажмурил глаза и прижал уши. Хвост он на всякий случай подобрал под себя. Это оказался тощий, несмотря на постоянное воровство, огненно-рыжий котбеспризорник с белыми подпалинами на животе.

Рассмотрев кота, Рувим задумчиво спросил:

— Что же нам с ним делать?

— Выдрать! — сказал я.

— Не поможет, — сказал Лёнька. — У него с детства характер такой. Попробуйте его накормить как следует.

Кот ждал, зажмурив глаза.

Мы последовали этому совету, втащили кота в чулан и дали ему замечательный ужин: жареную свинину, заливное из окуней, творожники и сметану.

Кот ел больше часа. Он вышел из чулана пошатываясь, сел на пороге и мылся, поглядывая на нас и на низкие звёзды зелёными нахальными глазами.

После умывания он долго фыркал и тёрся головой о пол. Это, очевидно, должно было обозначать веселье. Мы боялись, что он протрёт себе шерсть на затылке.

Потом кот перевернулся на спину, поймал свой хвост, пожевал его, выплюнул, растянулся у печки и мирно захрапел.

С этого дня он у нас прижился и перестал воровать.

На следующее утро он даже совершил благородный и неожиданный поступок.

Куры влезли на стол в саду и, толкая друг друга и переругиваясь, начали склёвывать из тарелок гречневую кашу.

Кот, дрожа от негодования, прокрался к курам и с коротким победным криком прыгнул на стол.

Куры взлетели с отчаянным воплем. Они перевернули кувшин с молоком и бросились, теряя перья, удирать из сада.

Впереди мчался, икая, голенастый петух-дурак, прозванный Горлачом.

Кот нёсся за ним на трёх лапах, а четвёртой передней лапой бил петуха по спине. От петуха летели пыль и пух. Внутри его от каждого удара что-то бухало и гудело, будто кот бил по резиновому мячу

После этого петух несколько минут лежал в припадке, закатив глаза, и тихо стонал Его облили холодной водой, и он отошёл.

С тех пор куры опасались воровать. Увидев кота, они с писком и толкотнёй прятались под домом.

Кот ходил по дому и саду, как хозяин и сторож Он тёрся головой о наши ноги. Он требовал благодарности, оставляя на наших брюках клочья рыжей шерсти.

Мы переименовали его из Ворюги в Милиционера. Хотя Рувим и утверждал, что это не совсем удобно, но мы были уверены, что милиционеры не будут на нас за это в обиде.

1. Ребята, как вы думаете, почему кот перестал воровать?

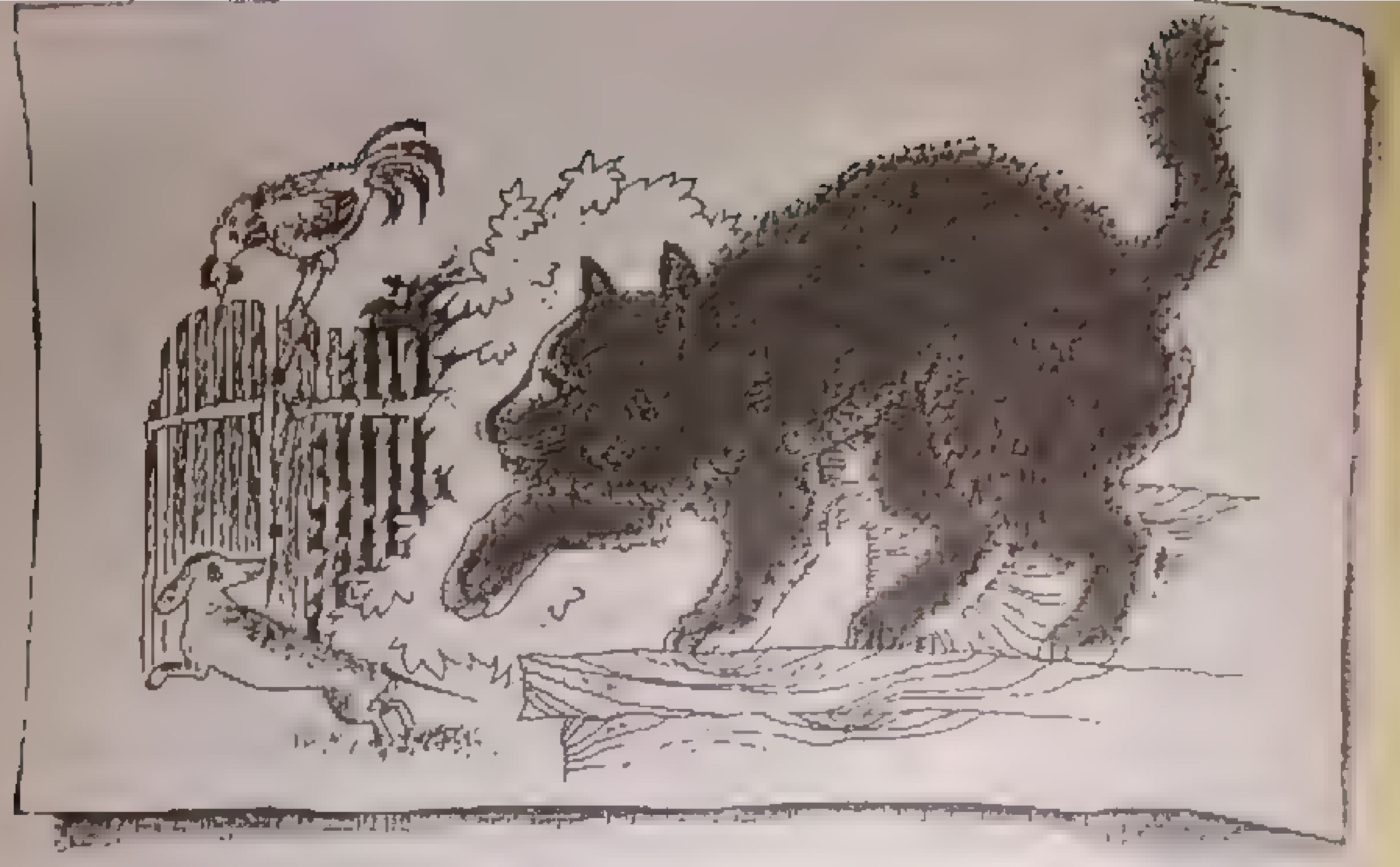
2. В рассказе Паустовского описание кота даётся в раз-
ных местах. Попробуйте найти в рассказе эти части описа-
ния (они называются детали) и составить полный "устный
портрет" кота-ворюги.

3. Написав этот рассказ, Паустовский хотел, чтобы мы,
его читатели, поняли одну очень важную вещь. Какую? Отве-
тив на этот вопрос, вы определите основную мысль расска-
за.

4. Перечитайте описание жаркого летнего дня, описание
дома, в котором жил писатель. Подготовьте близкий к ав-
торскому тексту пересказ этих отрывков.

5. Перескажите самые смешные эпизоды рассказа. Как чув-
ство юмора помогает писателю сделать рассказ интереснее?

Константин ПАУСТОВСКИЙ

ЖИЛЬЦЫ СТАРОГО ДОМА

1.

Неприятности начались в конце лета, когда в старом деревенском доме появилась кривоногая такса Фунтик. Фунтика привезли из Москвы.

Однажды чёрный кот Степан сидел, как всегда, на крыльце и, не торопясь, умывался. Он лизал растопыренную пятерню, потом, зажмурившись, тёр изо всей силы обслюнённой лапой у себя за ухом. Внезапно Степан почувствовал чей-то пристальный взгляд. Он оглянулся и замер с лапой, заложенной за ухо. Глаза Степана побелели от злости. Маленький рыжий пёс стоял рядом. Одно ухо у него завернулось. Дрожа от любопытства, пёс тянулся мокрым носом к Степану — хотел обнюхать этого загадочного зверя.

— Ах, вот как!

Степан изловчился и ударил Фунтика по вывернутому уху.

Война была объявлена, и с тех пор жизнь для Степана потеряла всякую прелесть. Нечего было и думать о том, чтобы лениво тереться мордой о косяки рассохшихся дверей или валяться на солнце около колодца. Ходить приходилось с опаской, на цыпочках, почаще оглядывать-

ся и всегда выбирать впереди какое-нибудь дерево или забор, чтобы вовремя удрать от Фунтика.

У Степана, как у всех котов, были твёрдые привычки. Он любил по утрам обходить заросший чистотелом сад, гонять со старых яблонь воробьёв, ловить жёлтых бабочек-капустниц и точить когти на сгнившей скамье. Но теперь приходилось обходить сад не по земле, а по высокому забору, неизвестно зачем обтянутому заржавленной колючей проволокой, и к тому же такому узкому, что временами Степан долго думал, куда поставить лапу.

Вообще в жизни Степана бывали разные неприятности. Однажды он украл и съел плотицу вместе с застрявшим в жабрах рыболовным крючком — и всё сошло, Степан даже не заболел. Но никогда ещё ему не приходилось унижаться из-за кривоногой собаки, похожей на крысу. Усы у Степана вздрагивали от негодования.

Один только раз за всё лето Степан, сидя на крыше, усмехнулся.

Во дворе, среди курчавой гусиной травы, стояла деревянная миска с мутной водой — в неё бросали корки чёрного хлеба для кур. Фунтик подошёл к миске и осторожно вытащил из воды большую размокшую корку.

Сварливый голенастый петух, прозванный Горлачом, пристально посмотрел на Фунтика одним глазом. Потом повернул голову и посмотрел другим глазом. Петух никак не мог поверить, что здесь, рядом, среди бела дня происходит грабёж.

Подумав, петух поднял лапу, глаза его налились кровью, внутри у него что-то заклокотало, как будто в петухе гремел далёкий гром. Степан знал, что это значит, — петух разъярился.

Стремительно и страшно, топая мозолистыми лапами, петух помчался на Фунтика и клюнул его в спину. Раздался короткий и крепкий стук. Фунтик выпустил хлеб, прижал уши и с отчаянным воплем бросился в отдушину под дом.

Петух победно захлопал крыльями, поднял густую пыль, клюнул размокшую корку и с отвращением от-

швырнул её в сторону — должно быть, от корки пахло псиной.

Фунтик просидел под домом несколько часов и только к вечеру вылез и сторонкой, обходя петуха, пробрался в комнаты. Морда у него была в пыльной паутине, к усам прилипли высохшие пауки.

3.

Но гораздо страшнее петуха была худая чёрная курица. На шее у неё была накинута шаль из пёстрого пуха, и вся она походила на цыганку-гадалку. Купили эту курицу напрасно. Недаром старухи по деревне говорили, что куры делаются чёрными от злости.

Курица эта летала, как ворона, дралась и по нескольку часов могла стоять на крыше и без перерыва кудахтать. Сбить её с крыши, даже кирпичом, не было возможности. Когда мы возвращались из лугов или из леса, то издалека была уже видна эта курица — она стояла на печной трубе и казалась вырезанной из жести.

Нам вспоминались средневековые харчевни — о них мы читали в романах Вальтера Скотта. На крышах этих харчевен торчали на шесте жестяные петухи или куры, заменявшие вывеску.

Так же, как в средневековой харчевне, нас встречали дома бревенчатые тёмные стены, законопаченные жёлтым мхом, пылающие поленья в печке и запах тмина. Почему-то старый дом пропах тмином и древесной трухой.

Романы Вальтера Скотта мы читали в пасмурные дни, когда мирно шумел по крышам и в саду тёплый дождь. От ударов маленьких дождевых капель вздрагивали мокрые листья на деревьях, вода лилась тонкой и прозрачной струёй из водосточной трубы, а под трубой сидела в луже маленькая зелёная лягушка. Вода лилась ей прямо на голову, но лягушка не двигалась и только моргала.

Когда не было дождя, лягушка сидела в лужице под рукомойником. Раз в минуту ей капала на голову из рукомойника холодная вода. Из тех же романов Вальтера Скотта мы знали, что в средние века самой страшной пыткой было вот такое медленное капанье на голову ледяной воды, и удивлялись лягушке.

Иногда по вечерам лягушка приходила в дом. Она прыгала через порог и часами могла сидеть и смотреть на огонь керосиновой лампы.

Трудно было понять, чем этот огонь так привлекал лягушку. Но потом мы догадались, что лягушка приходила смотреть на яркий огонь так же, как дети собираются вокруг неубранного чайного стола послушать перед сном сказку. Огонь то вспыхивал, то ослабевал от сгоравших в ламповом стекле зеленых мошек. Должно быть, он казался лягушке большим алмазом, где, если долго всматриваться, можно увидеть в каждой грани целые страны с золотыми водопадами и радужными звёздами.

Лягушка так увлекалась этой сказкой, что её приходилось щекотать палкой, чтобы она очнулась и ушла к себе, под сгнившее крыльцо, на его ступеньках ухитрялись расцветать одуванчики.

4.

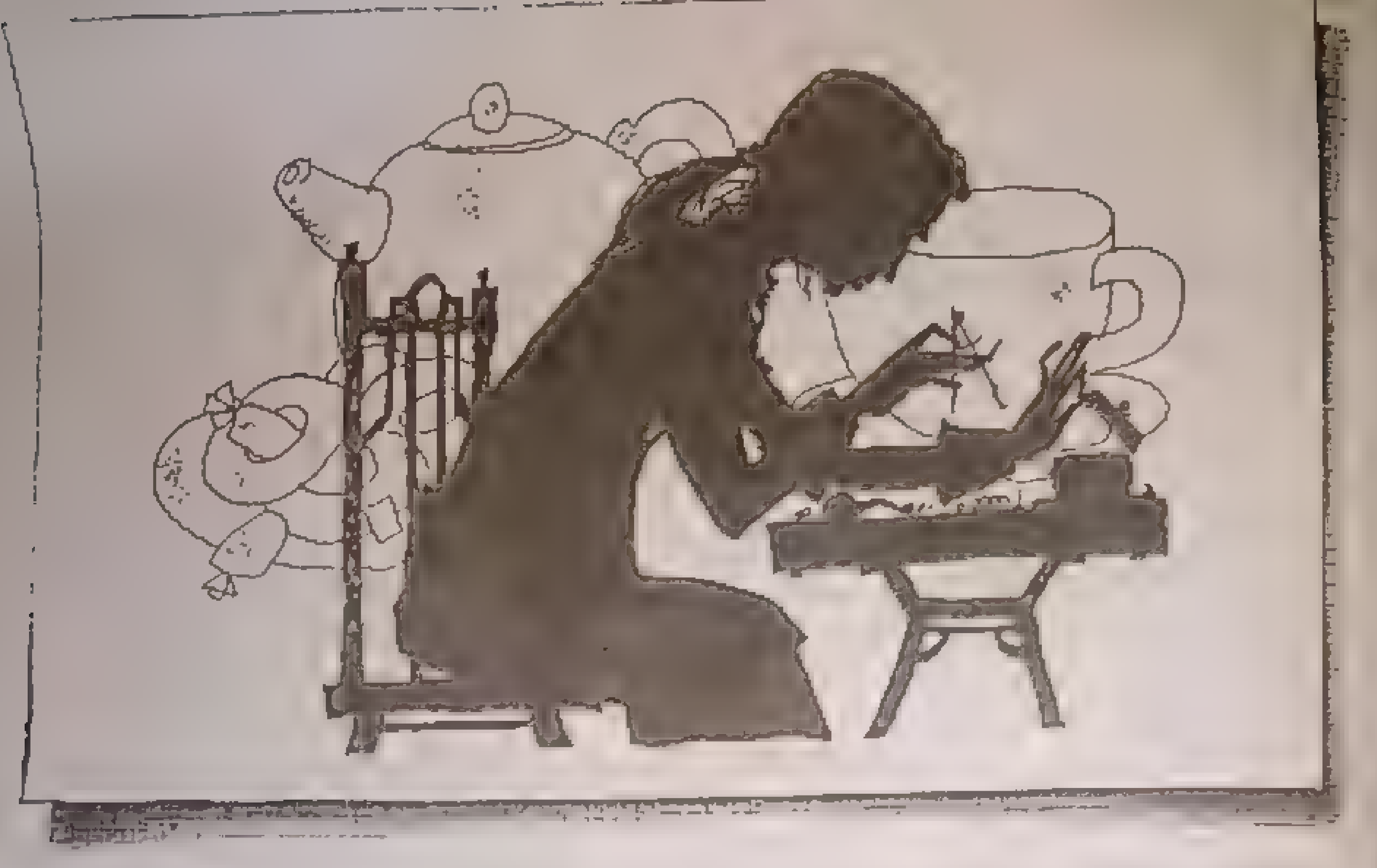
Во время дождя кое-где протекала крыша. Мы ставили на пол медные тазы. Ночью вода особенно звонко и мерно капала в них, и часто этот звон совпадал с громким тиканьем ходиков.

Ходики были очень весёлые — разрисованные пышными розанами и трилистниками. Фунтик каждый раз, когда проходил мимо них, тихо ворчал — должно быть, для того, чтобы ходики знали, что в доме есть собака, были настороже и не позволяли себе никаких вольностей — не убегали вперёд на три часа в сутки или не останавливались без всякой причины.

В доме жило много старых вещей. Когда-то давно эти вещи были нужны обитателям дома, а сейчас они пылились и рассыхались на чердаке, и в них копошились мыши.

Изредка мы устраивали на чердаке раскопки и среди разбитых оконных рам и занавесей из мохнатой паутины находили то ящик от масляных красок, покрытый разноцветными окаменелыми каплями, то сломанный перламутровый веер, то медную кофейную мельницу времён Севастопольской обороны, то огромную тяжёлую книгу с

6. Зак. 691

гравюрами из древней истории, то, наконец, пачку переводных картинок.

Мы переводили их. Из-под размокшей бумажной плёнки появлялись яркие и липкие виды Везувия, итальянские ослики, убранные гирляндами роз, девочки в соломенных шляпах с голубыми атласными лентами, играющие в серсо, и фрегаты, окружённые пухлыми мячиками порохового дыма.

5.

Как-то на чердаке мы нашли деревянную чёрную шкатулку. На крышке её медными буквами была выложена английская надпись: "Эдинбург. Шотландия. Делал мастер Гальвестон".

Шкатулку принесли в комнаты, осторожно вытерли с неё пыль и открыли крышку. Внутри были медные валики с тонкими стальными шипами. Около каждого валика сидела на бронзовом рычажке медная стрекоза, бабочка или жук.

Это была музыкальная шкатулка. Мы завели её, но она не играла. Напрасно мы нажимали на спинки жуков, мух и стрекоз — шкатулка была испорчена.

За вечерним чаем мы заговорили о таинственном мастере Гальвестоне. Все сошлись на том, что это был весёлый пожилой шотландец в клетчатом жилете и кожаном

фартуке. Во время работы, обтачивая в тисках медные валики, он, наверное, насвистывал песенку о почтальоне, чей рог поёт в туманных долинах, и девушке, собирающей хворост в горах. Как все хорошие мастера, он разговаривал с теми вещами, которые делал, и рассказывал им их будущую жизнь. Но, конечно, он никак не мог догадаться, что эта чёрная шкатулка попадёт из-под бледного шотландского неба в пустынные леса за Окой, в деревню, где только одни петухи поют, как в Шотландии, а всё остальное совсем не похоже на эту далёкую северную страну.

С тех пор мастер Гальвестон стал как бы одним из невидимых обитателей старого деревенского дома. Порой нам даже казалось, что мы слышим его хриплый кашель, когда он невзначай поперхнётся дымом из трубки. А когда мы что-нибудь сколачивали — стол в беседке или новую скворечню — и спорили, как держать фуганок или пригнать одну к другой две доски, то часто ссылались на мастера Гальвестона, будто он стоял рядом и, прищурив серый глаз, насмешливо смотрел на нашу возню. И все мы напевали последнюю любимую песенку Гальвестона:

Прощай, звезда над милыми горами!
Прощай навек, мой тёплый отчий дом...

Шкатулку поставили на стол, рядом с цветком герани, и в конце концов забыли о ней.

Но как-то осенью, поздней осенью, в старом и гулком доме раздался стеклянный переливающийся звон, будто кто-то ударял маленькими молоточками по колокольчикам, и из этого чудесного звона возникла и полилась мелодия:

В милые горы
Ты возвратишься...

Это неожиданно проснулась после многолетнего сна и заиграла шкатулка. В первую минуту мы испугались, и даже Фунтик слушал, осторожно подымая то одно, то другое ухо. Очевидно, в шкатулке соскочила какая-нибудь пружина.

Шкатулка играла долго, то останавливаясь, то снова наполняя дом таинственным звоном, и даже ходики притихли от изумления.

Шкатулка проиграла все свои песни, замолчала, и как мы ни бились, но заставить её снова играть мы не смогли.

Сейчас, поздней осенью, когда я живу в Москве, шкатулка стоит там одна в пустых нетопленых комнатах, и, может быть, в непроглядные и тихие ночи она снова просыпается и играет, но её уже некому слушать, кроме пугливых мышей.

Мы долго потом насвистывали мелодию о милых покинутых горах, пока однажды нам её не просвистел пожилой скворец — он жил в скворечне около калитки. До тех пор он пел хриплые и странные песни, но мы слушали их с восхищением. Мы догадывались, что эти песни он выучил зимой в Африке, подслушивая игры негритянских детей. И почему-то мы радовались, что будущей зимой где-то страшно далеко, в густых лесах на берегу Нигера скворец будет петь под африканским небом песню о старых покинутых горах Европы.

7.

Каждое утро на дощатый стол в саду мы насыпали крошки и крупу. Десятки шустрых синиц слетались на стол и склёвывали крошки. У синиц были белые пушистые щёки, и когда синицы все сразу клевали, то было похоже, будто по столу торопливо бьют десятки белых молоточков.

Синицы ссорились, трещали, и этот треск, напоминавший быстрые удары ногтём по стакану, сливался в весёлую мелодию. Казалось, что в саду играл на старом столе живой щебечущий музыкальный ящик.

Среди жильцов старого дома, кроме Фунтика, кота Степана, петуха, ходиков, музыкального ящика мастера Гальвестона и скворца, были ещё прирученная дикая утка, ёж, страдавший бессонницей, колокольчик с надписью "Дар Валдая" и барометр, всегда показывавший "великую сушь". О них придётся рассказать в другой раз — сейчас уже поздно.

Но если после этого маленького рассказа вам приснится ночная весёлая игра музыкального ящика, звон дождевых капель, падающих в медный таз, ворчанье Фунтика, недовольного ходиками, и кашель добряка Гальвестона — я буду думать, что рассказал вам всё это не напрасно.

1. Ребята, назовите героев рассказа "Жильцы старого дома" (не удивляйтесь, если это будут не только люди и животные, но и предметы). Нарисуйте этих героев.

2. Выберите одного из героев и расскажите о нём.

3. Вы прочитали два рассказа Константина Паустовского. Каким человеком вам представляется автор этих рассказов (Как он смотрит на мир? Что любит? О чём думает?).

Сочинение.

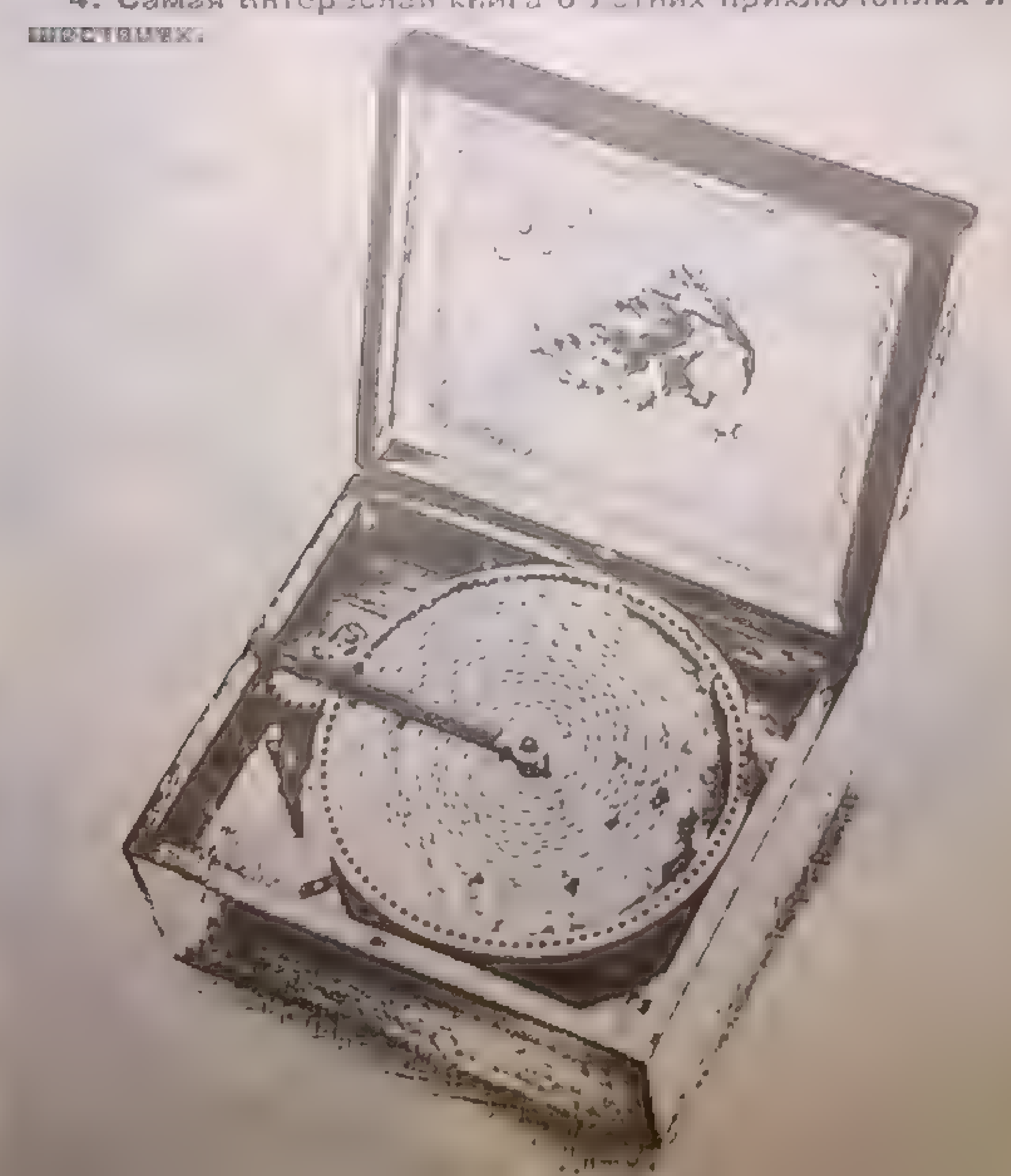
Предлагаем вам такие темы для сочинения:

1. Мои летние приключения.

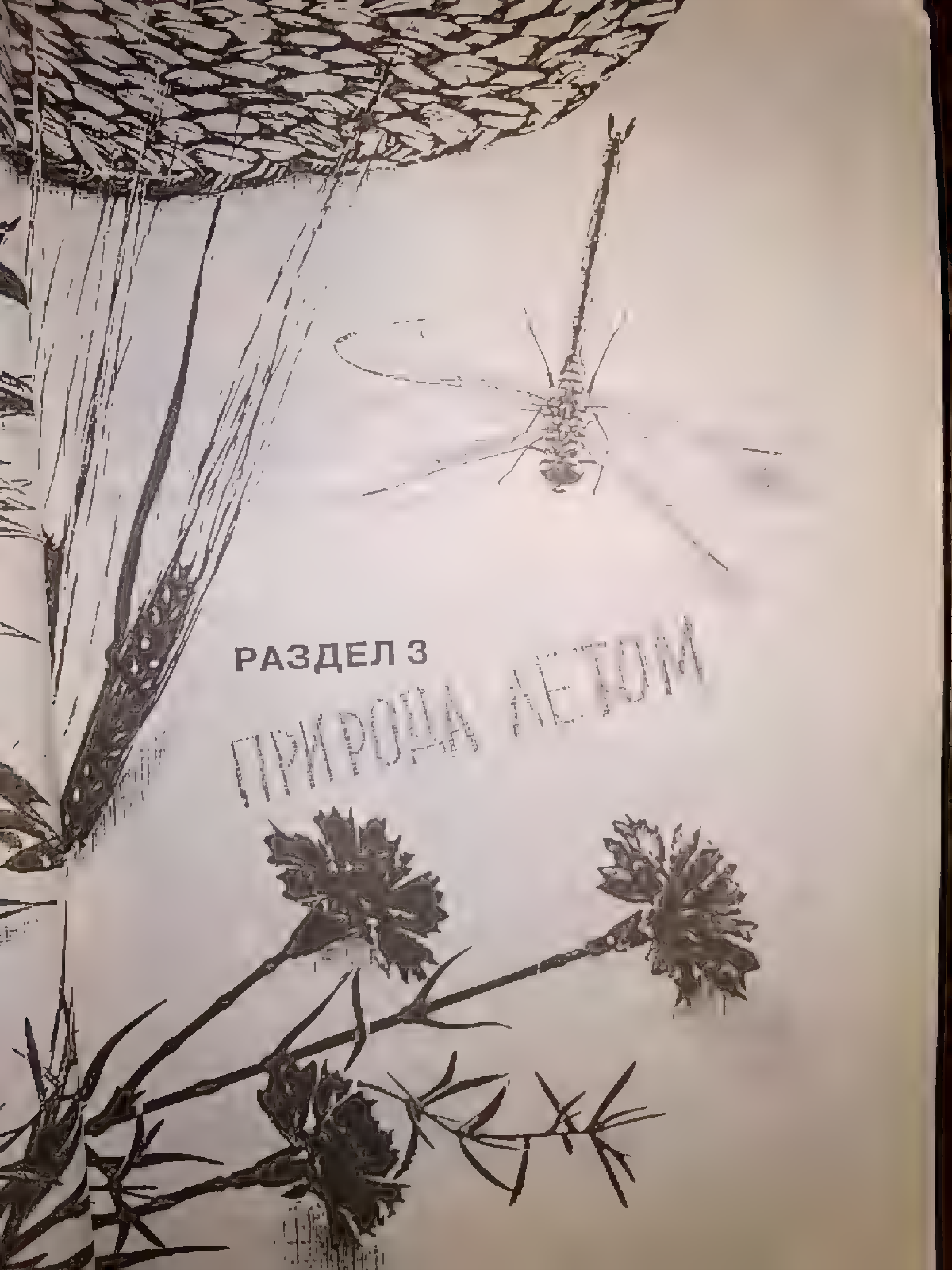
2. Как я путешествовал этим летом.

3. Самый счастливый день моих летних каникул.

4. Самая интересная книга о летних приключениях и путешествиях.

960
970
980
990
1000
1010
1020
1030
1040
1050
1060
0
20
40
100
HYGRO

РАЗДЕЛ 3

ПРИРОДА ЛЕТОМ

Сергей ЕСЕНИН

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Задремали звёзды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные берёзки,
Растрепали шёлковые косы.
Шелестят зелёные серёжки,
И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
"С добрым утром!"

1914

Однажды папа сказал:

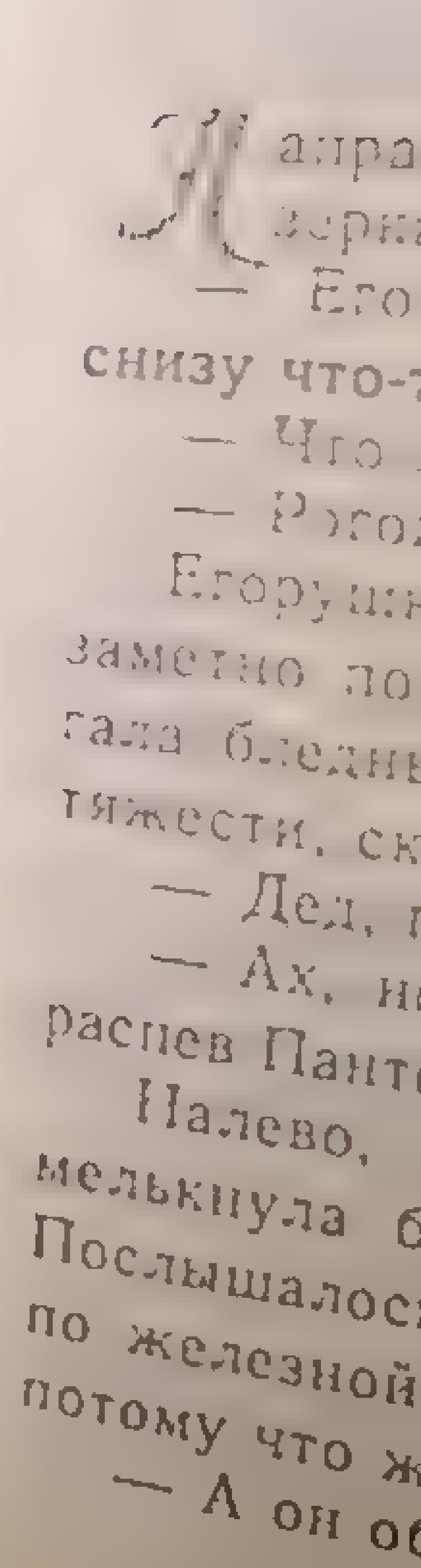
— Знаешь, Настя, а по-моему, ты ещё не очень хорошо умеешь читать.

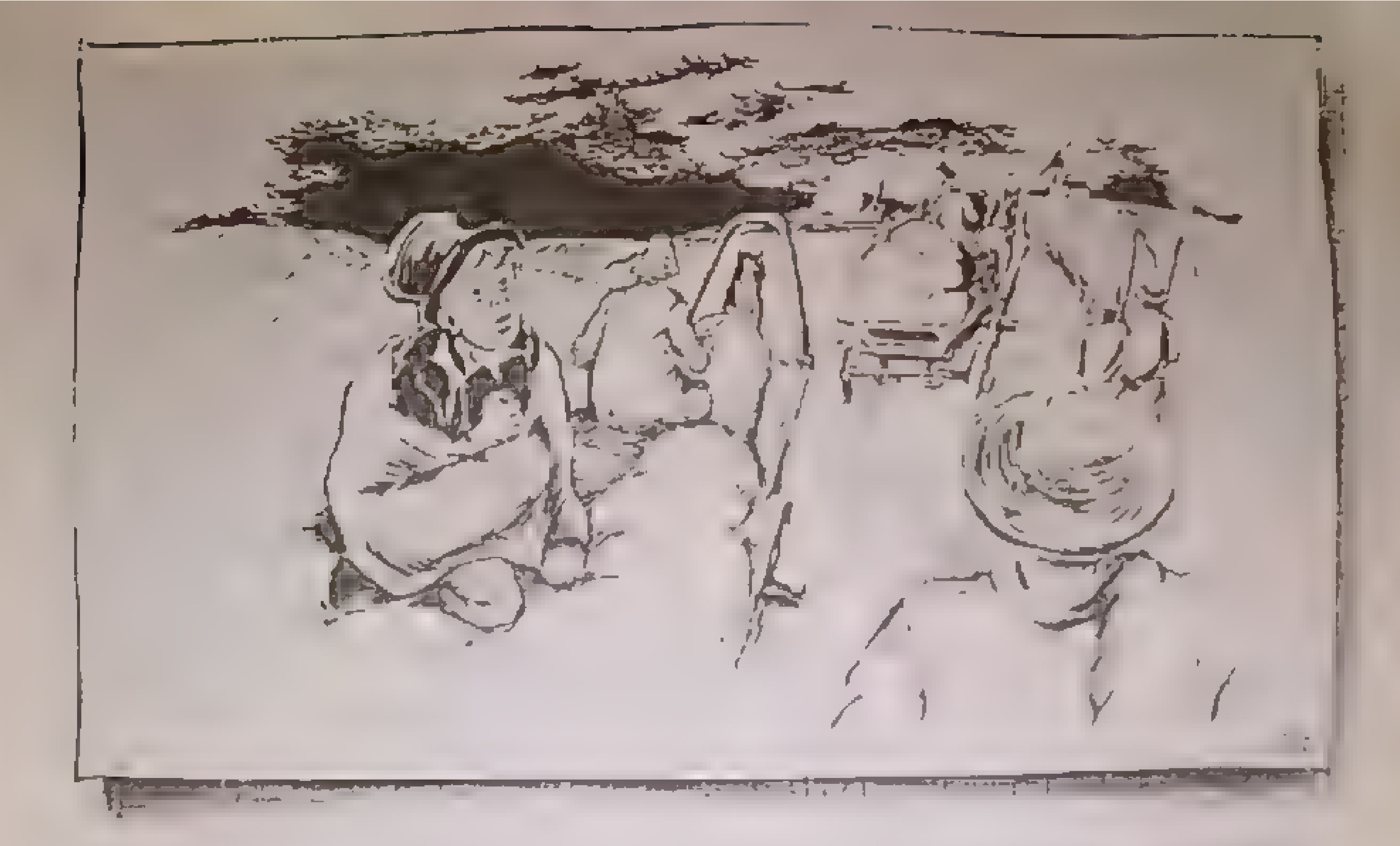
— Что ты, папа! — возмутилась Настя. — Да я научилась читать ещё в детском саду и читаю даже быстрее тебя.

— Да, но это потому, что ты кое-что пропускаешь.

— Только где про природу! Ведь самое главное — это то, что происходит в книжке. Иногда так хочется скорее узнать, что будет дальше, а эти описания задерживают — ну я и перескакиваю через них.

— Вот-вот! А знаешь, чем отличается настоящий читатель? Он не только следит за тем, что происходит в рассказе (то есть за сюжетом), но и старается увидеть картину, которую писатель нарисовал словами, почувствовать её настроение. Вот прочти кусочек из повести Чехова "Степь". Читай и представляй то, что описывает автор, как будто ты видишь это на экране или на картине.

Антон Павлович ЧЕХОВ

СТЕПЬ

(отрывок)

Направо сверкнула молния и, точно отразившись в зеркале, она тотчас же сверкнула вдали.

— Егорий, возьми! — крикнул Пантелей, подавая снизу что-то большое и тёмное.

— Что это? — спросил Егорушка.

— Рогожка! Будет дождик, так вот покроешься.

Егорушка приподнялся и посмотрел вокруг себя. Даль заметно почернела и уж чаще, чем каждую минуту, мигала бледным светом, как веками. Чернота её, точно от тяжести, склонялась вправо.

— Дед, гроза будет? — спросил Егорушка.

— Ах, ножки мои больные, стуженые! — говорил нараспев Пантелей, не слыша его и притоптывая ногами.

Налево, как будто кто чиркнул по небу спичкой, мелькнула бледная, фосфорическая полоска и потухла. Послышалось, как где-то очень далеко кто-то прошёлся по железной крыше. Вероятно, по крыше шли босиком, потому что железо проворчало глухо.

— А он обложной! — крикнул Кирюха.

Между далью и правым горизонтом мигнула молния, и так ярко, что осветила часть степи и место, где ясное небо граничило с чернотой. Страшная туча надвигалась не спеша, сплошной массой; на её краю висели большие чёрные лохмотья; точно такие же лохмотья, давя друг друга, громоздились на правом и на левом горизонте. Этот оборванный, разлохмаченный вид тучи придавал ей какое-то пьяное, озорническое выражение. Явственно и не глухо проворчал гром. Егорушка перекрестился и стал быстро надевать пальто.

— Скушно мне! — донёсся с передних возов крик Дымова, и по голосу его можно было судить, что он уж опять начинал злиться. — Скушно!

Вдруг рванул ветер, и с такой силой, что едва не выхватил у Егорушки узелок и рогожу; встрепенувшись, рогожа рванулась во все стороны и захлопала по тюку и по лицу Егорушки. Ветер со свистом понёсся по степи, беспорядочно закружился и поднял с травою такой шум, что из-за него не было слышно ни грома, ни скрипа колёс. Он дул с чёрной тучи, неся с собой облака пыли и запах дождя и мокрой земли. Лунный свет затуманился, стал как будто грязнее, звёзды ещё больше нахмурились, и видно было, как по краю дороги спешили куда-то назад облака пыли и их тени. Теперь, по всей вероятности, вихри, кружась и увлекая с земли пыль, сухую траву и перья, поднимались под самое небо; вероятно, около самой чёрной тучи летали перекати-поле, и как, должно быть, им было страшно! Но сквозь пыль, залеплявшую глаза, не было видно ничего, кроме блеска молний.

Егорушка, думая, что сию минуту польёт дождь, стал на колени и укрылся рогожей.

— Пантелле-ей! — крикнул кто-то впереди. — А...а...ва!

— Не слыхать! — ответил громко и нараспев Пантелей.

— А...а...ва! Аря...а!

Загремел сердито гром, покатился по небу справа налево, потом назад и замер около передних подвод.

— Сı
Егорушк
твоея...
Черн
нём; тот
молния б
рогожи у
всех под
лохмотья
грубое, н
лось к лу
обращать
Дождь
дежде, что
рогожи. Б
Пантелея,
недавно лу
возу. А мо
нее, так чт
— Пант
Ответа
следний ра
ся ровный,
упала на ко
заметил, чт
править рог
стучало по д
дождь. Он и
норили о че
сороки

1. Ребята,
хов использу
чем сравнива
2. Чьими гл
3. Сейчас вы
читателей и на
рывка. Какое о
4. Когда буд
"Детство Никит

— Свят, свят, свят, господь Саваоф, — прошептал Егорушка, крестясь, — исполнь небо и земля славы твоея...

Чернота на небе раскрыла рот и дыхнула белым огнём; тотчас же опять загремел гром; едва он умолк, как молния блеснула так широко, что Егорушка сквозь щели рогожи увидел вдруг всю большую дорогу до самой дали, всех подводчиков и даже Кирюхину жилетку. Чёрные лохмотья слева уже поднимались кверху, и одно из них, грубое, неуклюжее, похожее на лапу с пальцами, тянулось к луне. Егорушка решил закрыть крепко глаза, не обращать внимания и ждать, когда всё кончится.

Дождь почему-то долго не начинался. Егорушка в надежде, что туча, быть может, уходит мимо, выглянул из рогожи. Было страшно темно. Егорушка не увидел ни Пантелея, ни тюка, ни себя; покосился он туда, где была недавно луна, но там чернела такая же тьма, как и на возу. А молнии в потемках казались белее и ослепительнее, так что глазам было больно.

— Пантелей! — позвал Егорушка.

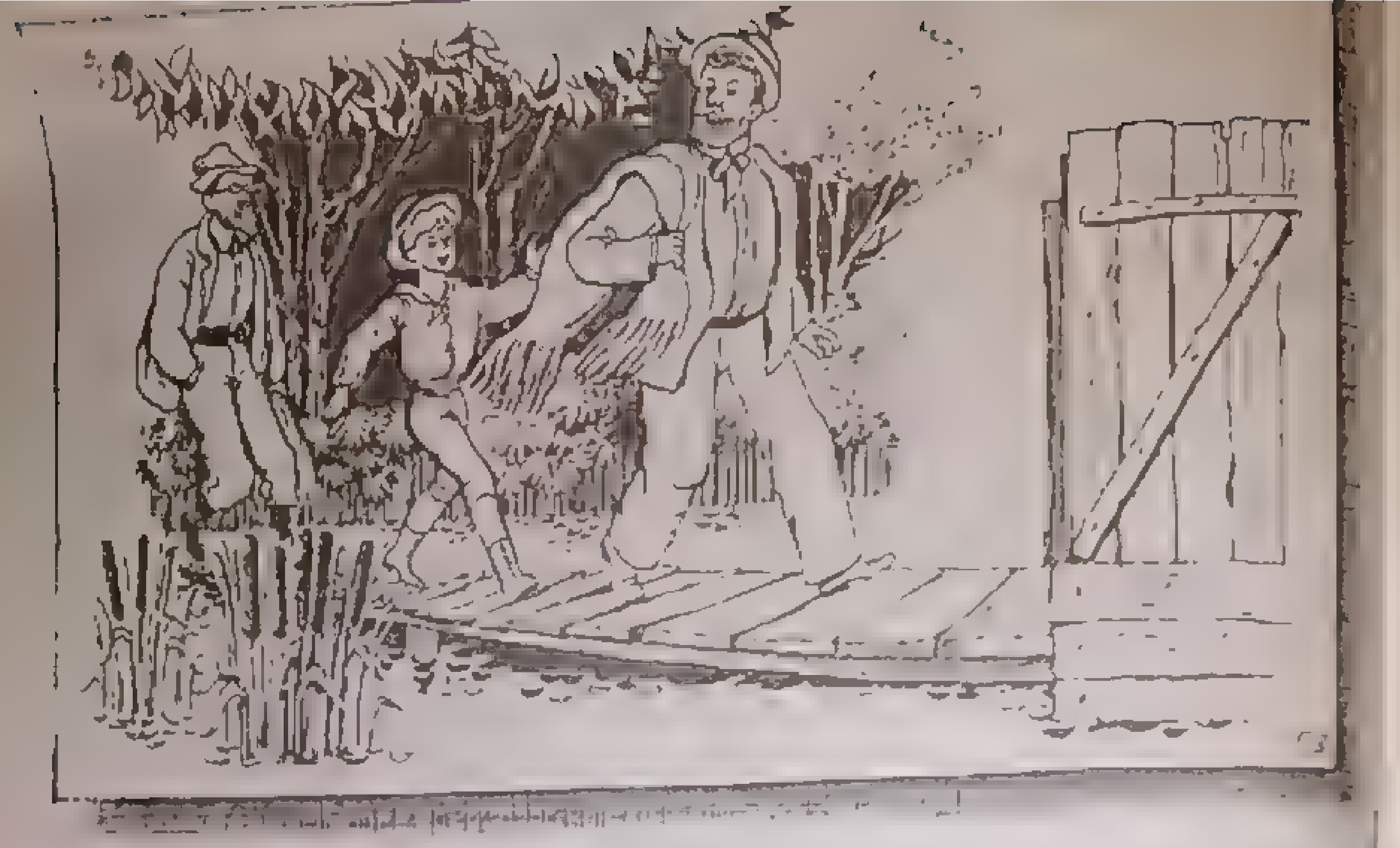
Ответа не последовало. Но вот, наконец, ветер в последний раз рванул рогожу и убежал куда-то. Послышался ровный, спокойный шум. Большая холодная капля упала на колено Егорушки, другая поползла по руке. Он заметил, что колени его не прикрыты, и хотел было поправить рогожу, но в это время что-то посыпалось и застучало по дороге, потом по оглоблям, по тюку. Это был дождь. Он и рогожа, как будто поняли друг друга, заговорили о чем-то быстро, весело и препротивно, как две сороки.

1. Ребята, чтобы нарисовать картину грозы словами, Чехов использует много сравнений. Найдите и прочитайте, с чем сравнивается гром, молния, на что похожа туча.

2. Чьими глазами мы видим приближение грозы?

3. Сейчас вы, ребята, попробовали себя в роли настоящих читателей и наверняка почувствовали общее настроение отрывка. Какое оно?

4. Когда будете читать главы из повести Алексея Толстого "Детство Никиты", обратите внимание на описание грозы.

Алексей ТОЛСТОЙ

ДЕТСТВО НИКИТЫ
(главы)

В КУПАЛЬНЕ

Рано поутру Василий Никитьевич, Аркадий Иванович и Никита шли гуськом по тропинке, в сизой от росы траве, на пруд — купаться.

Утренний дымок ещё стоял в густых чащах сада. На поляне, над медовыми жёлтыми метёлками, над белыми кашками, толклись лёгкими листиками бабочки, летела озабоченная пчела. В чаще сада ворковал дикий голубь, — закрыв глаза, надув грудку, печально, сладко ворковал о том, что точно так же всё это будет всегда, и пройдет, и снова будет.

Пройдя по длинным хлопающим по воде мосткам в дощатую купальню, Василий Никитьевич раздевался в тени на лавке, похлопывал себя по белой волосатой груди, по гладким бокам, щурился на ослепительные отблески воды и говорил:

— Хорошо, отлично!

Его загорелое лицо с блестящей бородой казалось приставленным к белому телу. От отца особенно хорошо пахло здоровьем. Когда на ногу или на плечо садилась

муха, он звонко шлёпал её ладонью, и на теле оставалось розовое пятно. Остынув, отец брал душистое мыло, очень лёгкое, не тонущее в воде, осторожно сходил по скользкой от зелёной плесени лесенке в купальню, — вода была ему по грудь, — и начинал шибко мылить голову и бороду, фыркая и приговаривая:

— Хорошо, отлично.

Вверху, над купальней, в солнечном синем свете, стояли мушки. Залетело коромысло, трепеща глядело изумрудными выпученными глазами на мыльную голову Василия Никитьевича и уносилось боком. Аркадий Иванович в это время поспешно и стыдливо раздевался, поджимая длинные пальцы на ногах, несколько кривоватых, отворял наружную дверцу купальни, оглядывался — не видит ли его кто-нибудь с берега, — басом говорил: "Ну-с, хорошо-с", — и бросался животом в пруд. Вода с плеском расступалась, взлетали с вётел[1] испуганные грачи, а он плыл саженками, виляя под синеватой водой худым рыжеволосым телом.

Заплыв на середину пруда, Аркадий Иванович начинал перекувыркиваться, нырял и ухал, как водяное чудовище: "Ух-брррр..."

Никита сидел калачиком на смолистой лавке и поджидал, когда отец кончит мыться. Василий Никитьевич клал на лесенку мыло и мочалку, затыкал уши и окунался три раза — мокрые волосы у него прилипали, борода отвисала клином, весь вид становился несчастный, это так и называлось — "Делать несчастного Васю".

— Ну поплыли, — говорил он, вылезал на наружные мостки, тяжело кидался в пруд и плыл по-лягушиному, медленно разводя руками и ногами в прозрачной воде.

Никита кувырком летел в пруд и, догнав отца, плыл рядом с ним, ожидая, когда отец похвалит: за это лето Никита ловко научился плавать, купаясь с мальчиками в Чагре, — умел боком, и на спине, и стоя, и колесом под водой. Отец говорил шёпотом:

---

[1]Ветла — вид ивы.

— Аркадия топить.

Они разделялись и плыли с двух сторон к Аркадию Ивановичу, который по близорукости не замечал окружения. Подплыв, они кидались к нему на сажёнках, Аркадий Иванович, взревев, начинал метаться, высовываясь по пояс, и нырял. Его ловили за ноги, — он больше всего на свете боялся щекотки. Но поймать его было нелегко, — чаще всего он уходил, и, когда Василий Никитьевич и Никита возвращались в купальню, Аркадий Иванович уже сидел на лавке в белье и очках и говорил с обидным хохотом:

— Плавать, плавать надо учиться, господа.

Возвращаясь с пруда, обычно встречали Александру Леонтьевну в белом чепчике и в мохнатом халате. Матушка, щуря глаза от солнца и улыбаясь, говорила:

— Чай накрыт в саду, под липой. Садитесь, не ждите меня, — булочки остынут.

СТРЕЛКА БАРОМЕТРА

1.

Василий Никитьевич вот уже несколько дней стучал ногтями по барометру и шёпотом чертыхался, — стрелка стояла на "сухо, очень сухо". За две недели не упало ни капли дождя, а хлебам было время зреть. Земля растрескалась, от зноя выцвело небо, и вдали, над горизонтом, висела мгла, похожая на пыль от стада. Погорели луга и потускнели, стали свёртываться листья на деревьях и сколько Василий Никитьевич ни стучал в стекло барометра, — стрелка упорно показывала: "сухо, очень сухо".

Собираясь за столом, домашние не шутили, как прежде, лица у отца и матушки были озабоченные; Аркадий Иванович тоже молчал, глядя в тарелку, и время от времени поправлял очки, стараясь скрыть этим сдержанный вздох. Но у него была своя причина: Васса Ниловна, городская учительница, обещавшая приехать погостить в Сосновку, написала, что "прикована к постели больной матери" и надеется повидаться с Аркадием Ивановичем только осенью в Самаре.

Никита так и представлял эту Вассу Ниловну: сидит длинная унылая женщина в серой кофточке, со шнурком от часов, и одна нога её прикована цепью к ножке кровати. В особенности в эти тусклые от сухой мглы, душные дни тоскливо было представлять себе городскую учительницу, сидящую у голой стены, у железной кровати.

За обедом Василий Никитьевич, выбивая пальцами полечку по краю тарелки, сказал:

— Если завтра не будет дождя, — урожай погиб.

Матушка сейчас же опустила голову. Слышно было, как, точно в бреду, звенела муха в огромном окне, в том месте, где наверху полукруглые двойные стёкла, никогда не протиравшиеся, были затянуты паутиной. Стеклянная дверь на балкон была закрыта, чтоб из сада не несло жаром.

— Неужели опять голодный год, — проговорила матушка. — Боже, как ужасно!

— Да, вот так: сиди и жди казни, — отец подошёл к окну и глядел на небо, засунув руки в карманы чесучовых панталон, — ещё один день этого окаянного пекла, и — вот тебе голодная зима, тиф, падает скот, мрут дети... Непостижимо.

2.

Обед кончился в молчании. Отец ушёл спать. Матушку позвали на кухню — считать бельё. Аркадий Иванович, чтобы уж совсем стало скверно на душе, отправился один гулять в раскалённую степь.

В комнатах, в полуденной зловещей тишине, только звенели мухи, все вещи были словно подёрнуты пылью. Никита не знал, куда приткнуться. Пошёл на крыльцо. Под мглистым, но особенно каким-то ослепительным белым светом солнца широкий двор был пустынен и тих, — всё заснуло, замерло. От тишины, от зноя звенело в голове.

Никита пошёл в сад, но и там не было жизни. Прожужжала сонная пчела. Не шевелясь, висели пыльные листья, как жестяные. На пруду, врезанная в тусклую воду, стояла лодка, грачи засидели её белыми пятнами

Никита побрёл домой и прилёг на пахнущий мышами диванчик. Посредине зала стоял оголённый от скатерти со множеством противных тонких ножек обеденный стол. Ничего на свете не было скучнее этого стола. Вдалеке на кухне негромко пела кухарка, — чистит, должно быть, толчёным кирпичом ножи и воет, воет вполголоса от смертной тоски.

Но вот в полураскрытом окне, на подоконнике, появился Желтухин, клюв у него был раскрыт, — до того жарко. Подышав, он пролетел над столом и сел Никите на плечо. Повертел головой, заглянул в глаза и клюнул в висок, в то место, где у Никиты была чёрненькая родинка, как зёрнышко, — ущипнул и опять заглянул в глаза.

— Отстань, пожалуйста, убирайся, — сказал ему Никита и лениво поднялся, налил скворцу водицы в блюдечко.

Желтухин напился, прыгнул в блюдечко, выкупался, расплескал всю воду, повеселел и полетел искать места, где бы отряхнуться, почиститься, и сел на карнизик деревянного футляра барометра.

— Фюить, — нежным голосом сказал Желтухин, — фюить, бурря.

— Что ты говоришь? — спросил Никита и подошёл к барометру.

Желтухин кланялся, сидя на карнизике, опускал крылья, бормотал что-то по-птичьи и по-русски. И в эту минуту Никита увидел, что синяя стрелка на циферблате, далеко отделившись от золотой стрелки, дрожит между "переменчиво" и "бурей".

3.

Никита забарабанил пальцами в стекло, — стрелка ещё передвинулась на деление к "буре". Никита побежал в библиотеку, где спал отец. Постучал. Сонный, измятый голос отца спросил поспешно:

— А, что? Что такое?

— Папа, поди, посмотри барометр...

— Не мешай, Никита, я сплю.

— Посмотри, что с барометром делается, папа...

В библиотеке было тихо, — очевидно, отец никак не мог проснуться. Наконец зашлёпали его босые ноги, повернулся ключ, и в приоткрытую дверь просунулась всклоченная борода:

— Зачем меня разбудил?.. Что случилось?..

— Барометр показывает бурю.

— Врёшь, — испуганным шёпотом проговорил отец и побежал в залу и сейчас же оттуда закричал на весь дом: Саша, Саша, буря!.. Спасены!

Томление и зной усиливались. Замолкли птицы, мухи осоловели на окнах. К вечеру низкое солнце скрылось в раскалённой мгле. Сумерки настали быстро. Было совсем темно — ни одной звезды. Стрелка барометра твёрдо указывала — "буря". Все домашние собрались и сидели у круглого сороканожечного стола. Говорили шёпотом, оглядывались на раскрытые в невидимый сад балконные двери.

4.

И вот в мертвенной тишине первыми, глухо и важно, зашумели вётлы на пруду, долетели испуганные крики грачей. Отец ушёл на балкон, в темноту. Шум становился всё крепче, торжественнее, и наконец сильным порывом ветра примяло акации у балкона, пахнуло пахучим духом в дверь, внесло несколько сухих листьев, мигнул огонь в матовом шаре лампы, налетевший ветер засви-

7. Зак. 991

стал, завыл в трубах и в углах дома. Где-то бухнуло окно, зазвенели разбитые стёкла. Весь сад теперь шумел, скрипели стволы, качались невидимые вершины. Появился с балкона растрёпанный Василий Никитьевич, рот его был раскрыт, глаза расширены. И вот — бело-синим ослепительным светом раскрылась ночь, на мгновение чёрными очертаниями появились низко наклонившиеся деревья. И — снова тьма. И грохнуло, обрушилось всё небо. За шумом никто не услышал, как упали и потекли капли дождя на стёклах. Хлынул дождь — сильный, обильный, потоком. Матушка стала в балконных дверях, глаза её были полны слёз. Запах влаги, прели, дождя и травы наполнил залу.

1. Сравните описание приближения грозы у Чехова и Алексея Толстого. Они, скорее, непохожи, чем похожи, потому что проникнуты разным настроением. Что это за настроение в главе "Стрелка барометра"?

2. С описанием грозы вы встречались и в повести С. Голицына "Сорок изыскателей". Каким настроением проникнуто это описание? Почему вы так думаете?

1. В стихотворении С.Есенина и главе "В купальне" дано описание летнего утра. Какие слова для описания звуков, запахов и красок летнего утра находят писатель и поэт?

2. Представьте себе, что в главе "В купальне" нет описания летнего утра. Что изменится?

3. Вы, наверное, обратили внимание, что в стихотворении "С добрым утром!" Есенин говорит о природе как о живом существе, как бы оживляет её. Найдите эти строчки в стихотворении. Они помогут вам лучше представить картину свежего, душистого, звонкого летнего утра.

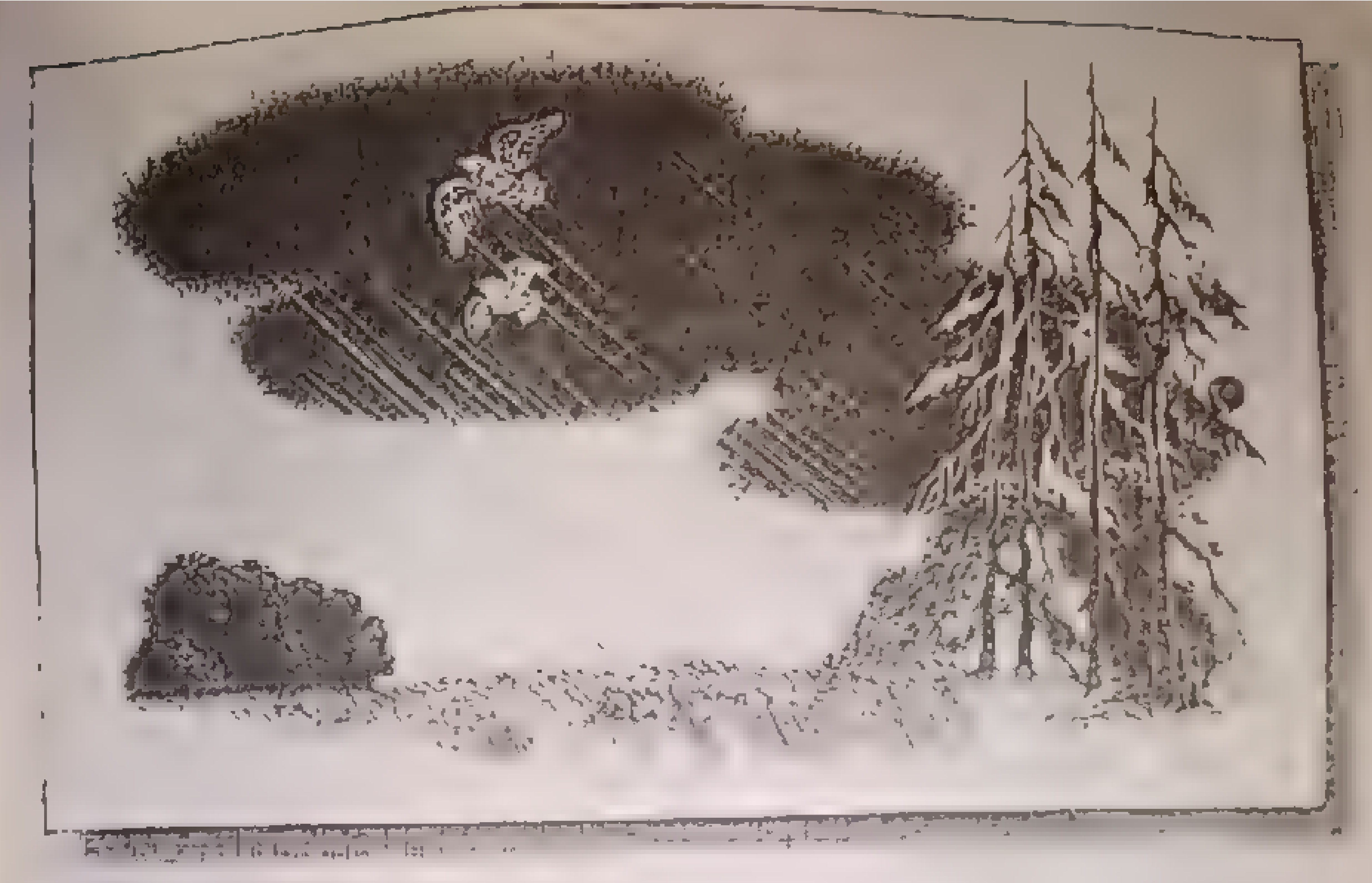

Иван ТУРГЕНЕ

ГОЛУБИ

(из цикла "Стих

Я стоял на в
то золоты
и пестрела спел
Но не бегал
ный воздух: наз
Около меня
но там, за рожь
лежала грузной
Всё притаило
последних солне
одной птицы; п
вблизи упорно ш
Как сильно па
громаду... н
скорей! — дума
сверкни, гром! Д
прекрати тоскли
Но туча не д
землю...

Иван ТУРГЕНЕВ

ГОЛУБИ

(из цикла "Стихотворения в прозе")

Я стоял на вершине пологого холма; передо мною — то золотым, то посеребренным морем раскинулась и пестрела спелая рожь.

Но не бегало зыби по этому морю; не струился душный воздух: назревала гроза великая.

Около меня солнце ещё светило — горячо и тускло, но там, за рожью, не слишком далеко, темно-синяя туча лежала грузной громадой на целой половине небосклона.

Всё притаилось... всё изнывало под зловещим блеском последних солнечных лучей, не слыхать, не видать ни одной птицы; попрятались даже воробьи. Только где-то вблизи упорно шептал и хлопал одинокий, крупный лист лопуха.

Как сильно пахнет полынь на межах! Я глядел на синюю громаду... и смутно было на душе. Ну скорей же, скорей! — думалось мне, — сверкни, золотая змейка, дрогни, гром! Двинься, покатись, пролейся, злая туча, прекрати тоскливое томленье!

Но туча не двигалась. Она по-прежнему давила безмолвную землю... и только словно пухла да темнела.

И вот по одноцветной ее синеве замелькало что-то ровно и плавно; ни дать ни взять белый платочек или снежный комок. То летел со стороны деревни белый голубь.

Летел, летел — всё прямо, прямо... и потонул за лесом.

Прошло несколько мгновений — та же стояла жестокая тишь... Но глядь! Уже два платка мелькают, два комочка несутся назад; то летят домой ровным полётом два белых голубя.

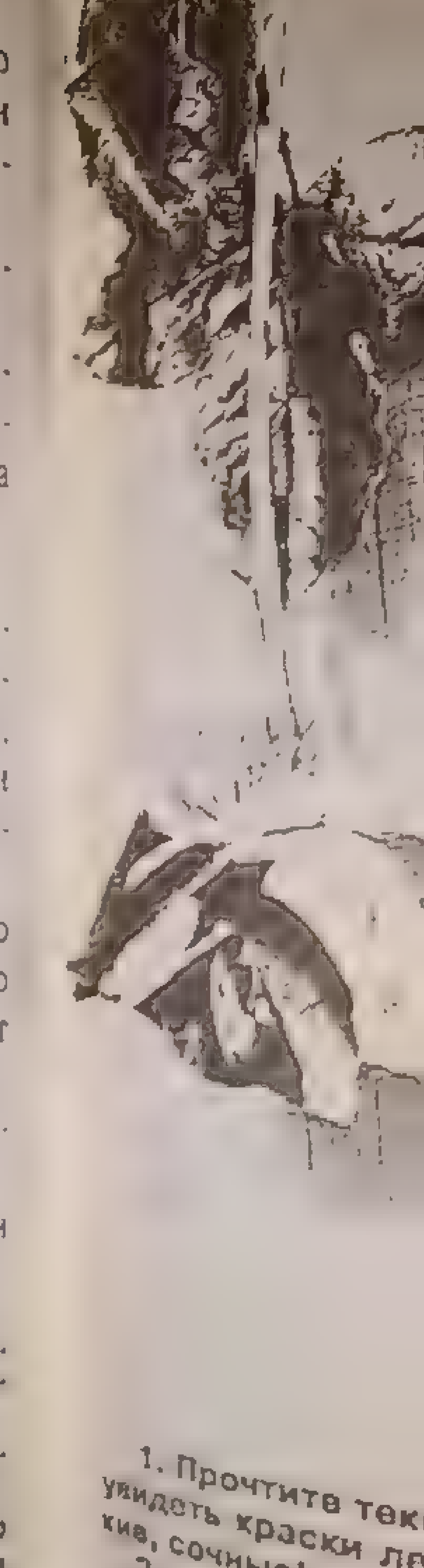
И вот, наконец, сорвалась буря — и пошла потеха!

Я едва домой добежал. Визжит ветер, мечется как бешеный, мчатся рыжие, низкие, словно в клочья разорванные, облака, всё закрутилось, смешалось, захлестал, закачался отвесными столбами рьяный ливень, молнии слепят огнистой зеленью, стреляет как из пушки отрывистый гром, запахло серой...

Но под навесом крыши, на самом краюшке слухового окна, рядышком сидят два белых голубя — и тот, кто слетал за товарищем, и тот, кого он привёл и, может быть, спас.

Нахохлились оба — и чувствует каждый своим крылом крыло соседа...

Хорошо им! И мне хорошо, глядя на них... Хоть я и один, как всегда.

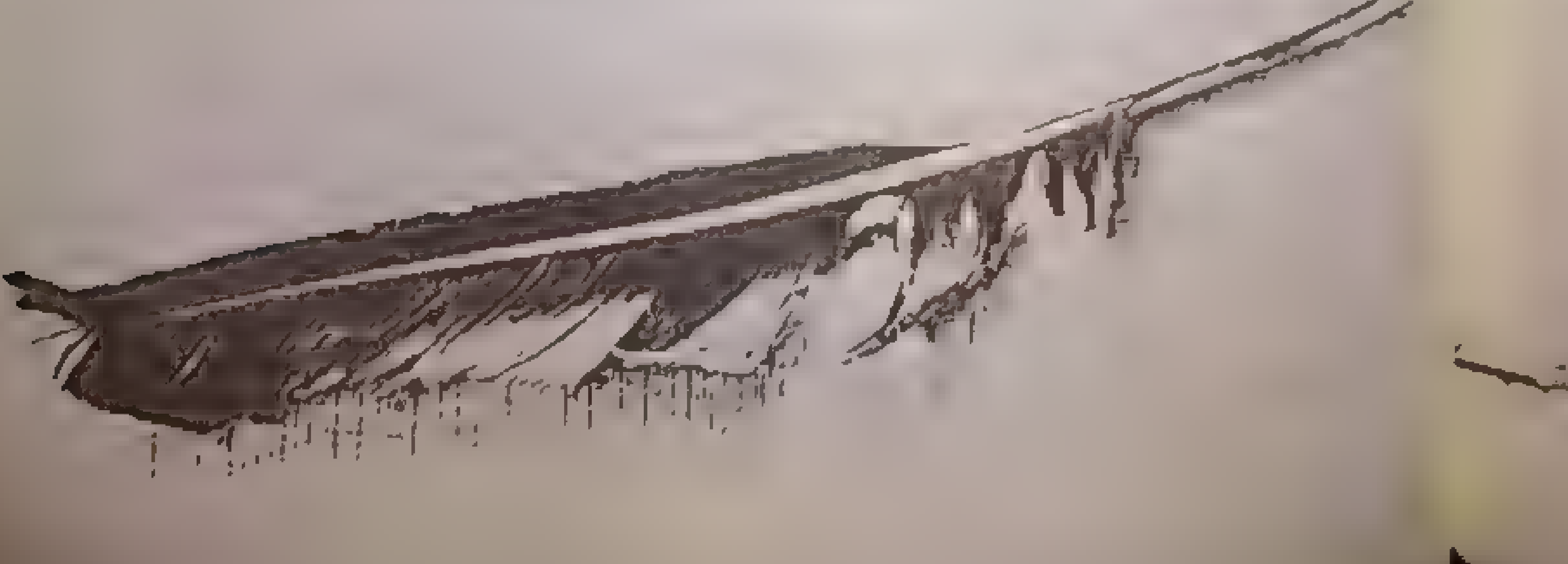

1. Рисуя картину грозы, И.Тургенев использует сравнения. Найдите их в тексте и попробуйте представить то, что нарисовано словами.

2. Почему меняется настроение автора (вначале это "тоскливое томление", а в конце — "и мне хорошо...")?

3. "Голуби — стихотворение в прозе. Попробуем понять, что это значит. Конечно, это проза, но что в ней есть от стихов (Рифма? Ритм? Интонация? Настроение?) Подумайте.

1. Прочтите тек...
увидеть краски ле...
кие, сочные!
2. Поэт И.Бунин ...
дивный образ "до...
вам представляется...

Иван БУНИН

РОЗЫ

Блистая, облака лепились
В лазури пламенного дня.
Две розы под окном раскрылись —
Две чаши, полные огня.

В окно, в прохладный сумрак дома,
Глядел зелёный знойный сад,
И сена душного истома
Струила сладкий аромат.

Порою, звучный и тяжёлый,
Высоко в небе грохотал
Громовый гул. Но пели пчелы,
Звенели мухи — день сиял.

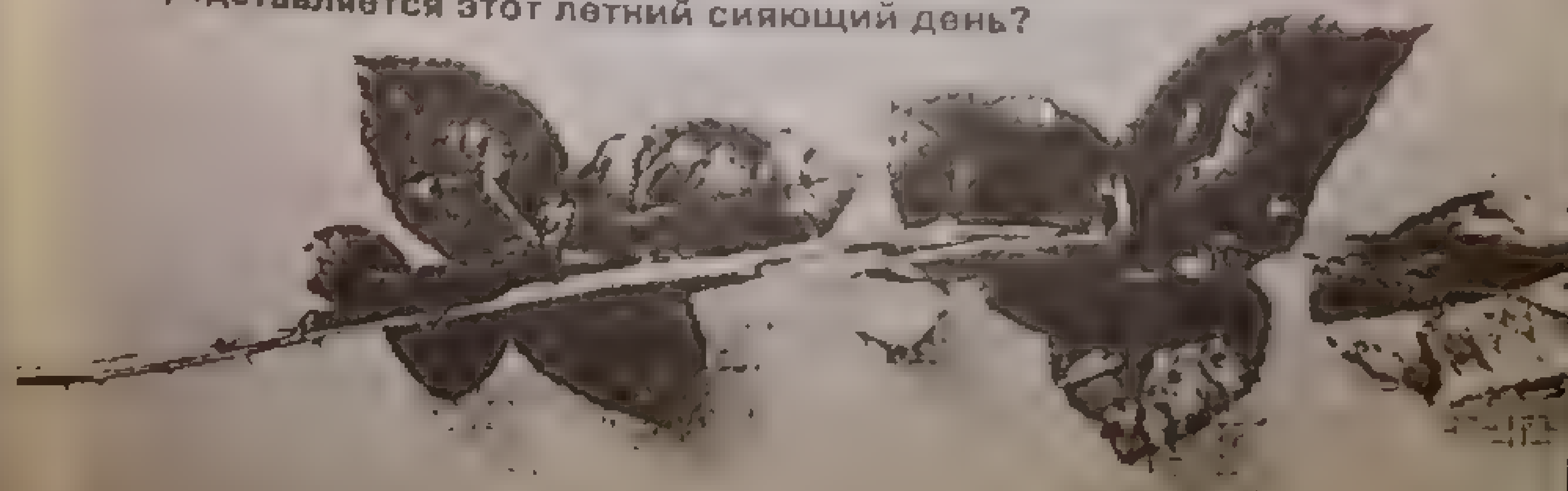
Порою шумно пробегали
Потоки ливней голубых..
Но солнце и лазурь мигали
В зеркально-зыбком блеске их —

И день сиял, и млели розы,
Головки томные клоня,
И улыбалися сквозь слёзы
Очами, полными огня.

(1903—1904)

1. Прочтите текст ещё раз, найдите строчки, в которых можно увидеть краски летнего дня. Обратите внимание, какие они яркие, сочные!

2. Поэт И.Бунин в этом стихотворении дважды повторяет найденный образ "день сиял", чтобы усилить впечатление. Каким вам представляется этот летний сияющий день?

Виталий БИАНКИ

НЕСЛЫШИМКА
(рассказ старого учёного)

1.

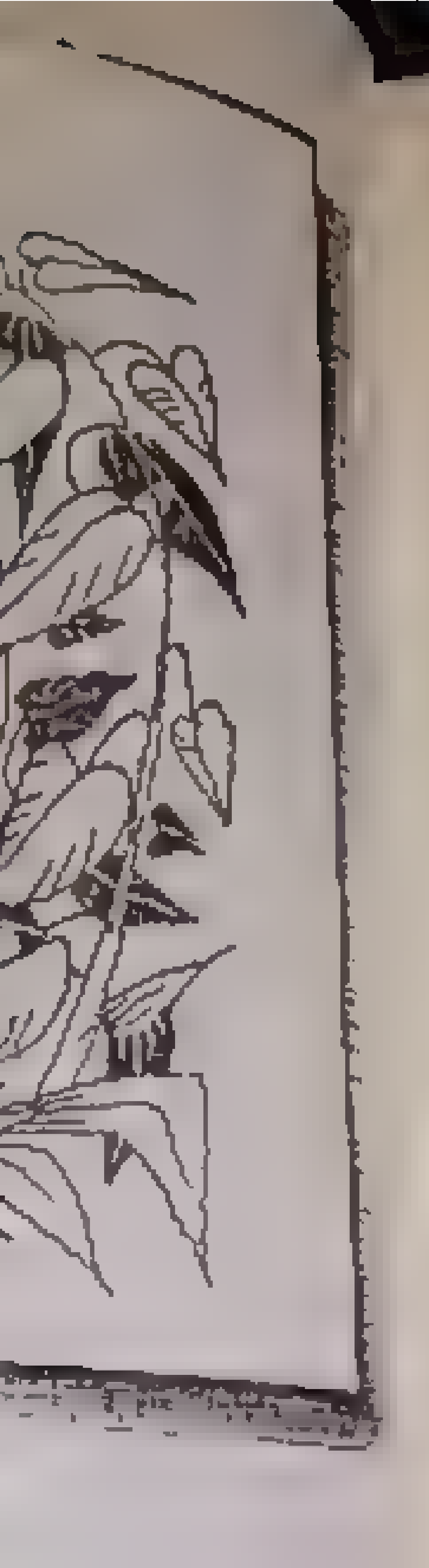
Приехали мы тот год в деревню в конце мая. Внучка нередко сопровождала меня на прогулках. Она у меня лес и животных всяких очень любит. Ну а я, конечно, исподволь и занимался тем, что называю "включением слуха и зрения на птицу в природе".

Я обращал внимание внучки на птиц, на их крик, песни, полёт. Она у меня уже хорошо различала по голосам десятка два певчих птиц. Но, конечно, с её крошечным опытом не могла ещё знать всех встречавшихся нам птиц, как знал их я. Поэтому меня очень насмешило, когда раз в самом начале лета она прибегает из лесу и говорит:

— Дедушка, а ты знаешь птичку-неслышимку? Ты почему мне её никогда не показывал?

— Постой, постой, — говорю. — Что это ещё за неслышимка? Опять сама придумала, вроде Зумзика и Момика?

Она у нас фантазёрка. Недавно её мать рассказывала: играет девчурка одна в саду, а всё, слышно, с кем-то разговаривает — то с каким-то Момиком, то с каким-то

Зумзиком. Мать спросила её, с кем это она. Девчурка только рукой махнула: "Ты не понимаешь! Такие у меня живут здесь — Момик и Зумзик. Мне с ними весело".

И сколько ни расспрашивала мать, так и не могла добиться, что это у неё за невидимки такие — не то человечки, не то зверюшки какие-то фантастические.

На мои слова внучка даже рассердилась:

— Ничего я, — говорит, — не сама придумала! Просто глазами видела. Сидит такая горбатенькая птичка на дереве, на верхней ветке, сама ротик разевает, и горлышко у неё трепещется, а всё равно ничего не слышно, никакой песенки.

Я уж, чтобы не обидеть девчурку, сделал вид, что поверил ей. Спрашиваю:

— Где же это ты видела её?

— На ручье у самой опушки леса. Знаешь, где ты всегда покурить на пенёк садишься, когда мы из лесу выходим?

— Интересно, — говорю. — В следующий раз пойдём, ты мне её покажи.

— А она не улетит?

— Нет, ведь сейчас все птицы при гнёздах. Раз тут поёт, тут и будет.

2.

В лес я пошёл на следующий же день. О фантастической "неслышимке", конечно, забыл уже. А внучки со мной не было: она пошла с матерью в другое место — нарвать букет купальниц.

Уже я возвращался домой, когда мой слух поразила неожиданно наступившая в лесу тишина: одна за другой перестали петь птицы. Через две-три минуты я понял причину: вдруг потемнело, налетел сильный шквал, и почти сейчас же хлынул дождь.

Как это часто бывает в начале лета, он продолжался всего несколько минут. Но шуму наделал много. Когда я вышел из лесу на пожню, — так здесь называют заливные луга, — я был поражён контрастом между полной тишиной этого открытого места и шумом леса.

По своему обычаю, я сел недалеко от ручья на пенёк — выкурить папиросу. И при этом, конечно, вслушивался в тишину.

Тишина бывает разная. Тишину этого освеженного ливнем луга никак, разумеется, нельзя было назвать "мёртвой" тишиной. Как почти всегда в природе — днём ли, ночью ли, — тишина вся полнилась незаметными нашему слуху маленькими звуками. Она, можно даже сказать, вся состояла из этих почти неуловимых звуков лёгкого шелеста травы, шороха пробегающих в кочках мышей — шум, доступный разве только ушам совы, — звона падения с листьев отдельных капель, тихого пения ручейка. Я даже явственно различал где-то слева от себя стрекотание кузнечиков. Однако и этот звук — наиболее определённый из всех других — нисколько не нарушал тишины, как нарушила бы её звонкая песня зяблика, или скрип телеги, или крик человека. Он был лишь фоном, аккомпанементом в этом, если дозволительно так выразиться, богатейшем немом оркестре луга.

Не помню, как дальше скакнули, разбежались и вдруг опять соединились мои мысли, так спокойно тянувшиеся до этого момента.

Помню только — на опушке дробно, громко затрещал всполошённый чем-то певчий дрозд. Беспокоясь, дрозды всегда так отчаянно кричат, точно их уже схватили за хвост.

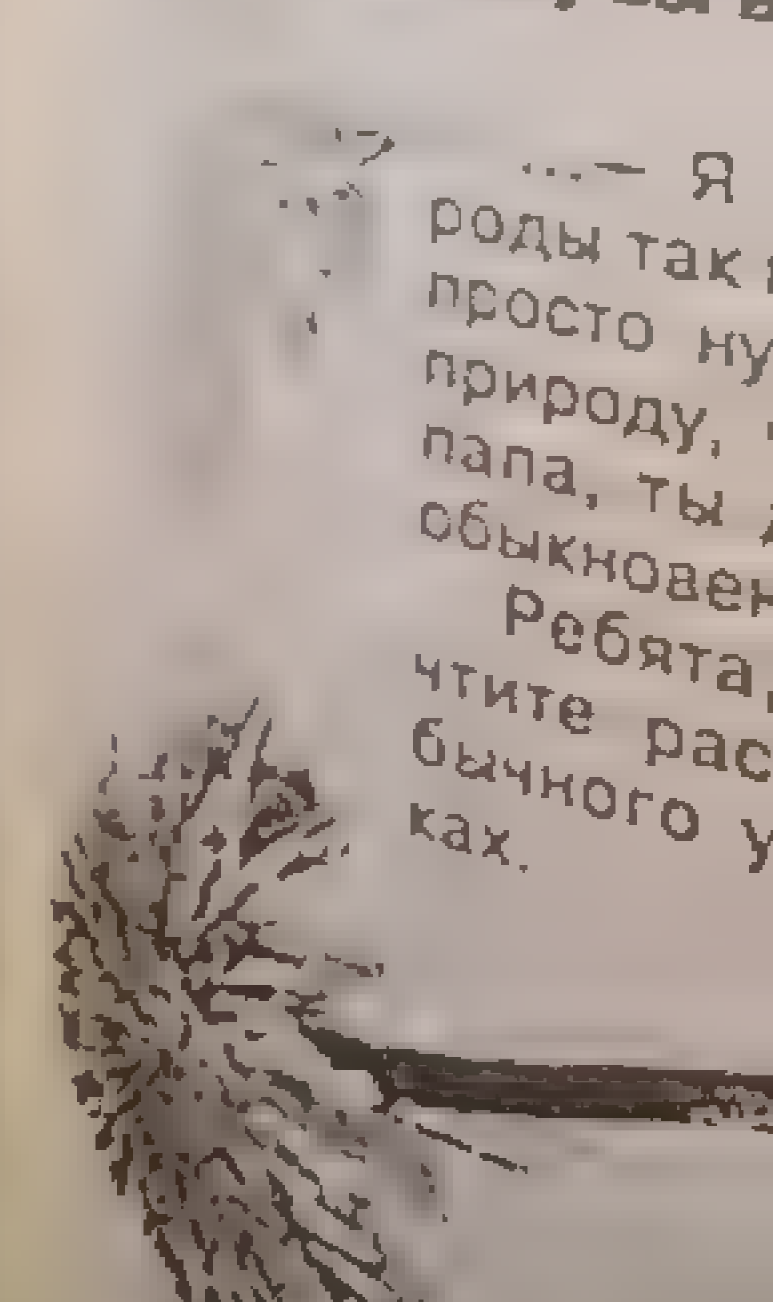
Протрещал и смолк. И от этого сильного звука ещё тише показалось на пожне. И ещё отчётливей в тишине зазвучал оркестрик кузнечиков — всё где-то слева от меня.

3.

И тут вдруг пришло мне в голову: "Но ведь это же абсурд! Какие же кузнечики в самом начале лета, когда ещё цветут купальницы! Кузнечики у нас начинают трещать только в июле".

Я так резко повернулся налево, что даже выронил папиросу из рук.

Так всё и было, как рассказывала моя внучка: там над ручьём, на вершине ольхи сидела горбатенькая птич

ка. Она разевала клюв, и перья на раздутом горлышке у неё трепетали, а песни не было слышно. Только громко стрекотали кузнечики.

Вероятно, я своим резким движением испугал немого певца: он исчез, камешком свалился с ветки. И в тот же миг оборвалось стрекотание кузнечиков.

Ну мне-то, конечно, было достаточно и одного этого мгновения, чтобы узнать птичку: и фигурка её горбиком, и характернейшая повадка — в случае тревоги камешком падать в траву с того высокого места, где она сидит, распевая, — и, разумеется, самая её эта оригинальная песенка-трель, почти неотличимая от стрекотания крупных кузнечиков, — всё разом сказало мне, что это был обыкновенный сверчок, камышовка-сверчок.

Спасибо внучке, что мне помогла. Я ей включил слух на известное. А она мне включила слух на неизвестное и, казалось мне, немыслимое: на какую-то "неслышимку"!

И правда оказалась на её стороне, на стороне ребёнка.

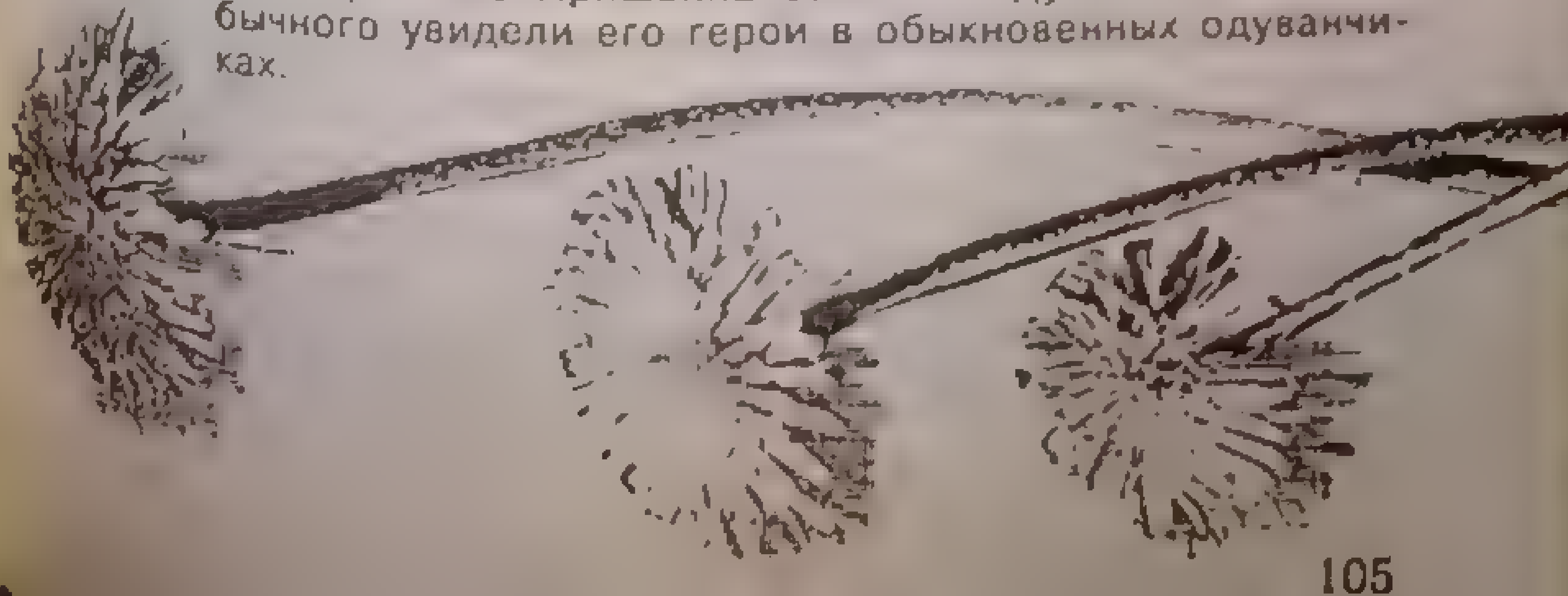
1. Какое маленькое открытие сделал автор с помощью внучки?

2. А что нового для себя открыли вы, прочитав этот рассказ?

3. Подготовьте пересказ самого интересного отрывка из рассказа. Почему вы выбрали именно этот отрывок?

...— Я никогда не думала, что читать описания природы так интересно, — сказала Настя задумчиво. — В них просто нужно вчитываться так же, как всматриваешься в природу, чтобы увидеть необычное в обычном. Помнишь, папа, ты давно читал мне рассказ "Золотой луг" — про обыкновенные одуванчики, с которыми вдруг...

Ребята, здесь мы на минутку прервём Настю. Прочтите рассказ Пришвина сами и подумайте, что необычного увидели его герои в обыкновенных одуванчиках.

Михаил ПРИШВИН

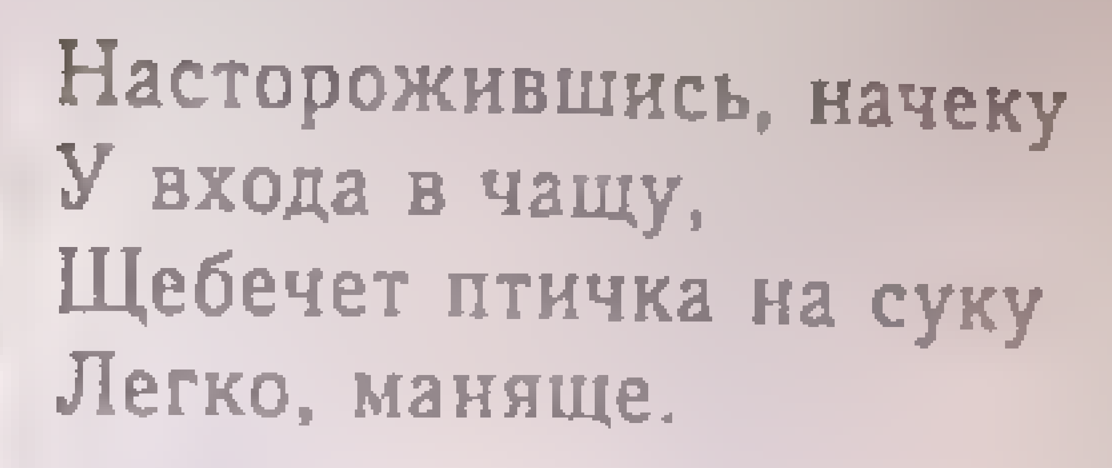
ЗОЛОТОЙ ЛУГ

У нас с братом, когда созревают одуванчики, была с ними постоянная забава. Бывало, идём куда-нибудь на свой промысел — он впереди, я в пяту.

"Серёжа!" — позову я его деловито. Он оглянется, а я фукну ему одуванчиком прямо в лицо. За это он начинает меня подкарауливать и тоже, как зазеваешься, фукнет. И так мы эти неинтересные цветы срывали только для забавы. Но раз мне удалось сделать открытие

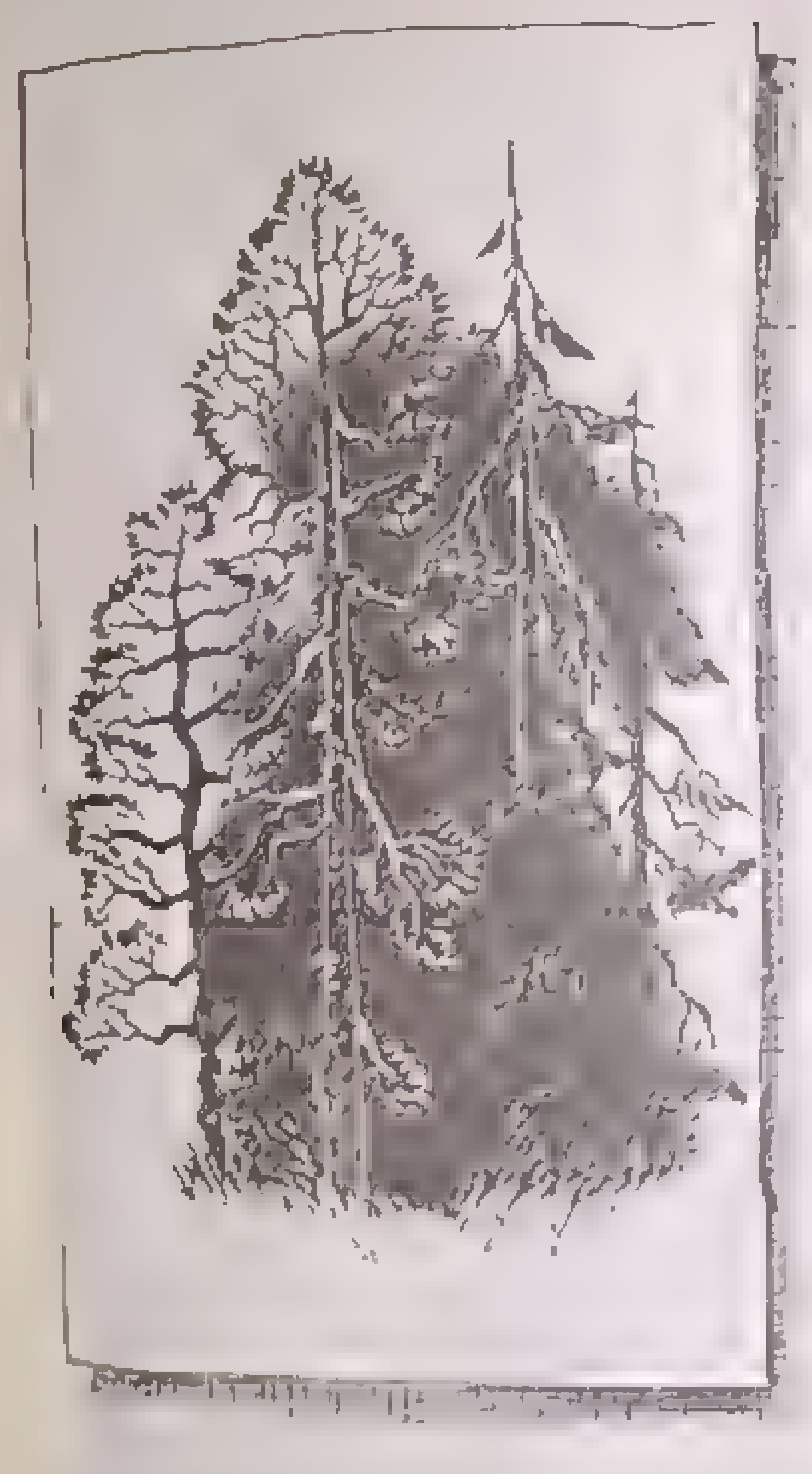
Мы жили в деревне, перед окном у нас был луг, весь золотой от множества цветущих одуванчиков. Это было очень красиво. Все говорили: "Очень красиво! Луг золотой". Однажды я рано встал удить рыбу и заметил, что луг был не золотой, а зелёный. Когда же я возвращался около полудня домой, луг был опять весь золотой. Я стал наблюдать. К вечеру луг опять позеленел. Тогда я пошёл, отыскал одуванчик, и оказалось, что он сжал свои лепестки, как всё равно если бы у нас пальцы со стороны ладони были жёлтые и, сжав в кулак, мы закрыли бы жёлтое. Утром, когда солнце взошло, я видел, как одуванчики раскрывают свои ладони и от этого луг становится опять золотым.

С тех пор одуванчик стал для нас одним из самых интересных цветов, потому что спать одуванчики ложились вместе с нами, детьми, и вместе с нами вставали.

Борис ПАСТЕРНАК

ЗА ПОВОРОТОМ

Насторожившись, начеку
У входа в чащу,
Щебечет птичка на суку
Легко, маняще.

Она щебечет и поёт
В преддверье бора,
Как бы оберегая вход
В лесные норы.

Под нею — сучья, бурелом,
Над нею — тучи,
В лесном овраге, за углом —
Ключи и кру́чи

Нагроможденьем пней, коло́д
Лежит валежник.
В воде и холоде болот
Цветёт подснежник.

А птичка верит, как в заро́к,
В свои рула́ды
И не пускает на порог
Кого не надо.

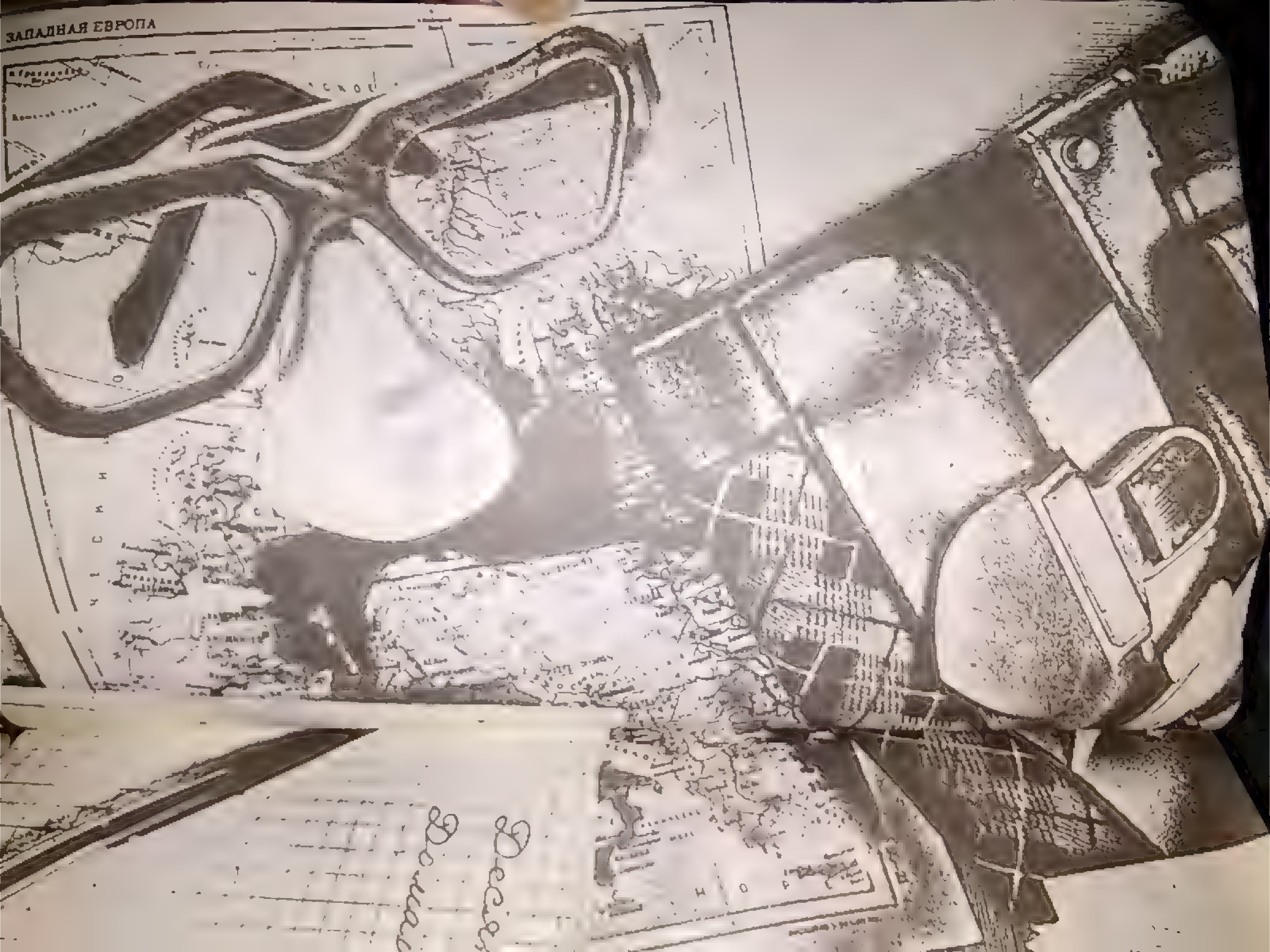
1958

Ребята, что может увидеть и услышать вдумчивый читатель в этом стихотворении?

Сочинение.

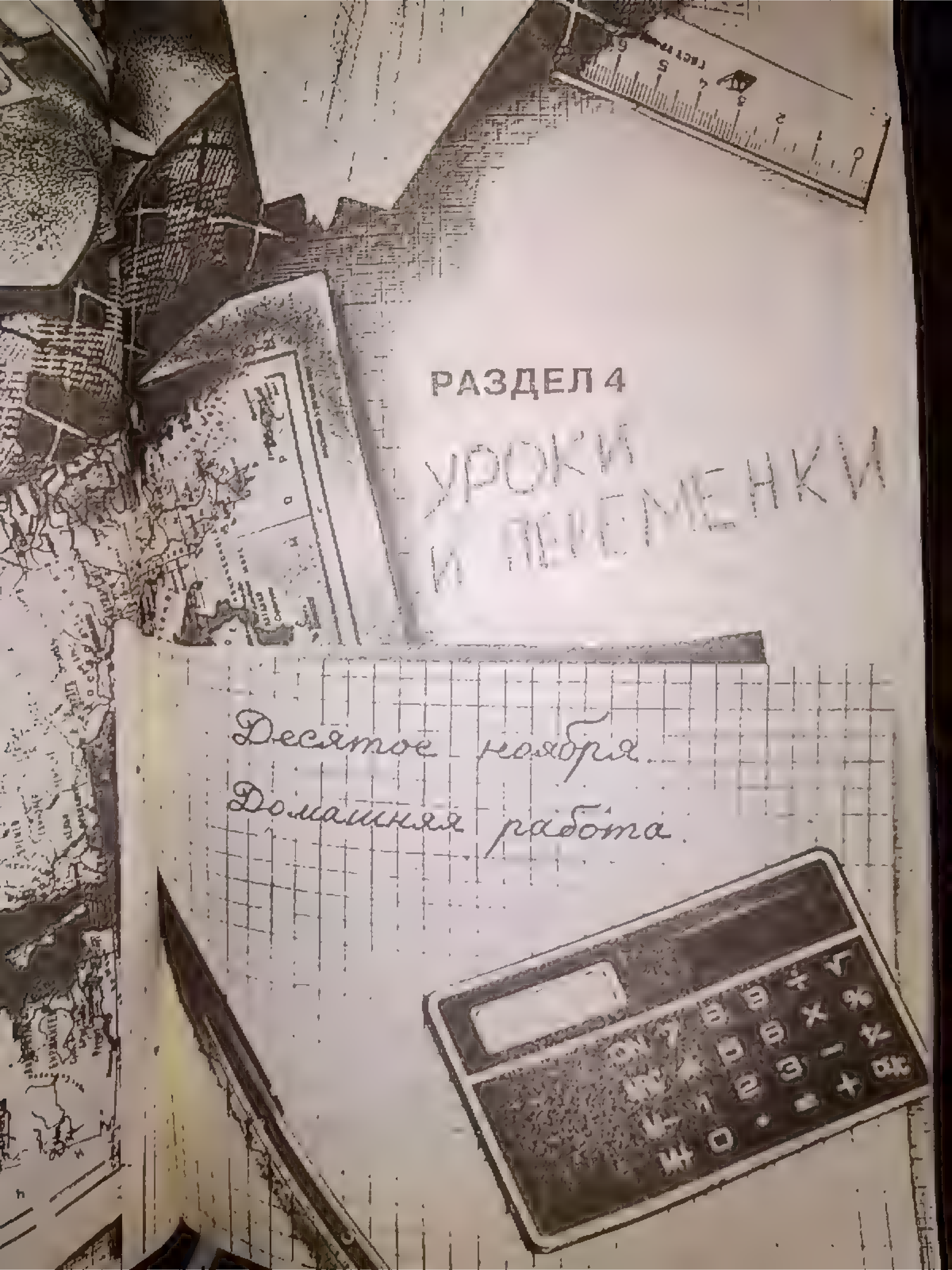
Предлагаем вам написать сочинения-зарисовки на темы:

1. Лесное озеро.
2. Цветущий луг.
3. Лесная поляна.
4. Июньское утро.
5. Знойный полдень.
6. Грибной дождик.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

РАЗДЕЛ 4

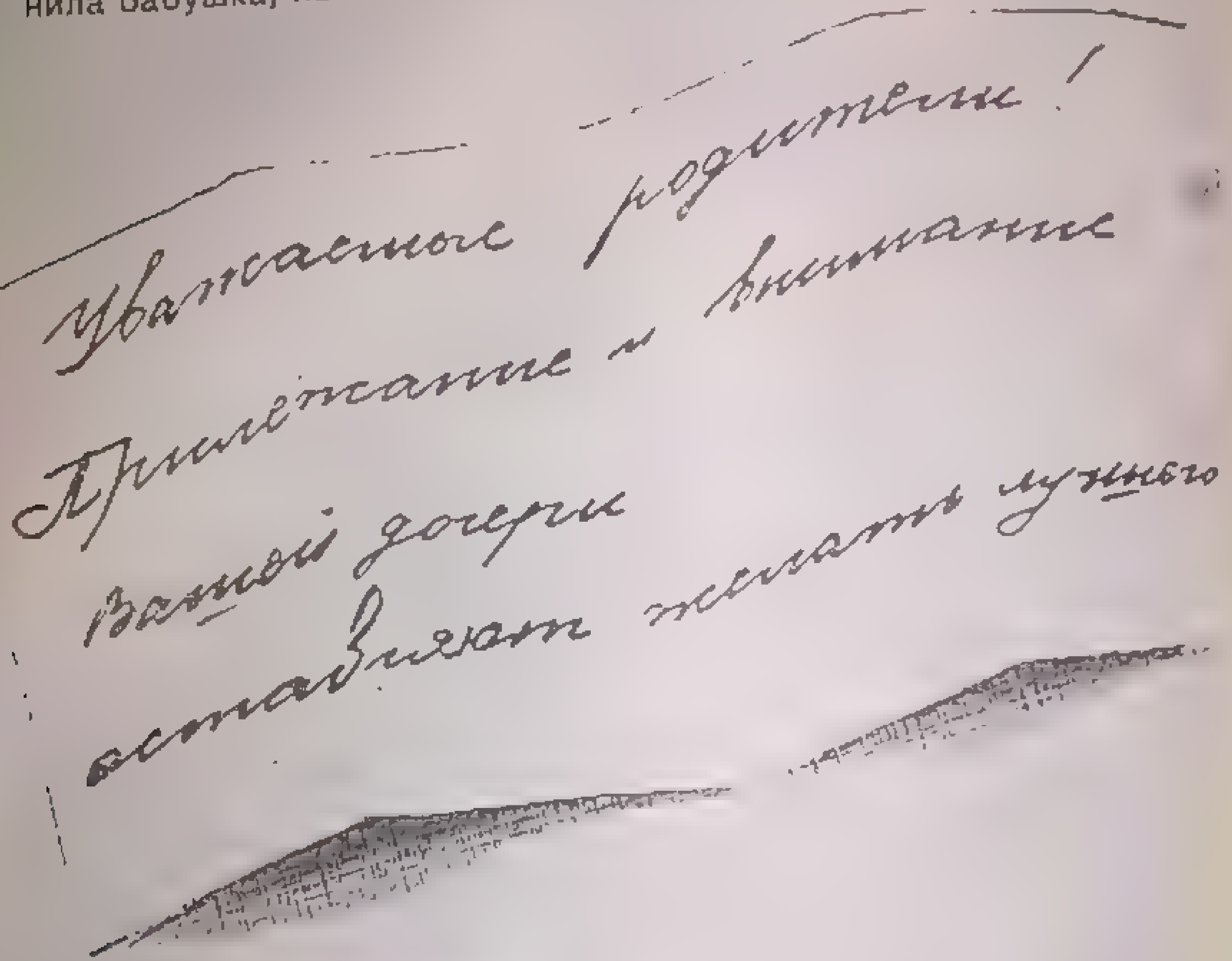
УРОКИ И ПЕРЕМЕНКИ

Как-то вечером папа и мама обратили внимание, что Настя почему-то спрятала свой портфель под кровать и задвинула туда же коробку с кубиками.

— Ну-ка покажи дневник, — потребовала мама, хватаясь за сердце. — Неужели двойка?!

— А твоя прабабушка, между прочим, закончила гимназию с золотой медалью, — в который уже раз напомнила бабушка, появляясь в комнате.

— прочёл папа.

Настя захныкала:

— Я ничего такого не делала! Я ничего не оставляла и никому не желала...

Папа улыбнулся. Мама вздохнула. Бабушка отправилась за валерьянкой.

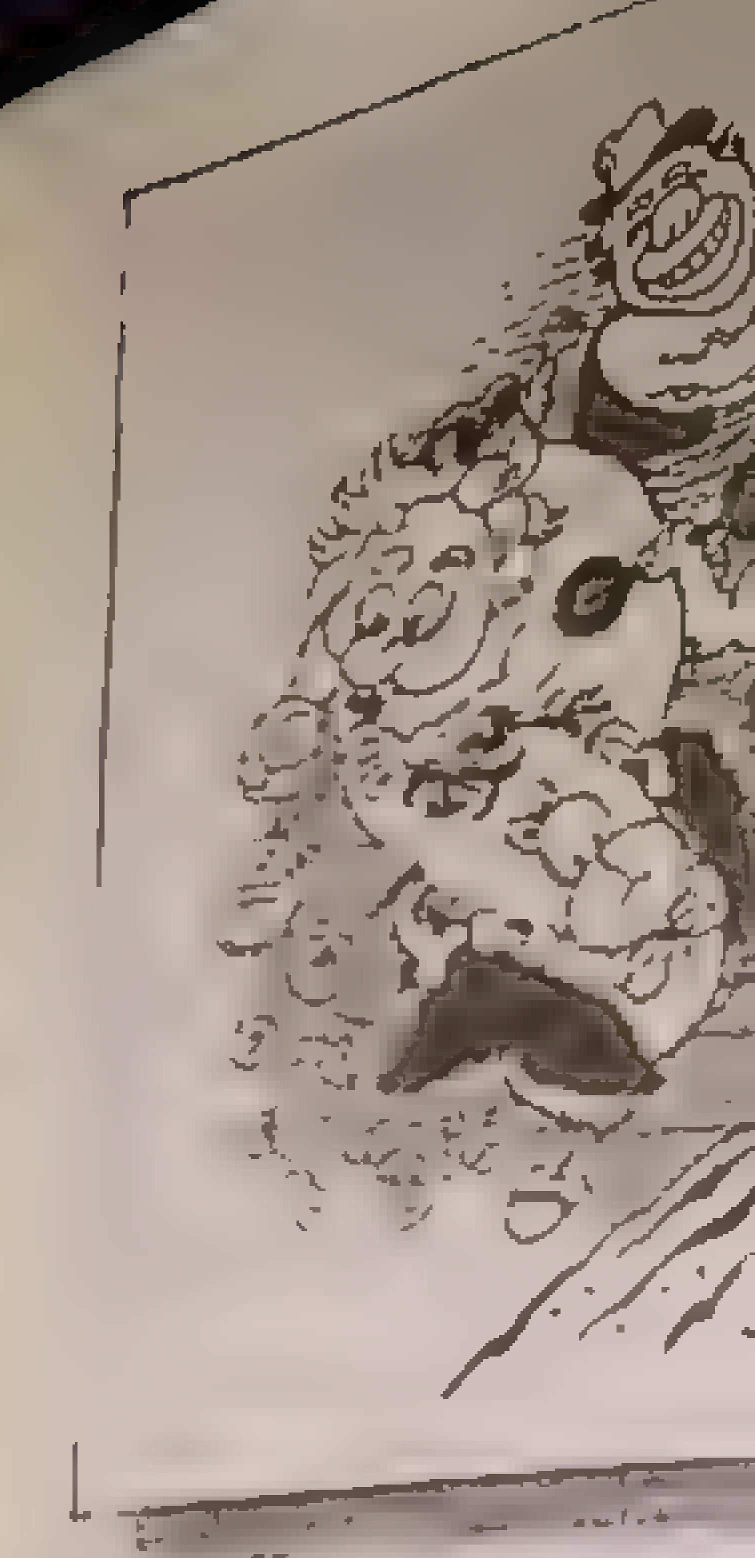
— Рассказывай, что натворила, — потребовал папа, но нестрогим голосом.

— Я вчера дочитала книжку "Дядя Фёдор, пес и кот", на чтении не утерпела и стала рассказывать Наташке, как Шарик занимался подводной охотой .. и вообще я очень устаю сидеть спокойно и молчать целый урок. Вот если бы в школе на уроках можно было смеяться, разговаривать, играть — как весело было бы учиться!

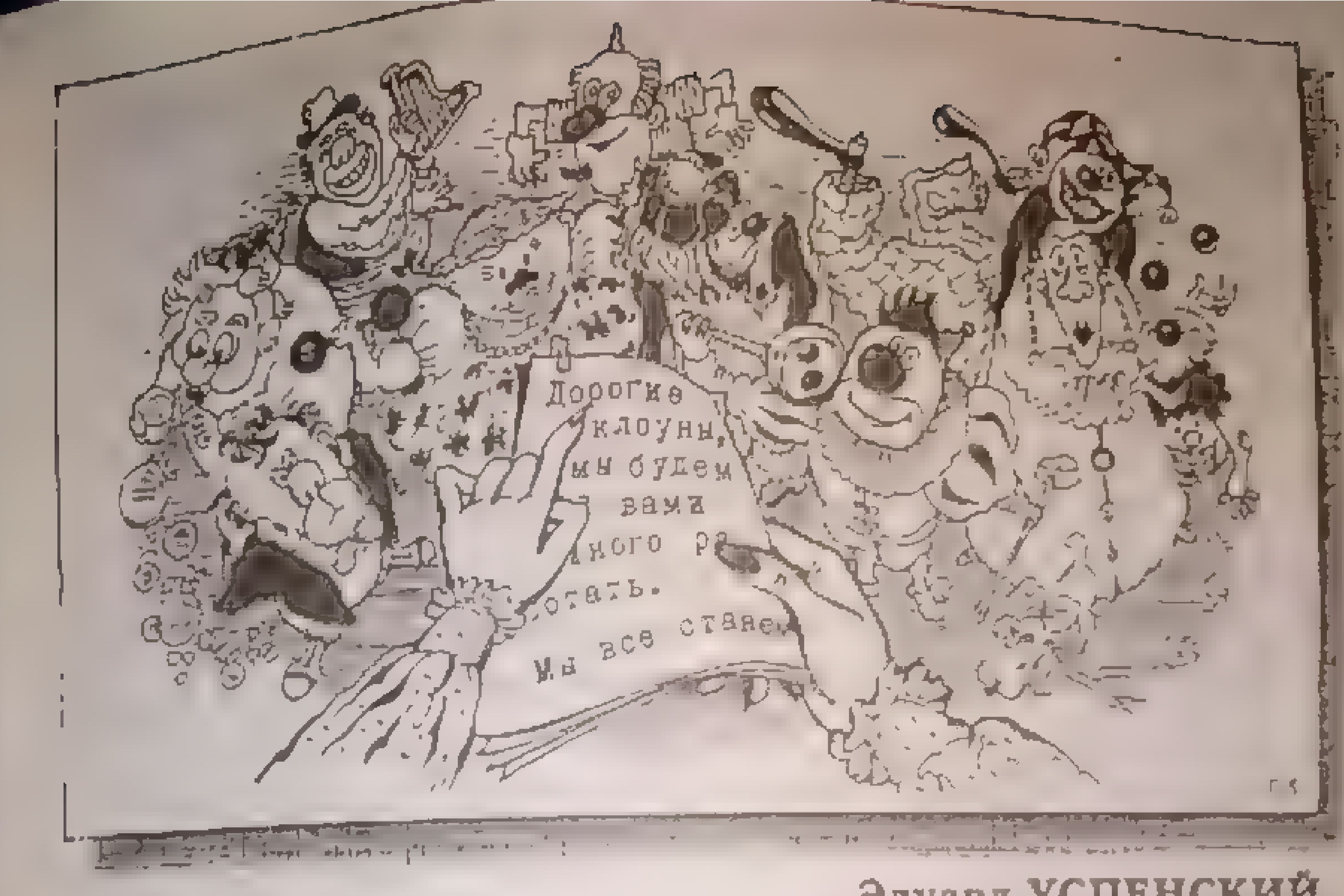
— Ну тогда это должно быть примерно так, как в книге Эдуарда Успенского.

— Пап, а разве кот Матроскин или Чебурашка с Геной учились в школе?

— Нет, это совсем в другой книжке. Она называется "Школа клоунов".

Это случилос
Это случилос
Это случилось
очень большом гор
В одной газете
"Уважаемые тов
Если у вас ест
жизни, передайте
чика Антона Семё
в ней клоунов буд
себя хорошо в
или в лучших
Ждём вас, дорог
Ждём вас завтра
Приходите".
Наутро у входа
очередь клоунов. Б
Клоуны белые и кл
прыгали и играли на
На лейках, на скрип

Эдуард УСПЕНСКИЙ

ШКОЛА КЛОУНОВ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЗАНЯТИЙ

Это случилось однажды.

Это случилось однажды в шесть часов вечера.

Это случилось однажды в шесть часов вечера в очень большом городе. В Москве

В одной газете было помещено объявление:

"Уважаемые товарищи люди!

Если у вас есть знакомые клоуны из цирка или из жизни, передайте им, что на улице имени бабушки лётчика Антона Семёнова открывается школа для клоунов. В ней клоунов будут учить и чтению, и письму, и умению себя хорошо вести. Потом будет работа на телевидении или в лучших цирках страны.

Ждём вас, дорогие клоуны.

Ждём вас завтра.

Приходите".

Наутро у входа в школу выстроилась целая огромная очередь клоунов. Были клоуны толстые и клоуны худые. Клоуны белые и клоуны тёмные. Они шумели, кричали, прыгали и играли на разных музыкальных инструментах. На лейках, на скрипках, на арфах, на сковородках.

И на большой чёрной машине приехал очень важный гость — начальник по обучению и развлечению.

Тут из школы вышла строгая-строгая гражданка в очках.

Она достала из портфеля доклад и прочла:

— "Дорогие клоуны, мы будем много работать". Тут часть очереди исчезла. Это были самые шумные клоуны.

— "Мы все станем делать зарядку!"

Ещё часть очереди скрылась за углом. Это были толстые клоуны.

— "И будем как следует умываться!"

В этом месте сбежали тёмные клоуны. Они были просто неумытые.

Клоунов осталось всего два. Юноша и девушка.

Тогда на крыльцо вбежала совсем юная женщина — директор школы. Она сказала:

— Что же вы делаете, Василиса Потаповна! Так вы всех учеников распугаете. Вы даже не сказали, что у нас есть живой уголок. Что мы будем петь песни. Ходить в зоопарк. А так нам и школу открывать неудобно. Получается, что учителей больше, чем учеников.

— Столько же, — возразила строгая женщина. Это была главная воспитательница школы. — Нас двое, и их двое.

— А дядя Шакир? Он же третий.

— Товарищ Шакир не учитель. Товарищ Шакир — дворник.

— Значит, он может научить подметать. Значит, он тоже немного учитель. И получается, что нас больше

Хорошо, что тут подошёл почтальон и принёс телеграмму.

Василиса Потаповна прочла:

— "Встречайте меня. Я уже вылетел. Клоун Саня из тайги и его верный Полкан". Ничего не понимаю, — сказала она. — Почему он вылетел из тайги? И зачем? Раз он умеет писать телеграммы, ему нечего здесь делать

Тут вмешался большой начальник из машины:

— Клоун Саня, наверное, охотник. Он живёт в тайге. Полкан — его верная собака. Они вылетели к нам на самолёте, чтобы учиться.

— А как же он телеграмму написал, если он неграмотный?

— Я думаю, он её не писал, — объяснил начальник. — Он её продиктовал по телефону. Прямо из тайги.

Вдруг все увидели в небе самолёт. От него отделились две точки, над которыми вспыхнули два парашюта. Это прилетели клоун Саня и верный Полкан.

— Ура! — закричали все.

Только Полкан оказался не верной собакой, а верной козой. Это была коза охотничья, служебная и сторожевая. Новой, особой породы. Она была ещё ездовой и следопытной. Её воспитал сам Саня в тайге при собачьем питомнике. Вы ещё об этой козе узнаете.

— Ну теперь всё, — сказала девушка-директор. — Три ученика есть, можно открывать школу. Можно перерезать ленточку.

Обычно это делает самый почётный гость. Таким гостем был начальник по обучению и развлечению. И Василиса Потаповна подала ножницы ему.

— Одну минуточку, — сказала девушка-директор. — Наша школа весёлая, и открывать её надо весело.

Она сняла с головы косынку и завязала гостю глаза. И он пошёл, щёлкая ножницами. Вот начальник поднялся по ступенькам. А у дверей стоял бородатый дворник Шакир.

Чик!.. — щёлкнули ножницы.

И огромная борода дяди Шакира упала на пол. Стало видно много значков на груди.

Начальник застеснялся, сел обратно в машину и уехал.

Потом ножницы взяла Василиса Потаповна и отрезала у одного гражданина авоську с продуктами.

Наконец Наташа — самая молодая ученица — разрезала ленточку, и девушка-директор пригласила всех в класс. Она сказала:

— Я — Ирина Вадимовна. Я буду вас учить писать и читать. И ещё я — директор... Это — Василиса Потаповна. Она — главный воспитатель. Будет вас учить хорошему поведению.

Потом стали представляться клоуны.

— Я — клоун Саня из тайги, — сказал клоун Саня из тайги.

— Рядом со мной за партой сидит мой Полкан. Мы никогда не расстаёмся и хотим выступать вместе. Полкан, голос!

Полкан закричал:

— Меееееe!..

— Надеюсь, вы спите не в одной кровати с Полканом? — спросила Ирина Вадимовна.

— Нет. Он спит под кроватью.

— Это прекрасно, что вы такие неразлучники. Но всё-таки место Полкана во дворе или в живом уголке, а не за партой.

Пришёл дядя Шакир и привязал Полкана к колышку во дворе. Полкан был недоволен. И потом ещё долго кричал. Даже через окошко было слышно.

— Меня зовут Наташа, — сказала молоденькая Наташа. — Я хочу выступать по телевизору и сниматься в кино. Я хочу стать самым знаменитым клоуном.

— А меня зовут Шура, — сказал третий клоун. Он был очень рыжий. — Я немножко странный, про меня говорят, я со сдвигом.

Он сильно покраснел.

— Интересно, — сказала Василиса Потаповна. — В чём же ваш сдвиг?

— Если я о чём-то сильно подумаю, это сразу появляется. У меня такое свойство.

Все задумались над таким свойством. А Ирина Вадимовна попросила:

— Подумайте, пожалуйста, о мороженом. Чтобы оно было с кремом. В стаканчиках.

Шура стал думать так сильно, что даже волосы у него на голове зашевелились. И уши тоже. Бац! И на столе перед ним появилась вазочка для мороженого. А в ней — две щетки. Одна зубная, другая сапожная. И два тюбика — чёрный и белый. С пастой для зубов и кремом для обуви.

— Так я и зн
тому, что я сегод
Наташа потр
под руку и отвёл
— Я тут из та
сяток, для подар
сделать так, что
Зато самых здор
Шура сильно
ращил. Хлоп! И
(во какие!) шишк
вые
— Ничего себ
хотел фонарик по
светился!
— Кажется, м
а Вадимовна.
Но тут открыл
Он был совершен
большим портфеле
Он объявил:
— Я — товар
повышения завхоз
по руководство.

— Так я и знал! — воскликнул Шура. — Это всё потому, что я сегодня ни зубы, ни ботинки не чистил.

Наташа потрогала щётки. А клоун Саня взял Шуру под руку и отвёл в сторону:

— Я тут из тайги хотел кедровых шишек привезти десяток, для подарков. Да позабыл в суматохе. Нельзя ли сделать так, чтобы у меня появилась хотя бы парочка? Зато самых здоровых.

Шура сильно и глубоко задумался. Прямо глаза вытаращил. Хлоп! И на лбу у Сани выскочили две большие (во какие!) шишки. И что интересно — совсем не кедровые.

— Ничего себе! — ахнул деловой Саня. — А я ещё хотел фонарик попросить карманный. Сейчас бы я весь светился!

— Кажется, мы все перезнакомились! — сказала Ирина Вадимовна.

Но тут открылась дверь, и вошёл ещё один человек. Он был совершенно взрослый. Бритый, с галстуком и большим портфелем.

Он объявил:

— Я — товарищ Помидоров. Прибыл на ваши курсы повышения завхозов. Вот мои документы. Меня прислало руководство.

— Ваше руководство ошиблось, — наставительно сказала главная воспитательница. — Вам нужен соседний дом. Курсы повышения завхозов там. А это школа для клоунов.

— Моё руководство не может ошибаться! — возразил Помидоров.

— Хорошо, оставайтесь, — разрешила директриса. — Садитесь на первую парту. Нам с вами будет интереснее. Начинаем первый урок.

Но тут прозвенел звонок, и первый день занятий окончился.

ПРИЛОЖЕНИЯ
к первому дню занятий

Приложение первое

Заметка из газеты "СОВРЕМЕННЫЙ ЛЕСОРУБ".

Прослушайте её, ребята, а потом попробуйте пересказать своим родителям. Или бестолковым младшим товарищам. Называется она:

"СЛУЧАЙ В СОБАЧЬЕМ АМТО́МНИКЕ"

Это случилось на далёкой таёжной заставе. У козы Машки родилось семеро козлят. Пожалуй, слишком много. Время осеннее, с травой перебои.

"Не выкормит, — решила хозяйка. — Шестеро — ещё туда-сюда, а седьмого придётся утопить!"

Но сын хозяйки, юный таёжный охотник Саня, решил спасти седьмого козлёнка. Как раз в это время у служебной пограничной собаки Найды родились щенки. Всего два. Хотя ожидали четырёх.

Юный охотник подложил седьмого козлёнка к щенкам. И Найда стала его выкармливать.

Шло время. Козлёнок рос не по дням, а по часам. Через месяц он уже твёрдо знал свою кличку Полкан, умел подавать брошенный мячик и без труда выполнял команды: "Сидеть!", "Лежать!", "Бежать!" и "Голос!".

Саня упорно воспитывал Полкана. Каждое утро он пробегал с ним десяток-другой километров.

Учил идти по следу, прыгать через забор, ходить по бревну и туго натянутой проволоке, выслеживать волков и других хищников.

Удивительным созданием стал Полкан. Он мог часами сидеть в секрете или в засаде. Мог острыми рогами запросто пробить металлическую бочку. Умел возить сани и тележку. И при этом не забывал давать молоко. Ведь в конечном итоге Полкан был козой.

А однажды Полкан задержал на границе нарушителя. Он хорошо подготовился к борьбе с собаками. Знал приёмы против кусания, но против бодания не знал.

И Полкан взял его, можно сказать, голыми рогами.

За этот подвиг Полкан был награждён. Знаменитой козе вручили ценный подарок — баян.

Этот инструмент не очень был нужен Полкану. А юный Саня постоянно на нём играл.

Нам кажется, опыт юного охотника достоин всяческого изучения.

Корреспондент Жувачкин.

Приложение второе

Что делали клоуны после занятий

Как только прозвенел звонок и первый день занятий окончился, товарищ Помидоров взял портфель под мышку, попрощался со всеми и ушёл.

Девушка-директор Ирина Вадимовна вспрыгнула на мотоцикл и умчалась в город по делам.

А Василиса Потаповна скомандовала: "По порядку номеров рассчитайсь!" — и повела клоунов во двор школы, где была специальная двухэтажная пристройка. Там находились комнаты для учеников и столовая.

У входа стояла сестра-хозяйка, она же брат-повар тётя Фёкла Паркинен. С хлебом-солью и с вкусным борщом-супом.

— Ой, какие вы нарядные да красивые! А меня зовут тётя Фёкла. Очень легко запомнить. Вот очки, а это стёкла, а за ними тётя...

— Свёкла! — сказала Наташа.

Но тётя Фёкла даже не обиделась. Она накормила всех обедом и пригласила в любое время прибегать грызть вкусные сухарики.

Потом клоунов повели смотреть комнаты.

Наташе досталась большая комната с люстрой, диваном и даже котёнком. На стене висел список вещей.

"Люстра — одна. Диван — один. Котёнок Васька — одна штука".

Наташа обрадовалась котёнку Ваське — одной штуке. Она сразу помчалась к тёте Фёкле просить для Васьки молока одно блюдечко.

А Шуру и Саню поселили вместе. В их комнате было две люстры, два дивана, два шкафа, две настольные лампы. Даже телевизоров было два. И два зеркала.

Посмотрите, ребята, всё ли здесь встречается дважды? Может, здесь есть предметы, которых меньше. Например, сколько здесь полов? И потолков?

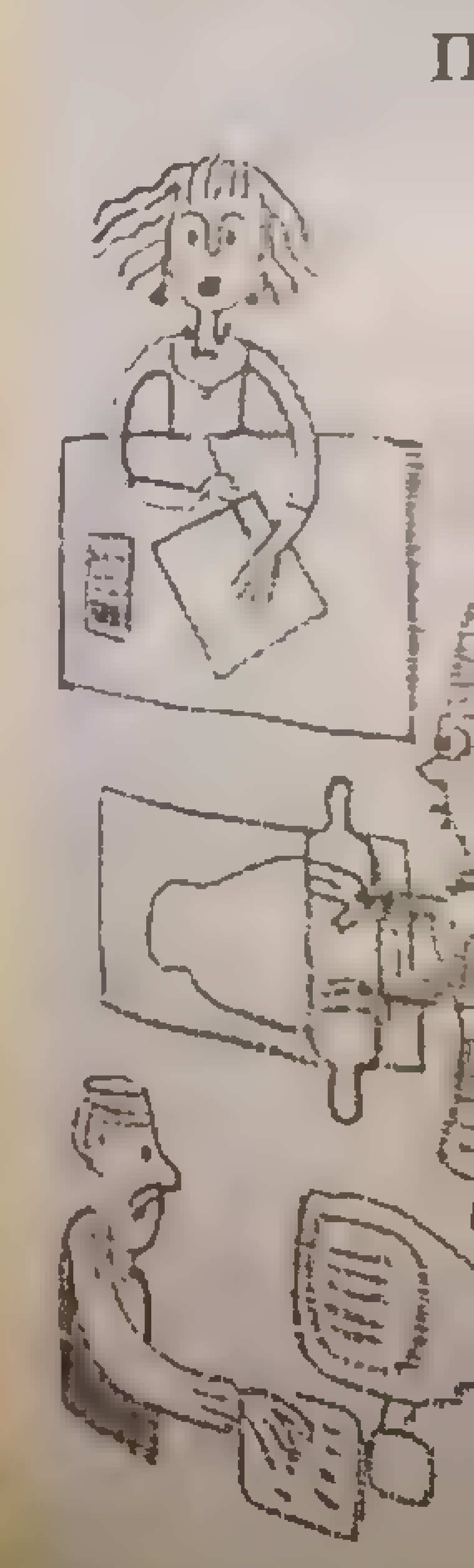
Сколько здесь футболистов? Шагающих экскаваторов? Гренландских китов?

Не очень много? Правда? Их просто нет.

Когда предметов нет, говорят, что их ноль. Здесь ноль футболистов, ноль экскаваторов, ноль гренландских китов.

О рабочем м
Наши клоун
думаю, ребята,
По крайней мер
стол.
Нужно, чтоб
тики, фломасте
падал слева. Ес
будет мешать.
Если ваши р
ли они что-то н
чем месте.
Слова мои, м

П

О рабочем месте ученика.

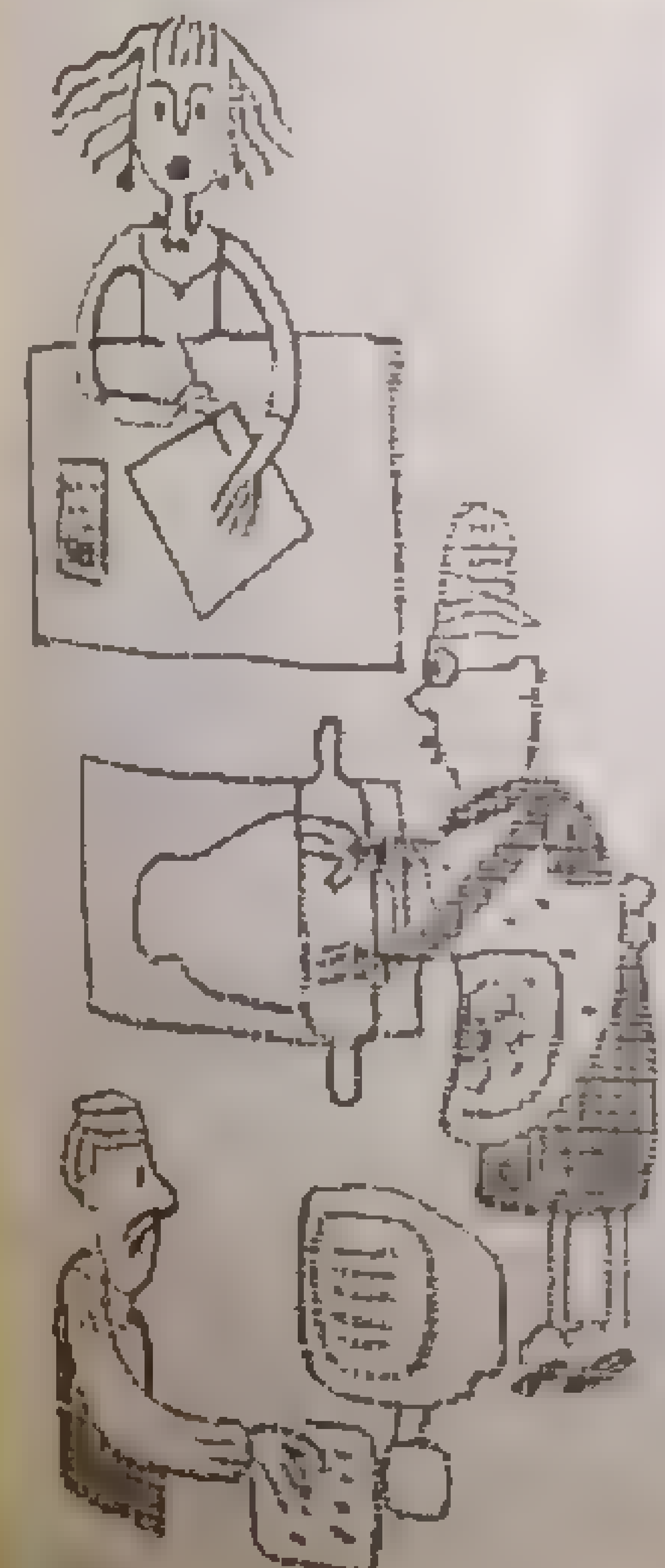
Наши клоуны неплохо устроились в своей школе. Я думаю, ребята, что вы тоже неплохо живёте у себя дома. По крайней мере, рабочее место у вас есть. Это удобный стол.

Нужно, чтобы на нём лежали ручки, карандаши, ластики, фломастеры, линейка и пластилин. И чтобы свет падал слева. Если свет будет справа, то тень от руки вам будет мешать.

Если ваши родители не устроили вам такое место, если они что-то недопонимают, спойте им песенку о рабочем месте.

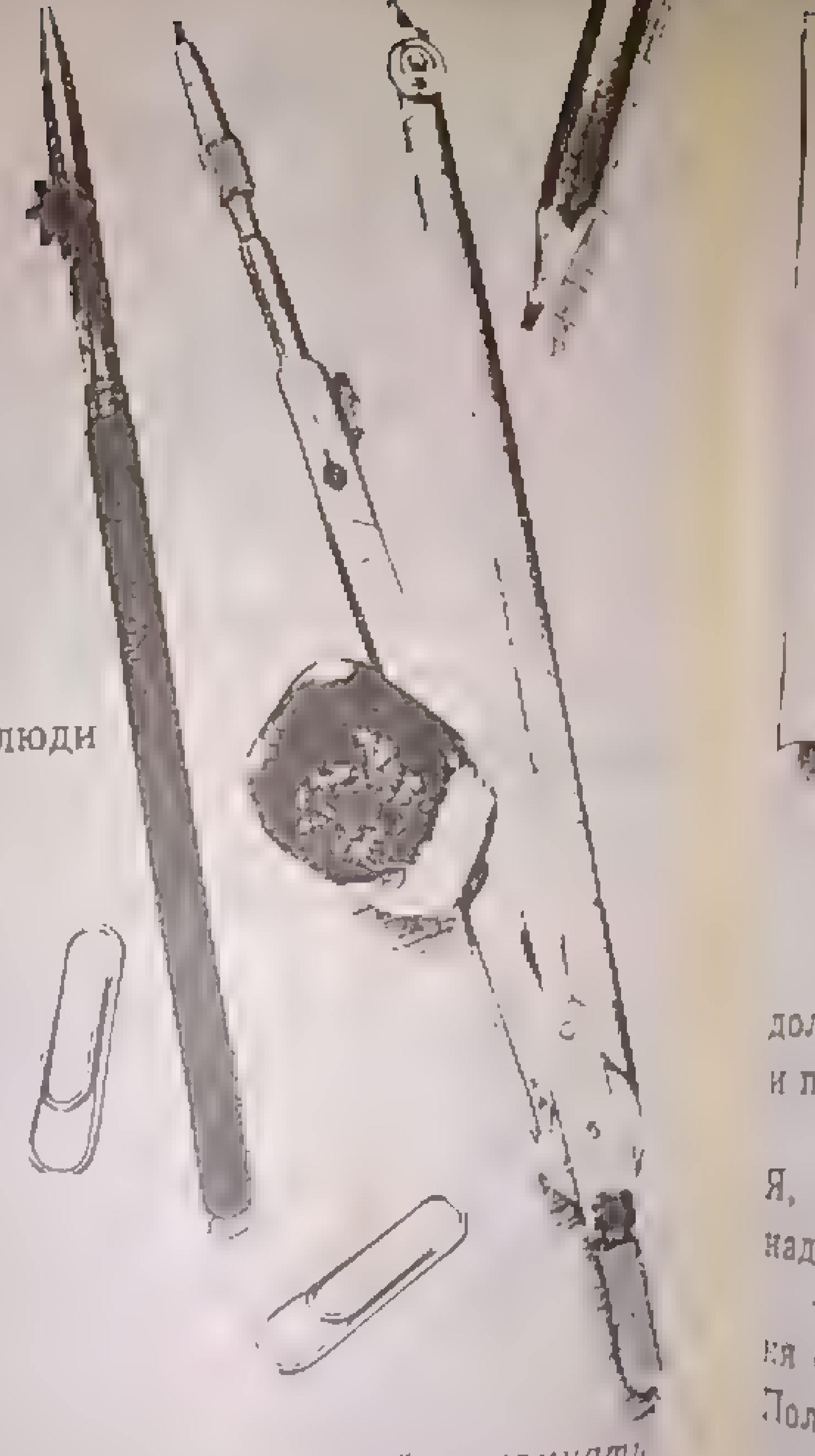
Слова мои, музыка ваша. Итак:

ПЕСЕНКА О РАБОЧЕМ МЕСТЕ

Дети-ребята, у которых
Нет своего стола для работы.
У папы и мамы,
Нам это известно,
Свой стол на работе есть
Или станок.
Так дайте и нам
Постоянное место,
Чтоб каждый освоить
Грамматику мог.
Автор Успенский, который
им сочувствует.
А я, прогресса ради,
Родителей прошу —
Дать детям по тетради
И по карандашу.
Дети-ребята,
у которых...
Пусть в нашей квартире
От мебели тесно —
Шкафы и диваны

Стоят на пути.
Но всё же ребёнку
Рабочее место
Родители срочно
Должны отвести.
Автор Успенский,
который...
А я, прогресса ради,
Родителей прошу —
Дать детям по тетради
И по карандашу.
Дети-ребята...
Учёные и просвещённые люди
Стране нашей очень
И очень важны,
Поэтому мы
Прохлаждаться не будем,
Мы грамоте срочно
Учиться должны.
Автор...
А я, прогресса ради,
И пап, и мам прошу —
Дать детям по тетради
И по карандашу.

Если песенка не подействует, нарисуйте комнату, в ней стул, стол с настольной лампой. Повесьте рисунок на щётку или на веник и ходите по квартире, выкрикивая такие лозунги:

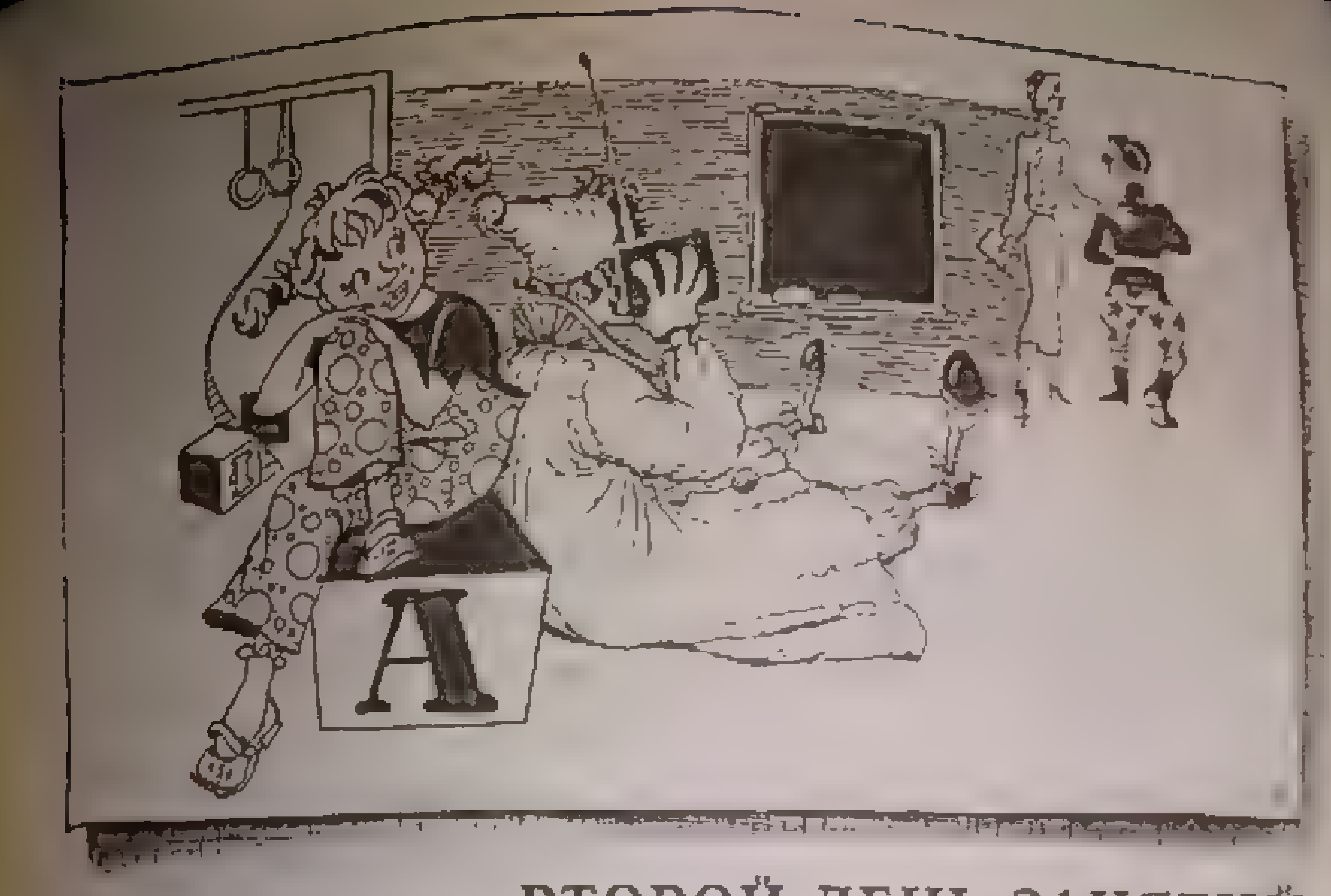
ТИЛИ-ТИЛИ ТЕСТО — ХОЧУ ИМЕТЬ РАБОЧЕЕ МЕСТО!

НЕ ХОЧУ БЫТЬ БЕЗДЕЛЬНИКОМ —
ХОЧУ БЫТЬ АКАДЕМИКОМ!
С ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ ВЫ НЕ УЗНАЕТЕ МЕНЯ!

И такой самый опасный для родителей призыв

КАЖДОМУ РЕБЁНКУ ДАЙТЕ ПО КОТЁНКУ!

Котёнка вам так сразу не дадут, а рабочее место вы наверняка получите.

ВТОРОЙ ДЕНЬ ЗАНЯТИЙ

Василиса Потаповна сказала:

— Дорогие учащиеся! Каждый культурный человек должен быть грамотным. Он просто обязан уметь читать и писать.

— И неправда! — моментально возразила Наташа. — Я, например, культурная. Не дерусь. Не плююсь, где ни надо. А писать не умею.

— И я культурный! — закричал клоун Саня. — У меня есть целых два носовых платка. Один мой. Один для Полкана. А читать я не могу.

— Но культурный человек должен знать всё! — настаивала Василиса Потаповна. — Поэтому он читает газеты!

— А я радио слушаю, — возразил скромный Ш[illegible] — И тоже всё знаю. Сколько градусов в Подмосковье. Какие события сейчас в Африке.

— А какие события сейчас в Африке? — спросила Наташа. — Айболит еще там?

— При чём тут Айболит?

— При Африке.

— А Африка при чём?

— Не знаю.

— Но мы не об Африке говорим. Значит, по-вашему выходит, что учиться необязательно? — растерялась Василиса Потаповна.

— Выходит, что так выходит.

Раздался треск мотоцикла. Это приехала Ирина Вадимовна. За ней возник Помидоров с портфелем под мышкой.

— Чем вы тут занимались?

— Нам Василиса Потаповна объясняла, что учиться совсем не обязательно! — закричала Наташа. — Можно радио слушать и всё знать.

— А если вам надо написать письмо товарищу?

— Мы ему по телефону позвоним.

— А если телефона нет?

— Мы это письмо нарисуем, — не унималась Наташа. — При помощи картинок

— Прекрасно! — сказала Ирина Вадимовна. — В таком случае мы проведём опыт. Мы с клоуном Саней уйдём в живой уголок. Он нарисует письмо. А вы будете его читать.

Клоуны обрадовались и стали ждать. А товарищ Помидоров читал газету.

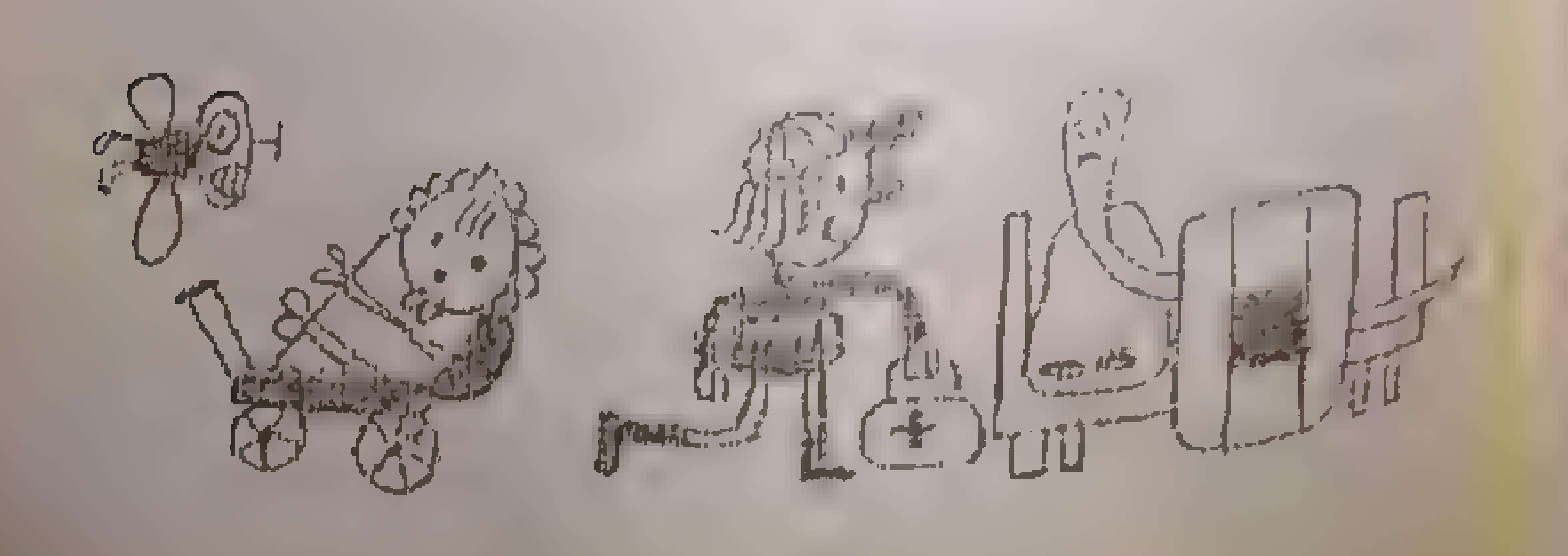
В живом уголке Ирина Вадимовна сказала Сане:

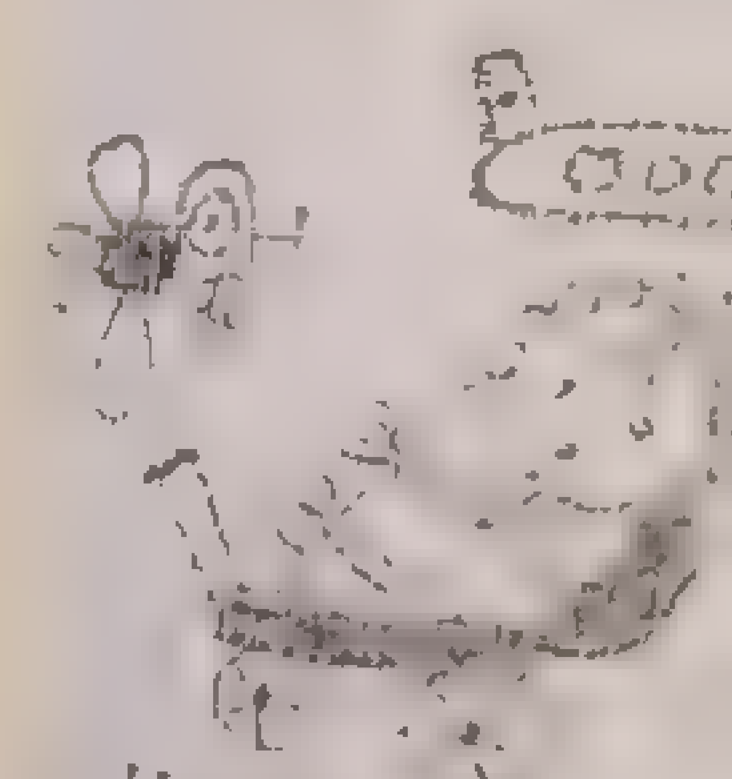
— Помнишь телеграмму, которую ты прислал нам из тайги?

— Конечно.

— Вот её и нарисуй.

Саня крепко задумался. Потом взял карандаш и нарисовал такой рисунок:

Директриса глянула и сказала:

— Что-то я не понимаю. Ведь телеграмма была такая: "Встречайте меня. Я уже вылетел. Клоун Саня из тайги и его верный Полкан". И никаких мух.

— И здесь мух нет. Это пчела. Она жужжит. Значит, надо читать Ж-Ж-Ж. А это дитя. Вместе получается: Ж-Ж-ЖДИТЯ. Дальше нарисован я.

— А ты что делаешь?

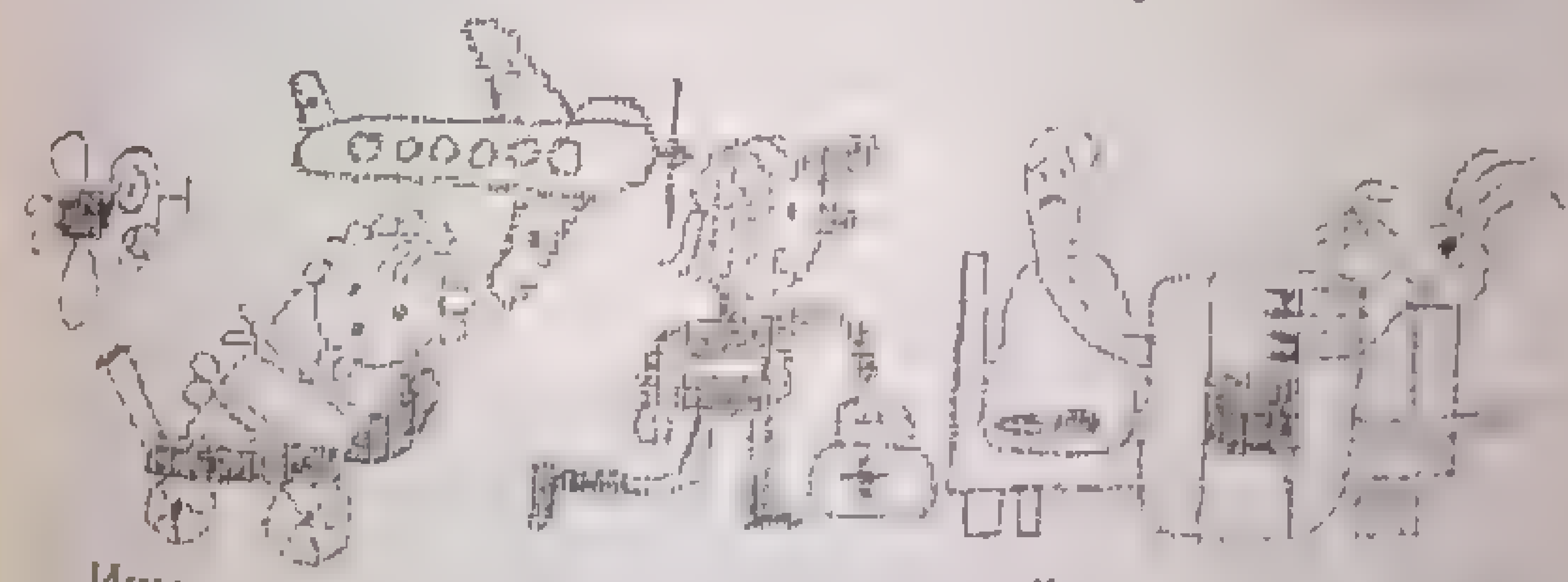
— Я ужа лечу.

— А при чём тут уж?

— А при том, что получается: Ж-Ж-Ж-ДИТЯ. Я УЖА ЛЕЧУ. То есть я уже лечу в самолёте. В смысле — вылетел.

— Что же, логично, — согласилась директриса. Только ты и самолёт нарисуй... И ещё в телеграмме про Полкана было.

Саня согласился и дорисовал, вот что у него вышло.

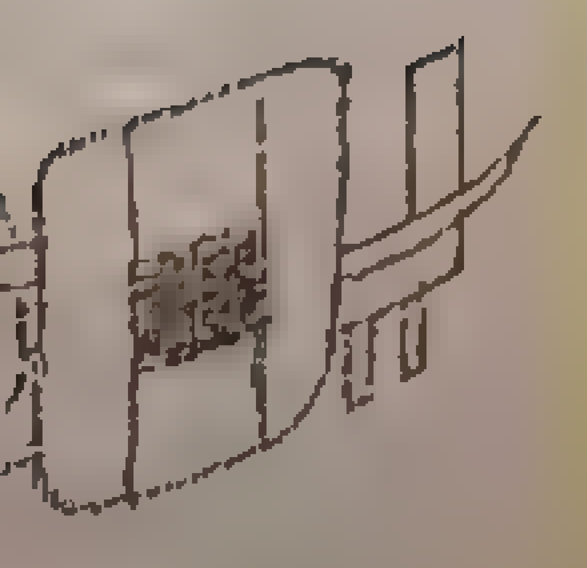
Иными словами: ЖДИТЕ САМОЛЁТ. Я УЖЕ ЛЕЧУ ВМЕСТЕ С ПОЛКАНОМ.

Потом Саня свистнул, и со двора примчался Полкан. Саня запихнул ему в рот письмо и велел отнести клоунам.

И вот Полкан вбежал в класс с посланием в зубах. Все к нему бросились. Первой, как обычно, успела Наташа. Она стала читать письмо:

— Ой, это всё очень просто. Когда Саня был маленький, его укусила муха. Так что он даже подлетел. Он долго болел и страдал. И решил, когда вырастет, он станет врачом и будет лечить зверей.

— А что? — сказала Василиса Потаповна. — Очень трогательная история. Может, всё так и было.

— Нет, — возразил Шура. — Это надо по-другому читать. Смотрите: "Полкан, уж, доктор..." Это ж стихотворение получается:

Полкан уж заболел,
Как малое дитя.
Летите все ко мне,
Он болен не шутя.

— Высокая поэзия, — сказал товарищ Помидоров. А потом добавил: — И температура высокая. Что-нибудь под сорок...

Но тут его осенило:

— Как же Полкан заболел, когда он сам сюда пришёл? Нос у него холодный, язык красный. Хвостом так и крутит. И при чём тут муха?

— Внесём поправки, — сказал поэтичный Шура. — Учтём муху.

— И хвост надо учесть, — вставила Наташа.

— И хвост учтём. Вот что будет:

Полкан уж весь здоров,
Как малое дитя,
Он мухой к нам летит,
Своим хвостом крутя.

Василиса Потаповна была поражена. Как из такого маленького письма столько поэзии вышло? И столько смысла совершенно противоположного. Только что Полкан был больной с высокой температурой, и вот "он мухой к нам летит, своим хвостом крутя". Сама Василиса Потаповна только головой крутила.

В это время в живом уголке Ирина Вадимовна беседовала с клоуном Саней.

Скоро прибежали клоуны и стали читать Сане его загадочные стихи:

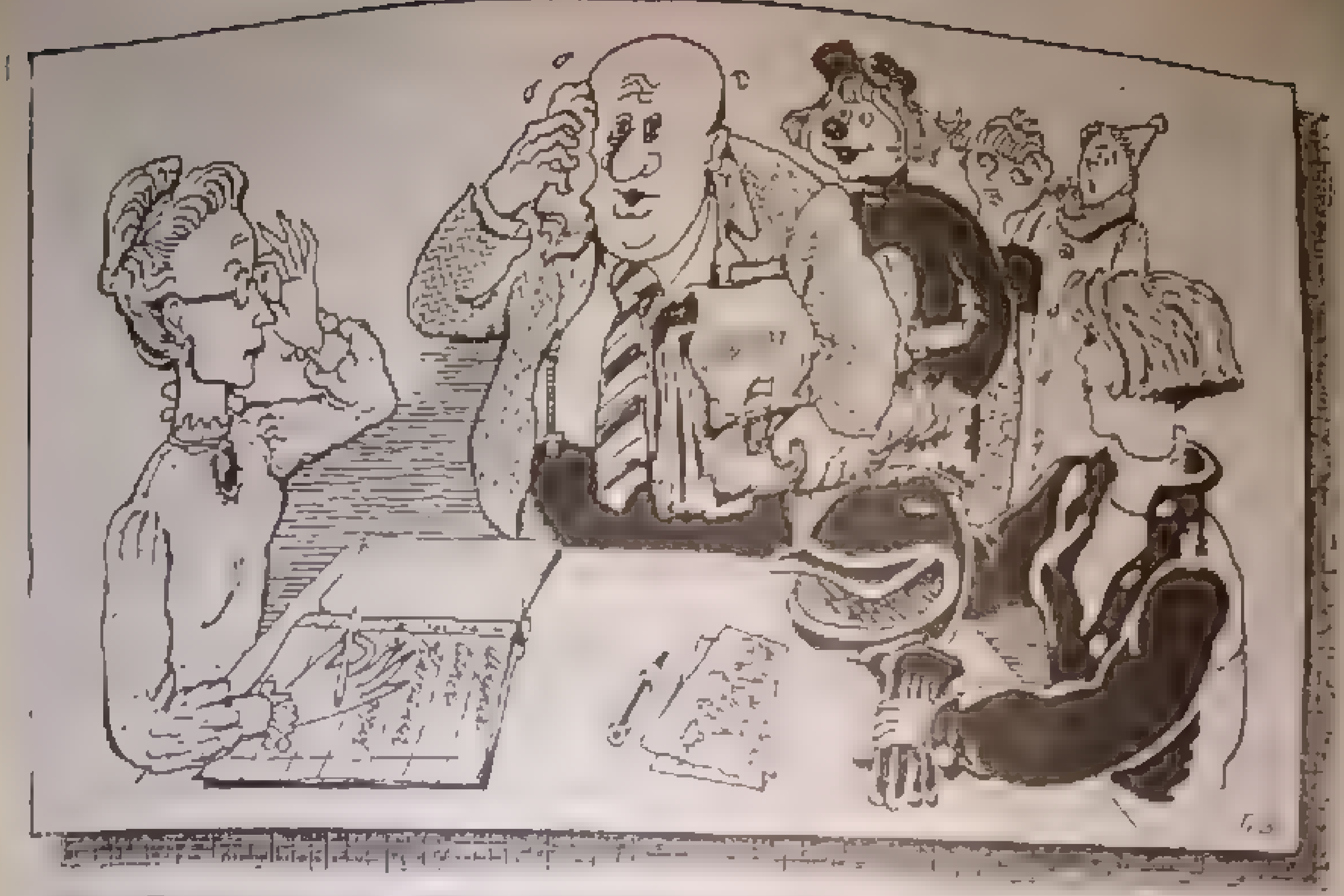
Полкан уж весь здоров,
Как малое дитя.
Он мухой к нам летит,
Своим хвостом крутя.

— Вот это да! — рассмеялась Ирина Вадимовна. — Ты им телеграмму послал, а они целую поэму сочинили!

Тогда Саня всё рассказал про своё письмо.

— Такое письм...
сказал товарищ П...
Откуда я знаю, ч...
НОК?
— Может, ещё...
на Вадимовна.
— Давайте!
— Есть такое ...
СПИЧКИ ОТ ДЕТ...
ков.
Клоуны долго с...
доровым. Потом пр...
женщина. Она стир...
много-много спичек...
— Как это пони...
Василиса Потапов...
— Это прачка, ...
и выходит: ПРА...
СПИЧКИ. Это же яс...
— А где же дети?
— А дети не нуж...
это не имеет знач...
— Хороший плака...

— Такое письмо надо посылать вместе с автором, — сказал товарищ Помидоров. — Чтобы он сам его читал. Откуда я знаю, что это ЖЖ-ДИТЯ, а не Ж-ЖЕ-РЕБЁНОК?

— Может, ещё один опыт проведём? — сказала Ирина Вадимовна.

— Давайте!

— Есть такое противопожарное правило: ПРЯЧЬТЕ СПИЧКИ ОТ ДЕТЕЙ. Напишите это при помощи рисунков.

Клоуны долго совещались в углу с товарищем Помидоровым. Потом принесли такой рисунок. В углу была женщина. Она стирала что-то в корыте. А вокруг было много-много спичек.

— Как это понимать? — спросила Ирина Вадимовна. А Василиса Потаповна только глазами хлопала из-под очков.

— Это прачка, — сказала Наташа. — Это спички. Вот и выходит: ПРАЧКА, СПИЧКИ. То есть ПРЯЧЬ-КА СПИЧКИ. Это же ясно любому.

— А где же дети?

— А дети не нужны. Прячь спички, и всё. А от кого — это не имеет значения.

— Хороший плакат, — согласилась директриса.

А старшая воспитательница была недовольна:

— Откуда я знаю, что это прачка? Может быть, это кого-нибудь купают. Например, щенка решили искупать.

— Тогда ещё лучше плакат получается! — обрадовалась Наташа.

— Какой же?

— Такой: ПОКУПАЙТЕ СПИЧКИ!

— Или: СТИРАЙТЕ ДРОВА, — засмеялась Ирина Вадимовна. — Не получается у вас с рисунками... А как быть с фамилиями? Товарищу Помидорову в паспорте надо помидор рисовать?

Клоуны опечалились. Действительно, на рисунках далеко не уедешь.

— А теперь сделаем главные выводы, — строго, но весело сказала директриса. — Люди общаются между собой при помощи разговоров, писем, телеграмм, записок и жестов... Например, щелчков.

Она сказала так и дала Сане щелчок. Потому что он засунул руку в аквариум и общался с рыбами при помощи вылавливания.

— Мы можем даже беседовать с людьми, которые уже давно умерли. И понимать их, потому что можем прочесть написанные ими книги.

— Я очень люблю старинные книги, — сказала Наташа. — Они такие огромные. Если такой книгой кого-то стукнуть, он сразу поумнеет в два раза.

— А если такой книгой не драться, а прочитать её, — воспитательно заметила старшая воспитательница, — можно поумнеть в десять раз.

А Ирина Вадимовна продолжала:

— И вся наша речь состоит из отдельных просьб, мыслей, описаний. Они передаются предложениями. Вот вам пример предложения: "Мальчик завяз в снегу".

— Пусть каждый из вас сам придумает предложение, — попросила Василиса Потаповна.

Первым придумал товарищ Помидоров:

— "Гражданин Петров пошёл в банк и там завяз".

Клоун Саня подхватил:

— "Гражданка Петрова пошла в банк и там завязла".

Наташа развила эту мысль:

— "Их дети Петя и Танюша пошли в банк и там завязли . Бедные".

А клоун Шура молчал.

— Ты чего молчишь? — спросила Ирина Вадимовна. — Придумай что-нибудь.

— А что придумывать? Все уже завязли... в этой банке.

1. Ребята, вам понравилось в Школе клоунов? Что в ней необычного?

2. Расскажите об учениках Школы клоунов, какие у них характеры.

3. Понравились ли вам уроки в Школе клоунов? Чем? Что нового для себя вы узнали на этих уроках?

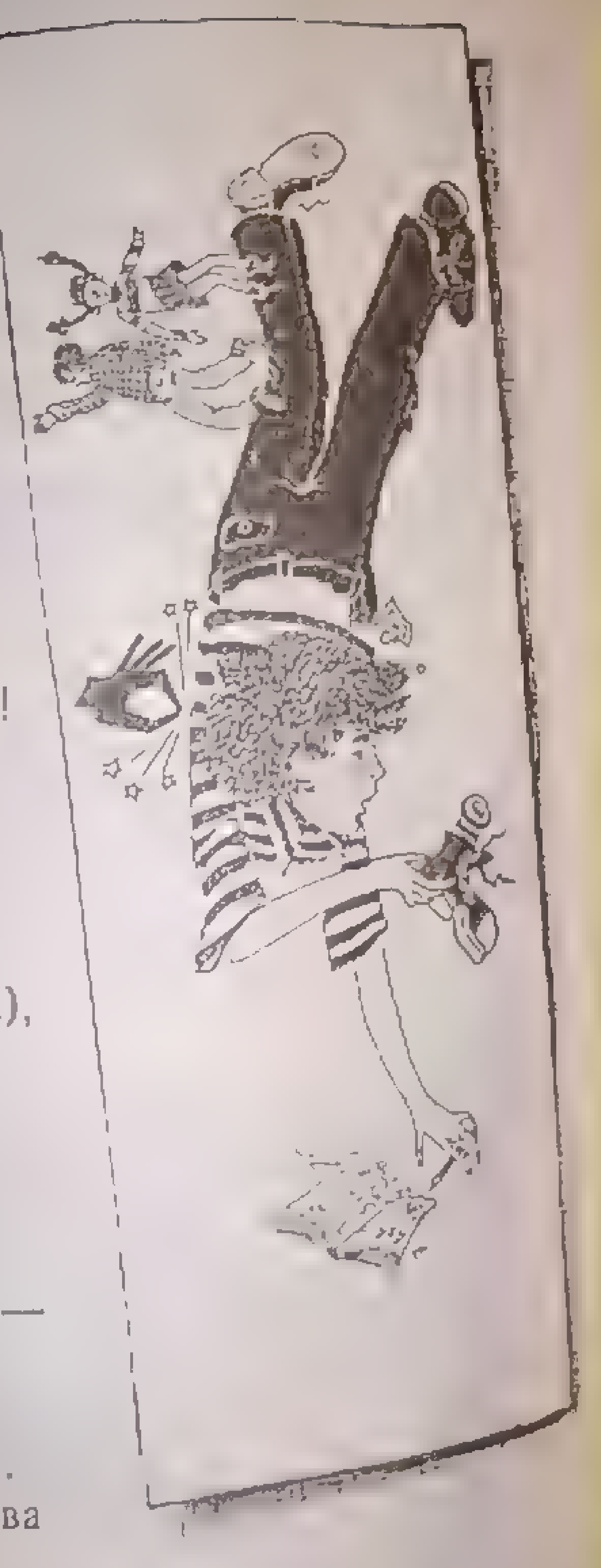
4. Пофантазируйте: вам предложили открыть свою школу. Какой она будет?

— Как жаль, что в нашей книжке только фрагмент из "Школы клоунов". Я обязательно найду её в библиотеке и прочту всю до конца! — сказала Настя.

— Конечно, — согласился папа. — А пока, чтобы ты не думала, что в школе невесело, прочитай весёлые рассказы и стихи из жизни двоечников, озорников и лентяев.

Борис ЗАХОДЕР

ПЕРЕМЕНА

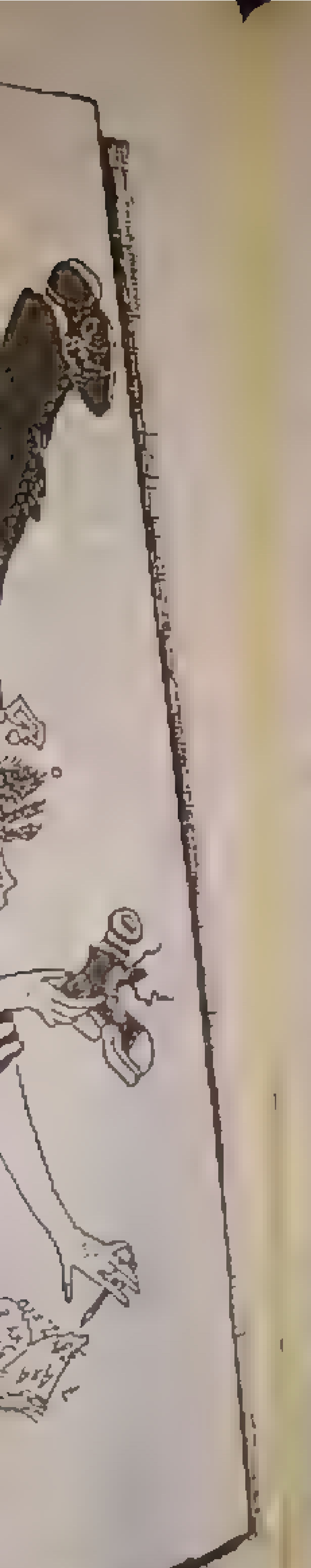
"Перемена! Перемена!" —
Заливается звонок.
Первым Вова непременно
Вылетает за порог.
Вылетает за порог —
Семерых сбивает с ног.
Неужели это Вова,
Продремавший весь урок?
Неужели этот Вова
Пять минут назад ни слова
У доски сказать не мог?
Если он, то, несомненно,
С ним бо-о-льшая перемена!
Не угонишься за Вовой!
Он гляди какой бедовый!
Он за пять минут успел
Переделать кучу дел:
Он поставил три подножки
(Ваське, Кольке и Серёжке),
Прокатился кувырком,
На перила сел верхом,
Лихо шлёпнулся с перил,
Подзатыльник получил,
С ходу дал кому-то сдачи,
Попросил списать задачи, —
Словом,
Сделал всё, что мог!
Ну а тут — опять звонок...
Вова в класс плетётся снова
Бедный! Нет лица на нём!
— Ничего, — вздыхает Вова,
На уроке отдохнём!

1. В этом стихотворении Б. Заходер "играет в слова". Подумайте, в каком значении он употребляет слово "перемена" в тексте? А в заглавии?

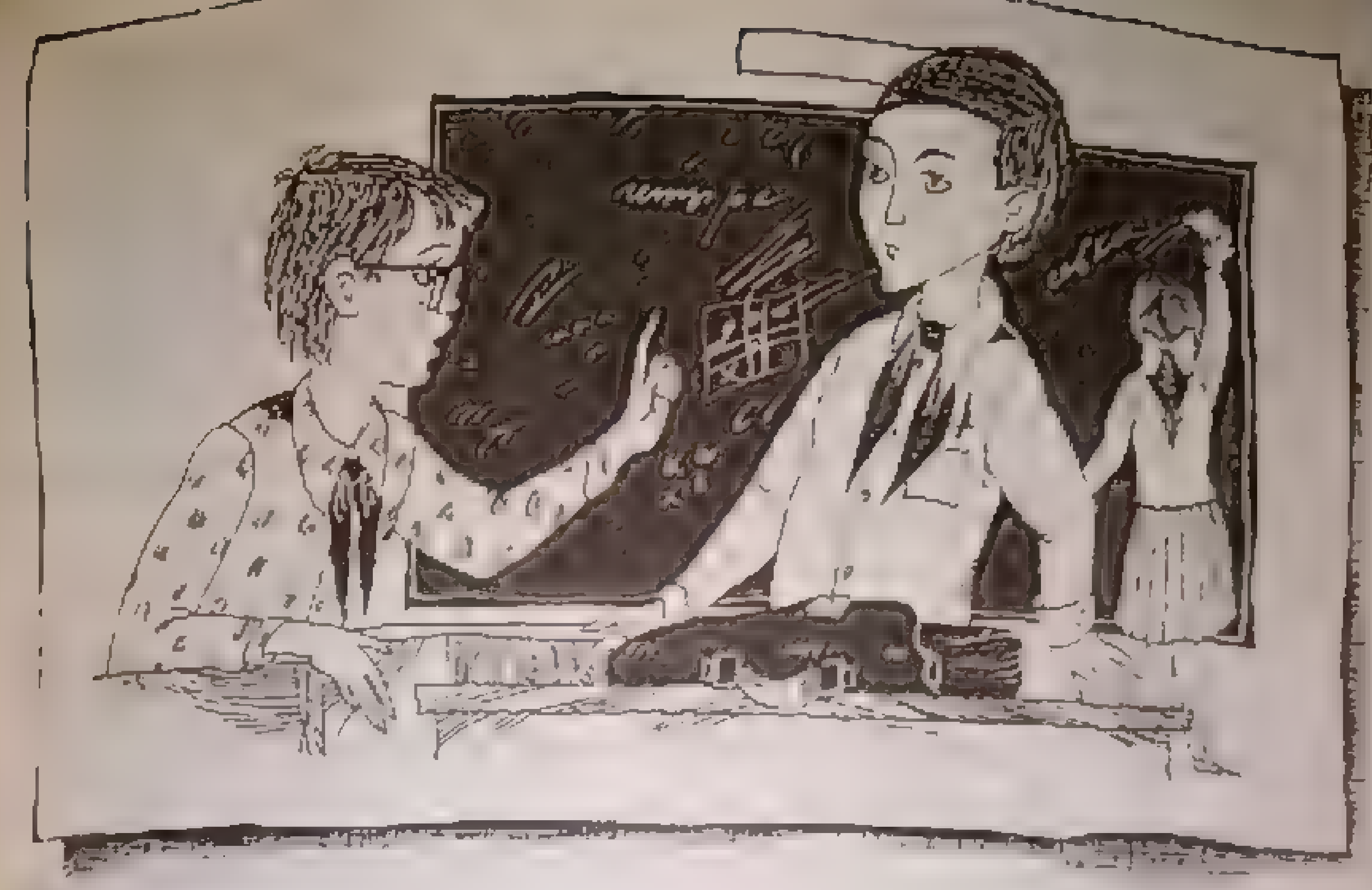
2. Ребята, как вы думаете, что произошло бы с Вовой, если бы он стал одним из учеников Школы клоунов?

В класс я приш
портфель, ка
наш председатель
и сказал:
— А знаешь, тв
ходящая.
Я хорошо знал
что будет дальше.
Он, не торопясь,
рубашку, поправил
причёсанным волоса
— Дело в том, чт
должен повлият
с ним работу
да "постановили
подружиться с н
дружиться и помоч
Я не успел ответи
Возле нас с портф

в слова". Поду-
о "перемена" в
ы с Вовой, если

Геомар КУЛИКОВ

КАК Я ВЛИЯЛ НА СЕВКУ

Глава первая

1.

В класс я пришёл первым. И только успел положить портфель, как в дверях появился Игорь Булавин, наш председатель совета отряда. Он посмотрел на меня и сказал:

— А знаешь, твоя кандидатура, пожалуй, самая подходящая.

Я хорошо знал манеру Игоря разговаривать и ждал, что будет дальше.

Он, не торопясь, положил портфель на парту, одёрнул рубашку, поправил галстук, провёл ладонью по гладко причёсанным волосам и продолжал:

— Дело в том, что у меня есть к тебе серьёзное дело. Ты должен повлиять на Всеволода Мымрикова. Мы всё время с ним работу в одном направлении вели: "слушали" да "постановили". Вот и никакого толку. Твоя задача — подружиться с ним. Не нотации и морали читать, а подружиться и помочь.

Я не успел ответить. За моей спиной кто-то хмыкнул. Возле нас с портфелем под мышкой стоял Алик Камчеев.

— У нас в школе, — сказал он, — к сведению некоторых, всегда помогали отстающим ученикам.

Алик учился с нами первый год и через каждые два слова повторял: "А у нас в школе", "А в нашей школе"...

— Слушай, — сказал Вовка. — Взялся бы ты за это дело, а? Показал, как у вас в школе помогают отстающим, а?

— И показал бы. Если бы мне поручили.

— Ладно, — сказал я, — торжественное заседание объявляю закрытым!

2,

На уроке я стал смотреть на Севку.

Это оказалось довольно занятно — наблюдать за человеком, когда сам он этого не замечает. А особенно за таким, как Севка.

Севка ел конфеты. Разворачивал под партой, саму конфету отправлял в рот, а бумажку скатывал в комочек и, положив на ладонь, щелчком посылал в класс.

Сначала Севка конфеты сосал. Потом это ему, как видно, надоело, и он стал их грызть. Когда Лидия Сергеевна, учительница русского языка, оглядывалась на подозрительный звук, Севка делал такую физиономию, что каждый видел: если и есть в классе ученик, который самым внимательнейшим образом слушает преподавателя, то этот ученик и есть он, Всеволод Мымриков.

Скоро конфеты у Севки кончились. Он подпёр кулаками подбородок и, как мне показалось, заскучал. Но не такой он был человек, чтобы скучать долго. Что он такого сделал, не знаю, только минуту спустя Томка Новожилова, сидевшая перед Севкой, жалобно воскликнула:

— Лидия Сергеевна, а Мымриков опять...

— Опять, Мымриков? — обернулась Лидия Сергеевна.

— Я?! — Севка даже руками развёл от негодования. — Да провалиться мне на месте... Да...

Севка ещё долго бил себя в грудь, а потом, когда Лидия Сергеевна сердито на него прикрикнула, сделал обиженное лицо и принялся вздыхать. Сперва тихо. Потом всё громче и громче. Пока, наконец, Лидия Сергеевна опять не прервала урок.

И так до самого звонка.

До конца уроков я ломал голову: как подступиться к Севке?

Браться за это дело мне отчаянно не хотелось. Но я хорошо знал нашего председателя. Уж что западёт в его гладко причёсанную голову — сидит крепко.

Я понимал: голыми руками Севку не возьмёшь. Нужен какой-то особый подход. Но сколько ни примерялся, ничего путного не получалось. И уже на последнем уроке, когда решил, что ничего толкового так и не придумаю, меня осенила блестящая идея.

Едва прозвенел звонок, я подошёл к Севке.

— Слушай, Мымриков, мне дали поручение подтянуть тебя.

Севка со вкусом зевнул.

— Раз дали — выполняй. Кто ж тебе мешает? Только учти, — Севка сделал многозначительную паузу, — на меня не рассчитывай. А то знаю, тебе дали поручение, а я — отдувайся: сиди и решай всякие там дурацкие задачки...

— Положим, задачки тебе теперь не придётся решать совсем.

— Как это? — не понял Севка.

— Будешь у меня списывать.

Я лениво, совсем как только что Севка, зевнул.

— Сочиняешь, — сказал Севка.

— Не веришь? У меня самого дел — во! — я ребром ладони провёл по горлу. — И возиться мне со всяким...

— Но, но! Поаккуратней... — обиделся Севка.

— Словом, приходи завтра перед школой и списывай на здоровье.

— О-го-го! — Севка подкинул портфель. — Оказывается, и среди отличников есть ничего ребята. Вот никогда не думал!

— Так договорились? — переспросил я для верности.

— Ага! — крикнул на ходу Севка. — Обязательно приду!

Я и вправду не собирался обманывать Севку. У меня был другой план. Я решил поймать Севку, как ловят мышей. На приманку.

Главное — пусть только придёт ко мне.

А потом сам будет делать уроки. Как миленький!

Глава вторая

Приглашая Севку, я совсем забыл про своих домашних. Даже не забыл. Просто не подумал, какое впечатление произведёт на них Севка.

Дело в том, что я был, как любят выражаться взрослые, единственным ребёнком в семье. Многие, может, не знают, что это такое. Пожалуйста! Могу рассказать.

Собрался, например, человек погулять. Оделся. Можно идти? Ничего подобного.

— Котик, надень галоши!

И хотя все мальчишки во дворе бегают без галош, спорить бесполезно.

Надеваешь галоши и берёшься за ручку двери, чтобы поскорее улизнуть, не тут-то было.

— Котик, опусти уши!

Острить насчёт того, что ты не лошадь и ушами двигать не можешь, — смысла нет. До родителей такие остроты не доходят.

Развязываешь тесёмки на шапке — и опять к двери.

— Котик, неужели ты хочешь идти без шарфа?!

И это таким голосом, словно ты в середине зимы собрался маршировать по улице в одних трусиках.

— Господи, ну кто так завязывает шарф? Дай я тебе помогу!

И когда, наконец, вырвешься из дома, тебя догоняет бабушка и кричит на весь двор:

— Котик, разве так можно? Ты забыл носовой платок!

Ребята вокруг покатываются со смеху — спектакль! А ты готов превратиться в какую-нибудь там невидимую молекулу.

И так во всём.

Родителям кажется, что у тебя очень плохой аппетит. Что ты вот-вот заболеешь какой-нибудь опасной болезнью. А стоит задержаться на улице вечером дольше по

ложенной тебе половины десятого — в доме паника. Все уверены, с тобой что-то стряслось.

Но больше всего родители боятся, чтобы ты не попал в плохую компанию. Это для них страшнее всякой свинки и скарлатины. И каждого твоего нового товарища они разглядывают и расспрашивают так, будто он может оказаться взломщиком несгораемых касс, а может, кем-нибудь и похуже.

Севку нечего было рассматривать и расспрашивать. Что он за птица, было видно сразу, невооружённым глазом. Незнакомые девчонки обходили его за три километра.

Словом, я решил: показывать моим домашним Севку нельзя. По крайней мере первое время. Пока не скажется на нём моё благотворное влияние.

2

Рано утром я сел за уроки.

Я очень старался. Выводил буквы и цифры так, точно их сейчас будет смотреть не Севка Мымриков — первый шалопай и последний ученик в нашем классе, а какой-нибудь очень важный и серьёзный человек.

К одиннадцати часам у меня всё было готово. Я аккуратно разложил на столе учебники и тетрадки и стал ждать Севку.

Севка не шёл.

Я совсем потерял терпение, когда в передней раздался длинный звонок. Я вдохнул воздух, точно собирался нырнуть в ледяную воду, и рванулся к двери.

Открыл и не поверил глазам.

Передо мной стоял Севка. Собственной персоной.

Но в каком виде! Пальто застёгнуто на все пуговицы. Шапка сидит ровно и аккуратно. Севка посмотрел на меня серьёзно и даже строго, спросил:

— Можно?

— Конечно! — сказал я.

Севка вытер ноги об резиновый половичок и протянул мне твёрдую, холодную с улицы ладошку.

— Здравствуй, Горохов. Не ожидал так рано? У меня, как в аптеке: сказано — сделано.

— Да ты проходи! — засуетился я. — Раздевайся!

Минуту назад я готов был разорвать Севку на мелкие клочья. А сейчас от радости — всё-таки пришёл! — мне хотелось пуститься в пляс.

— Предки дома? — понизив голос, спросил Севка.

— Кто?

— Ну родители?

— Нет, — сказал я. — Ни души. Папа с мамой — на работе. Бабушка — в гостях.

— Чего же сразу не сказал?! Я-то стараюсь: "Здравствуйте!", "Пожалуйста"...

Севка кинул пальто на стул, шапку на тумбочку перед зеркалом и отбил звонкую чечётку, подпевая себе:

— Тара-там-там... Тара-там-там...

— Сюда, — показал я и толкнул дверь.

— Книг-то сколько! — удивился Севка.

— Здесь по вечерам папа работает. А днём я занимаюсь.

— Красота!

Севка попрыгал в кресле перед письменным столом.

— Факт, тут одни пятёрки будешь получать...

Я обрадовался. Очень. Я всё придумывал, как бы начать разговор насчёт отметок. А тут Севка завёл его сам.

— Чего проще, — сказал я. — Приходи каждый день, и будем вместе готовить уроки. По-настоящему!

Севка вздохнул:

— Не получится.

— Почему?

— Неусидчивый я. Так все говорят. И учителя.

— А ты бы попробовал, — предложил я.

— Уже пробовал.

— Долго?

— А ты думал! Почти целую неделю.

— Разве это много? Надо побольше. Месяц. Два.

— Интересные люди, — сказал Севка. — Как я могу заниматься месяц, когда и неделю не получилось?

— Понимаешь, — сказал я. — Всё дело в привычке. Я вот привык, и мне хоть бы что. Никакой трагедии, вроде само собой идёт. Ты вот каждый день зубы чистишь?

— Я? — Севка засмеялся.

— Ладно. Умываешься...

Севка неопределённо хмыкнул.

— Ну хорошо. Ешь-то ты каждый день.

— Скажешь тоже, — Севка опять засмеялся. — Есть-то мне хочется, а уроки делать — нет.

Севка подозрительно посмотрел на меня.

— Ты что, агитировать позвал?

— Нет, — сказал я. — Мне что? Списывай на здоровье. Мне плевать. — Я придвинул Севке свои тетрадки

Глава третья

1.

Анна Ивановна, наша классная руководительница и учительница по арифметике, отметила, кого нет в классе, и спросила, как всегда:

— Кто сегодня не выполнил домашнего задания?

Никто не ответил.

— Выходит, сегодня все аккуратные и прилежные? Надо так понимать, Мымриков тоже решил задачку и примеры?

Севка вскочил.

— А что Мымриков? Чуть чего: Мымриков, Мымриков... Разве Мымриков не человек?

— Сделал?

Анна Ивановна подошла к Севке и полистала его тетрадь.

— Правильно. А сам?

В жизни я не видел более обиженного человека. Севка прямо-таки задохнулся от негодования. Пока он силился что-то выговорить, поднял руку Игорь Булавин.

— Слушаю тебя, — разрешила Анна Ивановна.

— Мы прикрепили к Мымрикову сильного ученика Горохова.

— Тогда понятно. Хорошо. Очень хорошо.

Анна Ивановна села за стол.

— Проверим домашние задания. И пусть нам задачу объяснит...

Анна Ивановна обвела взглядом класс, а у меня противно засосало под ложечкой.

— ... положим, тот же Мымриков.

"Теперь крышка, — подумал я. — Гроб с музыкой".

Севка взял тетрадку и пошёл к доске.

— Тетрадь оставь, пожалуйста, мне, — сказала Анна Ивановна.

Севка написал условие задачи.

— А дальше? — спросила Анна Ивановна.

— Думаю, — сказал Севка. — Вспоминаю.

— Ну-ну, — Анна Ивановна отошла к окну. — Я тебя не тороплю.

Севка посмотрел на меня.

Я раньше никогда не подсказывал. А тут мои губы зашептали сами собой решение задачки.

Севка быстро застучал мелом по доске. Но Анна Ивановна услышала мой шёпот.

— Тихо, тихо. Похвально, что Горохов переживает за своего подшефного. Но делать это надо про себя.

— Конечно, — сказал Севка. Чего подсказывать, когда всё готово?

Объяснял Севка решение не очень-то гладко. Но обычно он попросту стоял столбом. Поэтому Анна Ивановна похвалила:

— Молодец. Ставлю тебе...

Все вытянули шеи.

— ... ставлю тебе "четыре". Это многовато. Но надеюсь, ты оправдаешь доверие.

— Факт, оправдаю! — сказал Севка.

— И молодец Горохов. Очень похвально помочь товарищу.

Я готов был провалиться сквозь землю.

...Когда после первой перемены я вошёл в класс, на стене висела "молния".

Ноги у меня перестали слушаться. Точно к ним привязали двухпудовые гири.

Я прочитал: "Внимание! Внимание!!! Горохов Константин взял шефство над отстающим товарищем Мымриковым Всеволодом. Результат уже есть! Мымриков В. получил сегодня по арифметике отметку "четыре"! Берите пример с Горохова К.!!! Помогайте товарищам!"

В класс вошла Лидия Сергеевна, учительница русского языка, и строго спросила:

— Что за митинг?

Все, кто стоял возле "молнии", разбежались по своим местам.

Лидия Сергеевна прочитала "молнию" и сказала:

— Ах, вот оно что. А как у нас, Мымриков, с домашними заданиями по русскому языку?

— Хорошо, — сказал Севка. — А как же ещё? Что ж я одну арифметику буду учить? Я такой: не учить, так всё. А учить, так тоже всё подряд!

Лидия Сергеевна посмотрела Севкину тетрадку.

— Прямо на тебя не похоже. Ни одной ошибки. А может быть...

Лидия Сергеевна, видимо, хотела, как и Анна Ивановна, спросить, сам ли Севка готовил уроки, но посмотрела в мою сторону.

— Впрочем, тут, кажется, это исключено, — и сказала: — Будь добр, расскажи правило, по которому выполнил это упражнение.

Севка скорчил страдальческую физиономию и заныл:

— Лидь Сергеевна... Что же получается?.. Стоит человеку один раз выучить, как его на каждом уроке будут спрашивать? Что ж я, железный?

Весь класс вступился за Севку:

— Лидия Сергеевна...

Лидия Сергеевна засмеялась:

— Пусть будет по-вашему. Сегодня не спрошу. А за домашнее задание я тебе, Мымриков, ставлю четвёрку. Твёрдую.

Севка просиял. Весь класс захлопал в ладоши.

3.

После уроков Анна Ивановна объявила:

— Завтра — экскурсия в зоопарк. Сбор к десяти часам возле школы.

Я вспомнил: завтра воскресенье. И обрадовался. Значит, хоть один день не увижу Севку.

Я первым выскочил из класса. Первым попал в раздевалку. Первым выбежал из школы.

Папа и мама были уже дома.

— Нуте-с, начинающий Песталоцци, как дела? — сказал папа.

— Ничего, — ответил я. — Потихоньку.

— Иди мой руки, — сказала мама. — Обед стынет.

По дороге в ванную я завернул в кабинет посмотреть, кто был этот самый Песталоцци и что хотел папа: похвалить меня или обругать.

Я достал том энциклопедического словаря на букву "П" и прочитал:

"Песталоцци Иоганн Генрих, выдающийся швейцарский педагог..."

Я захлопнул словарь и плюхнулся в кресло.

Ну конечно, бабушка успела рассказать про Севку!

Я сидел долго.

Потом вышел в переднюю.

В комнате разговаривали взрослые.

— Всё это очень хорошо, прекрасно, — говорила мама. — Но у ребёнка и без того большая нагрузка. И так он целыми днями не видит воздуха, сидит над книжками А как он выглядит? Худущий, кожа да кости..

— Ничего, ничего, — успокаивал папа. — Это полезно.

— Ещё бы, — сказала мама. — Прикрепили няньку. Ни о чём самому думать не надо...

— Да не тому полезно, — сказал папа. — То есть, надеюсь, и ему пойдёт на пользу. Но сейчас я о Константине. Нельзя всё время держать парня в тепличных условиях. И нельзя, чтобы он рос эгоистом, думал только о себе...

— Котик растёт эгоистом?!

Я вошёл в комнату. Папа и мама замолчали. Они всегда перестают говорить обо мне, когда я вхожу. Говорить при детях о детях непедагогично. Это я уже знаю. Потом папа спросил:

— Как зовут твоего подопечного?

— Севка, — сказал я, — Севка Мымриков

— Плохо учится?

— Неважно, — вздохнул я.

— Лодырь, что ли?

— Неусидчивый он.

— Ну-ну, — сказал папа. — Смотри не осрамись.

— Постараюсь, — сказал я.

— И приглашай к нам. Пусть приходит.

— Ладно, — пообещал я.

1.

Утром я подумал: кто такой Севка, чтобы я из-за него пропускал экскурсию?

Мне нравилось в зоопарке. Я любил смотреть на медлительного, степенного слона, ленивого бегемота, весёлых попрошаек мишек.

Только чуточку было жалко зверей. Казалось, они никак не могут забыть всякие там свои джунгли и пустыни. И оттого у слона такие печальные глаза, а тигры часто мечутся по клетке и кричат что-то сердито и жалобно на своём тигрином языке.

Я быстро оделся, ещё быстрее позавтракал и побежал к школе.

Честно говоря, я надеялся, что Севка на экскурсию не придёт. Не было ещё такого случая, чтобы Севка приходил на экскурсии.

И правда, возле школы весь класс был в сборе. Не хватало двоих: меня и Севки. Я пришёл. А Севку ждать не стали.

— Мымриков в своём репертуаре, — сказала Любовь Дмитриевна, наша учительница по ботанике. — Пойдёмте, ребята.

Вдруг земля вырвалась у меня из-под ног. Я полетел в сугроб.

Вскочил — передо мной Севка. Рот — до ушей, и орёт во всю глотку:

— Здорово, Горох! Чуть не опоздал. Как приёмчик? Сила! Хочешь, научу?!

Можно было, конечно, обозвать Севку дураком. Полезть на него с кулаками. А что толку?

— Ладно, — сказал я Севке, — научи.

Любовь Дмитриевна укоризненно покачала головой.

— Ты даже с товарищем, Мымриков, нормально не можешь поздороваться. Обязательно с грубыми шутками.

Возле входа в зоопарк меня отозвал в сторону Игорь Булавин.

— Учти, Мымриков на твоей ответственности. Тут дикие звери. А ты Севку знаешь!

У Севки на животный мир была своя точка зрения. Всяких мелких безобидных зверушек и птах он презирал.

Севке нравились звери свирепые и хищные: львы, тигры, пантеры. С уважением остановился он перед пеликаном.

— Вот это клювик... Как-а-ак долбанёт — не обрадуешься!

Сперва Севке очень понравился бегемот. А когда бегемот зевнул, открыв огромную розовую пасть, Севка пришёл в восторг.

— Гляди! — кричал он мне. — Вот это ротик! Вот это я понимаю! Попадись такому, он и жевать не будет. Захлопнет свой чемодан, только тебя и видели! Любовь Дмитриевна, — спросил он учительницу, — а он крокодила живого может проглотить? Он ими, наверное, питается, да?

— Бегемоты, — сказала Любовь Дмитриевна, — питаются растительной пищей: сочными травами, корневищами водяных и болотных растений, ветками. Должен бы знать, Мымриков. Мы об этом говорили на уроках.

— Он? Травой?!

Севка с сожалением посмотрел на бегемота.

— Здоровенный, а ест всякую ерунду. С такой пастью я б на его месте крокодилов, кабанов — и ещё чего там водится, — как мух, глотал. Не глядя.

— Не сомневаюсь, Мымриков, — сказала Любовь Дмитриевна, и все засмеялись.

Скоро звери, большие и маленькие, надоели Севке. Он стал крутить головой по сторонам и увидел лоток с мороженым. Потом ещё покрутил головой и потащил меня к клетке с фламинго, длинношеими голенастыми птицами.

— Гляди: на одной ноге стоит. Спорим на мороженое, я дольше простою.

Я знал, Севка был мастер спорить. И не просто так, а обязательно на что-нибудь.

Поэтому я сказал Севке:

— Ладно, и так верю.

— А может, поспорим? — спросил Севка.

— Чего спорить, когда я тебе и так верю. Пошли дальше.

Но сбить Севку было непросто. Он задумчиво потёр подбородок и изобразил на физиономии крайнюю степень неуверенности.

— А может, и не простою дольше? Надо попробовать!

Севка проворно, не хуже фламинго, поджал левую ногу.

Птица, которую взялся перестоять Севка, от стояния на одной ноге никакого неудобства не испытывала, а Севка уже через минуту опустил ногу.

— Не могу больше! А ты ещё не хотел спорить!

Мне показалось, что Севка хитрил и что он мог бы ещё стоять долго, но я промолчал.

Мы шли мимо клеток с другими зверями и птицами, а Севка всё сокрушался:

— Подумать только, ещё б немного — и проиграл! Кто ж знал, что она на одной ноге столько стоять может? Ну да ладно, попадись мне другая такая птица, ещё посмотрим, кто — кого!

В окошке служебного помещения я увидел птицу, как две капли воды похожую на ту, с которой Севка только

что соревновался. Я хотел отвлечь внимание Севки. Но было поздно.

— Ага! — закричал Севка. — Попалась! — И тут же спохватился: — Конечно, не совсем попалась. Я, конечно, могу потерпеть сокрушительное поражение. А что? Вполне возможно! Но мы сейчас потягаемся. Вот! — Севка протянул мне руку. — Спорим на мороженое, перестою её на одной ноге. Учти, запросто могу и проиграть. Она, может, с пелёнок на одной ноге привыкла стоять, а у меня опыта нет. Но так и быть, спорим.

— Чего спорить. Я ж тебе сказал: и так верю.

— Ладно, ставлю два мороженых против одного.

Я покачал головой.

— Три! — предложил Севка.

— Нет, — сказал я.

— Пять.

Когда Севка дошёл до ста штук, мне стало смешно.

— Послушай, — сказал я, — мама мне дала денег. Как раз на два мороженых хватит. Давай купим и пойдём дальше, не то мы возле этой птицы целый час торчать будем.

— Ну уж нет. Спорить — пожалуйста, а так с какой стати ты меня мороженым будешь кормить?

Мне эта канитель надоела, и я махнул рукой:

— Делай как хочешь...

— Итак, — торжественно возгласил Севка, — если выигрываю я, ты мне покупаешь одно мороженое, если выигрываешь ты, я тебе покупаю сто! Так?

— Так, — согласился я. — Не тяни. Начинай своё единоборство, да пойдём дальше. Мне на эту птицу уже смотреть противно.

— Внимание! — прокомандовал себе Севка. — На старт! Марш! — и поджал одну ногу.

3.

Я присел рядом на скамейку и стал ждать, когда птице за окном надоест стоять на одной ноге и Севка заработает своё мороженое.

Однако время шло, а птица и не думала менять позы.

— Ишь ты, — пробормотал Севка, — стоит и глазом не моргнёт. И не шелохнётся...

А ещё через некоторое время Севка стал потихоньку кряхтеть. И не так, как первый раз, для виду, а по-настоящему.

Не знаю, что было бы дальше и чем бы это всё кончилось, но тут к нам подошла женщина с совком и метлой в руках.

— Не иначе, на космонавта готовится, — кивнула она в сторону Севки.

— Нет, — ответил я, — он просто... ну для собственного удовольствия. А разве на космонавта так тренируются?

— Всяко тренируются, — сказала женщина. — Тут один шустрый мальчишка даже на голове стоял. Привыкаю, говорит, видеть животный мир вверх ногами. Готовлюсь к состоянию невесомости.

Я ещё хотел поговорить насчёт удивительной подготовки к космическим полётам, но меня перебил Севка. Он стоял теперь скособочившись, красный, точно перезрелый помидор, и тяжело дышал.

— Скажите, тётенька, — не своим голосом прохрипел Севка, — а вот та птица за окном долго так стоять будет?

— Года два, почитай, стоит, — сказала женщина. — А сколько ещё будет, кто ж знает?

— Д-два г-года на одной н-ноге?!

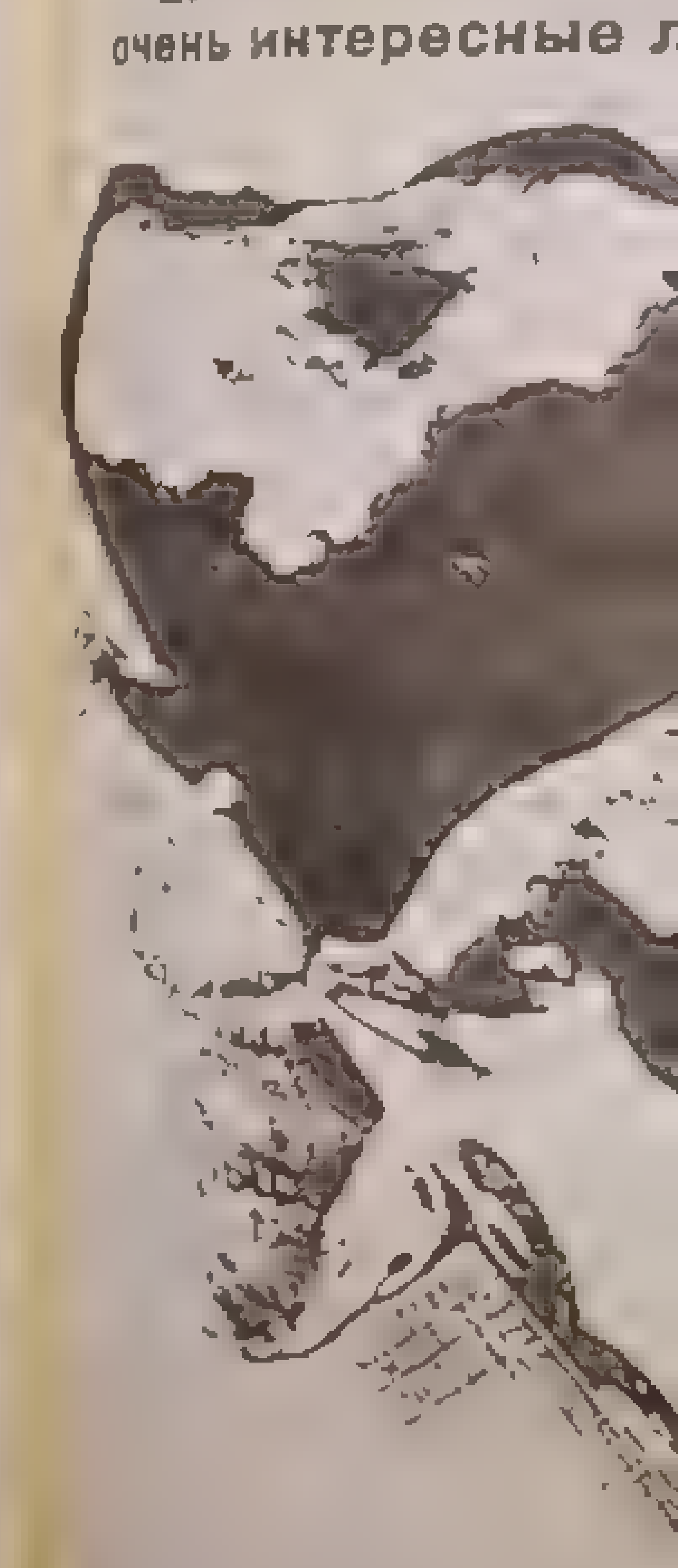
— Она и десять простоит, — сказала женщина. — Известно, чучело. Как сделают, так и стоит.

— Ч-чучело?!

Женщина ушла, а Севка всё глядел в окно, где за стеклом стояло удивительно, ну просто на редкость хорошо сделанное чучело фламинго, длинношеей, голенастой птицы.

— Теперь, как мне кажется, — сказал я Севке, — ты можешь встать на обе ноги.

По дороге на новую территорию Севка ворчал:

— Безобразие! Раз зоопарк — значит, живые должны быть. А то наставили на каждом шагу чучела, а посетители отдувайся...

На всех неподвижных зверей и птиц Севка косился недоверчиво.

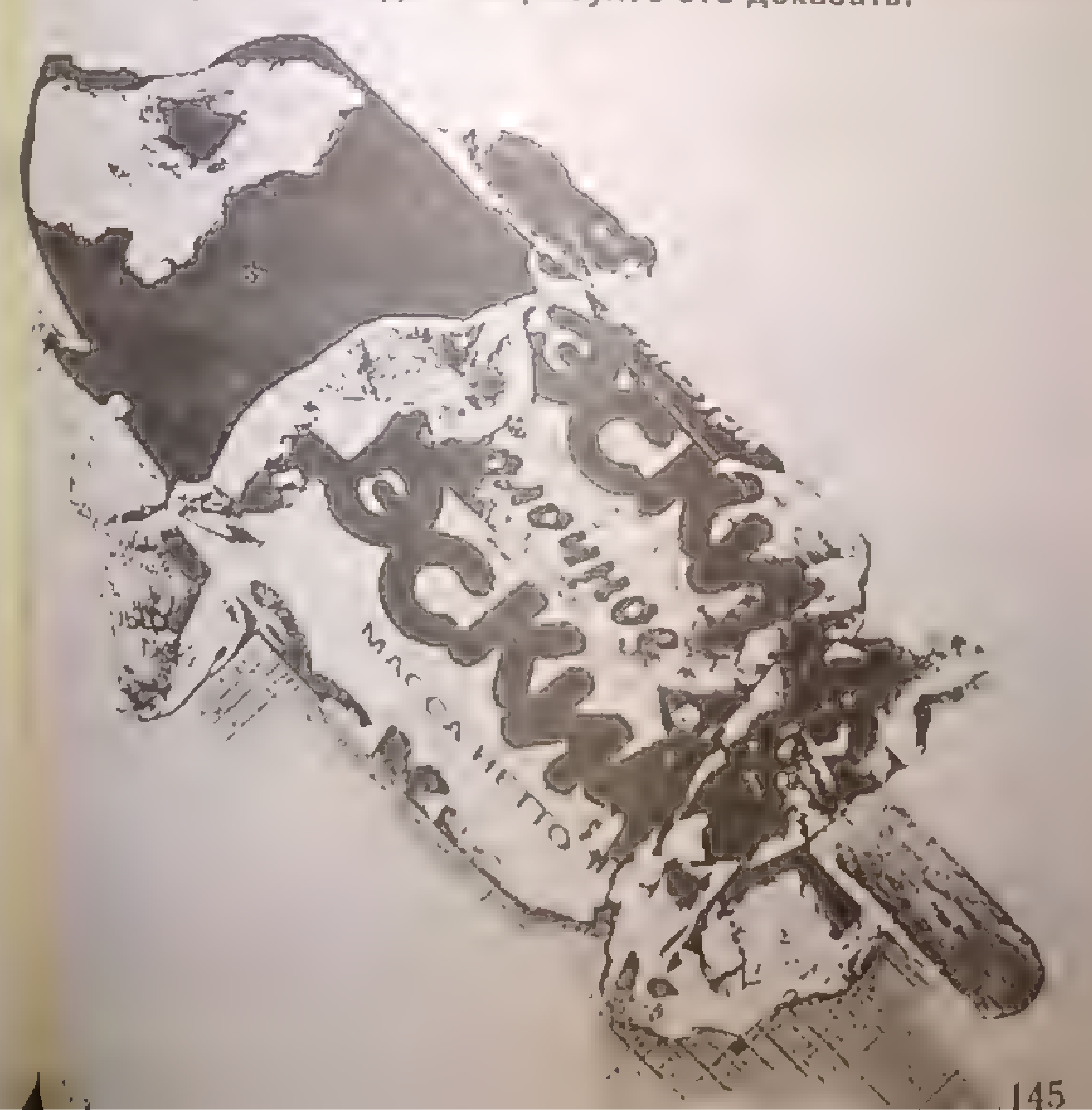
...Ночью мне снилась какая-то галиматья: не то звери, не то птицы.

А под конец приснился верблюд. Он вытянул шею и спросил:

— Нуте-с, начинающий Песталоцци, как дела? — и захохотал Севкиным голосом.

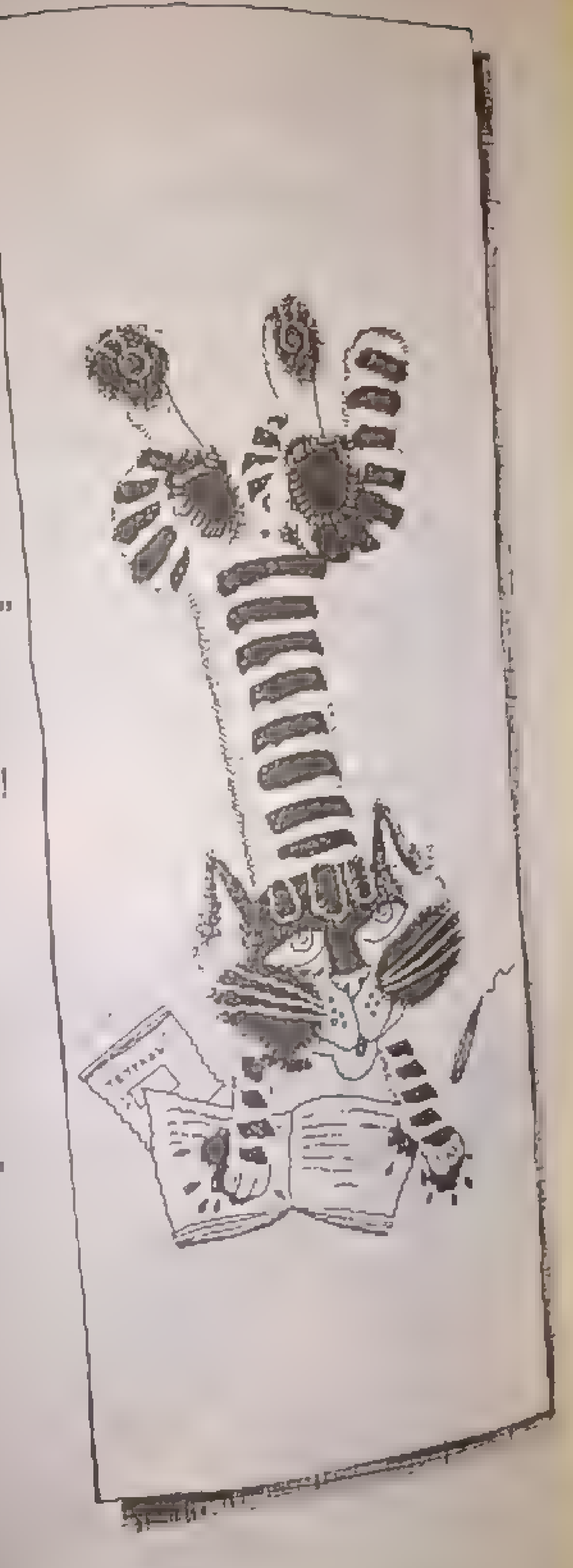
1. Ребята, вы прочли начало книги. Представьте себе и расскажите, как дальше мог бы развиваться сюжет повести (то есть, какие события могли бы произойти дальше). Как вы думаете, смогут ли подружиться Костя и Севка? Почему? Если вы хотите узнать действительное продолжение этой истории, прочтите книгу "Как я влиял на Севку".

2. Расскажите о характерах Севки и Кости. Оба они — очень интересные люди. Попробуйте это доказать.

Борис ЗАХОДЕР

ВРЕДНЫЙ КОТ

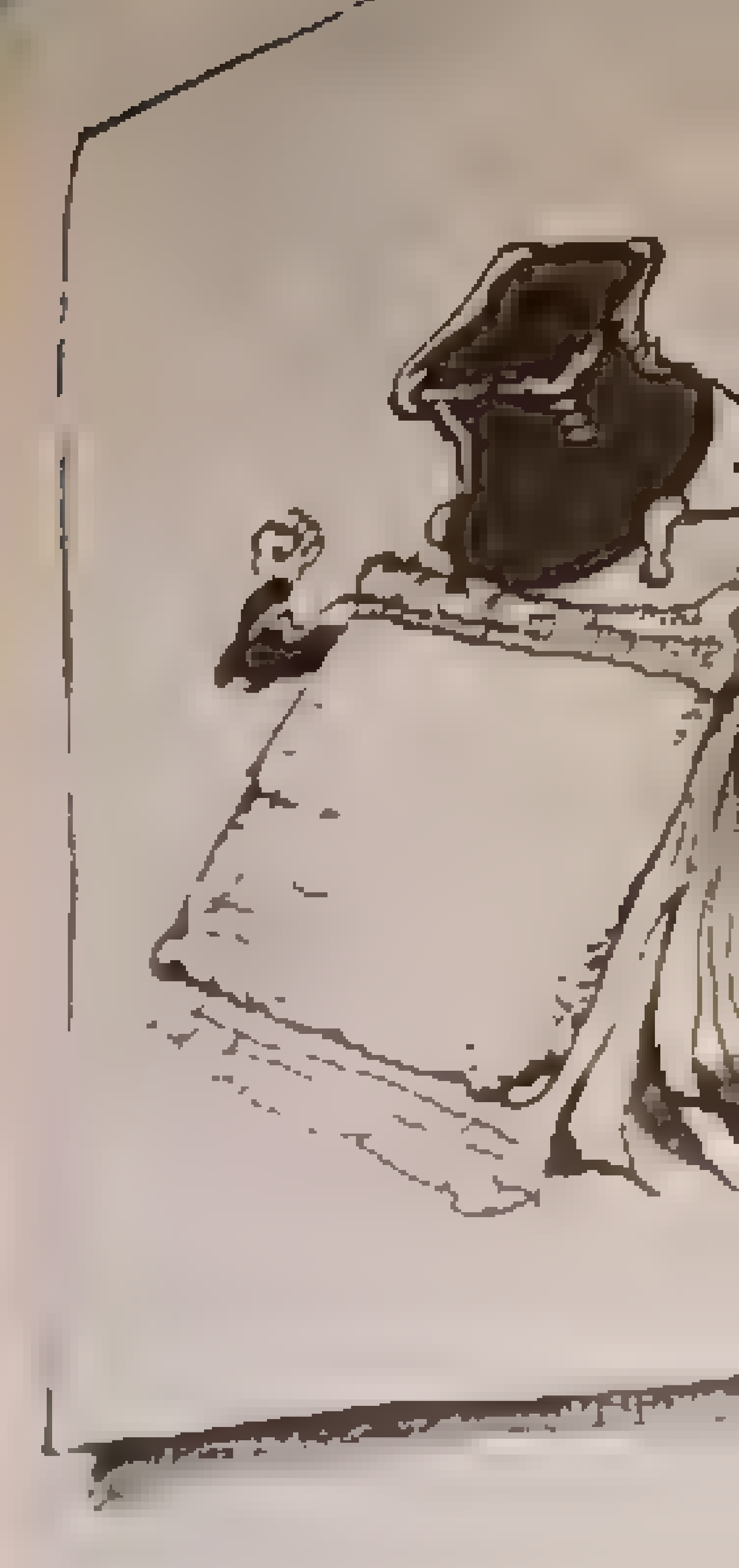

— Петь, здорово!
— Здравствуй, Вова!
— Как уроки?
— Не готовы...
Понимаешь, вредный кот
Заниматься не даёт!

Только было сел за стол,
Слышу: "Мяу..." —
"Что пришёл?
Уходи! — кричу коту. —
Мне и так... невмоготу!
Видишь, занят я наукой,
Так что брысь и не мяукай!"
Он тогда залез на стул,
Притворился, что уснул.
Ну и ловко сделал вид —
Ведь совсем как будто спит!
Но меня же не обманешь...
"А, ты спишь?
Сейчас ты встанешь!
Ты умён, и я умён!"
Раз его за хвост!
— А он?
— Он мне руки исцарапал,
Скатерть со стола стянул,
Все чернила пролил на пол,
Все тетрадки мне заляпал
И в окошко улизнул!

Я кота простить готов,
Я жалею их, котов.
Но зачем же говорят,
Будто сам я виноват?
Я сказал открыто маме:
"Это просто клевета!
Вы попробовали б сами
Удержать за хвост кота!"

Ребята, как вы думаете, почему Борис Заходер назвал своё стихотворение "Вредный кот"? Чтобы ответить на этот вопрос, определите главную мысль стихотворения и сопоставьте её с заглавием.

В СТРАНЕ

За окном кр
очень сильно
нуть в окно и побе
мои учебники. Они
ии, грязные и ску
Они держали меня
задачу про каких-т
пропущенные буквы
до совсем неинтере
учебники, что схват
— Надоели! — з
И вдруг раздался
ма на мостовую
ля метнулся с под
стало темно. А ведь
этом комната освет
каких-то странны
из покрытой кляк
чернело очень зна
ками. Точно так

Лия ГЕРАСКИНА

В СТРАНЕ НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКОВ

За окном кричали мальчишки. Солнце светило, очень сильно пахло сиренью. Меня тянуло выпрыгнуть в окно и побежать к ребятам. Но на столе лежали мои учебники. Они были изорванные, залитые чернилами, грязные и скучные. И они были очень сильными. Они держали меня в душной комнате, заставляли решать задачу про каких-то допотопных землекопов, вставлять пропущенные буквы и делать многое другое, что мне было совсем неинтересно. Я вдруг так возненавидел свои учебники, что схватил их со стола и швырнул на пол.

— Надоели! — закричал я не своим голосом.

И вдруг раздался такой грохот, как будто с высокого дома на мостовую упали сорок тысяч железных бочек. Кузя метнулся с подоконника и прижался к моим ногам. Стало темно. А ведь только что за окном светило солнце. Потом комната осветилась зеленоватым светом, и я заметил каких-то странных человечков. На них были балахоны из покрытой кляксами мятой бумаги. У одного на груди чернело очень знакомое пятно с ручками, ножками и рожками. Точно такие же ножки-рожки я пририсовал

кляксе, которую посадил на обложку учебника географии.

Человечки молча стояли вокруг стола и сердито на меня смотрели. Надо было что-то немедленно делать. Поэтому я вежливо спросил:

— А кто вы такие будете?

— Ты присмотрись внимательней, может быть, и узнаешь, — ответил человечек с кляксой.

— Он не привык глядеть на нас внимательно, — сердито сказал другой человечек и пригрозил мне пальчиком, выпачканным чернилами.

Я все понял. Это были мои учебники. Они почему-то ожили и явились ко мне в гости. Если бы вы слышали, как они меня упрекали!

— Ни под каким градусом широты и долготы никто и нигде на земном шаре так не обращается с учебниками, как ты! — кричала География.

— Ты обливаешь нас чернилами! Ты рисуешь на наших страницах всякую ерунду! — надрывалась Грамматика.

— Почему вы так напали на меня? Разве Сережа Петькин или Люся Карандашкина учатся лучше?

— Пять двоек! — крикнули хором учебники.

— Но ведь я приготовил уроки сегодня!

— Сегодня ты неправильно решил задачу!

— Не усвоил зоны!

— Не понял круговорота воды в природе!

Больше всех кипятилась Грамматика:

— Сегодня ты не повторил безударных гласных! Не знать родного языка — позор, несчастье, преступление!

Терпеть не могу, когда на меня кричат. Обижаюсь. Вот и сейчас я очень обиделся и ответил, что как-нибудь проживу и без ударных гласных, и без умения решать задачи, и тем более без этого самого круговорота.

Тут мои учебники сразу онемели. Они смотрели на меня с таким ужасом, как будто я на их глазах нагрубил директору школы. Потом они стали шептаться и решили, что меня нужно немедленно, вы думаете наказать? Ниче-

го подобного — спасти! Чудаки! От чего, спрашивается, спасти?

География сказала, что лучше всего отправить меня в Страну невыученных уроков. Человечки с ней сразу же согласились.

— А есть ли в этой стране трудности и опасности? — спросил я.

— Сколько угодно, — ответила География.

— Все путешествие состоит из трудностей. Это ясно, как дважды два — четыре, — прибавила Арифметика.

— Каждый шаг там грозит опасностью для жизни! — воскликнула Грамматика.

Об этом стоило подумать. Ведь там не будет ни папы, ни мамы, ни Зои Филипповны!

Никто не станет каждую минуту останавливать и кричать: "Не ходи! Не бегай! Не трогай! Не подглядывай! Не подсказывай! Не вертись на парте!". И ещё с десяток разных "не", которых я терпеть не могу. Может, как раз в этом путешествии мне удастся развить волю и приобрести характер. Вернусь оттуда с характером — вот папа удивится!

— А может быть, придумаем для него что-нибудь другое? — спросила География.

— Не надо мне другого! — закричал я. — Так и быть. Отправляюсь в эту вашу опасно-трудную страну.

Я было хотел спросить их, а удастся ли мне там закалить волю и приобрести характер настолько, чтобы я мог сам добровольно делать уроки, но не спросил. Раздумал.

— Ну хорошо, — сказала География, — решено.

— Ответ правильный. Перерешать не будем, — добавила Арифметика.

— Отправляйся немедленно, — закончила Грамматика.

— Ладно, — сказал я как можно вежливей. — Но только как это сделать? Поезда, наверно, в эту страну не ходят, самолёты не летают, пароходы не плывут.

— Мы поступим, как, — сказала Грамматика, — как всегда поступали в русских народных сказках. Возьмём клубок...

Но клубка у нас никакого не было. Моя мама не умела вязать.

— Есть ли у вас в доме что-нибудь шарообразное? — спросила Арифметика, и так как я не понял, что такое "шарообразное", она объяснила: — Это всё равно что круглое.

Круглое? Я вспомнила, что тётя Поля подарила мне в день рождения глобус. Я и предложил этот глобус. Правда, он на подставке, но ведь её и отодрать нетрудно География почему-то обиделась, замахала ручками и закричала, что она не позволит. Что глобус — великое наглядное пособие! Ну и всякое такое прочее, что совсем не шло к делу. В это время в окно влетел футбольный мяч Оказывается, он тоже шарообразный. Все согласились засчитать его за клубок.

3.

Мяч будет моим проводником. Я должен идти за ним и не отставать. А если потеряю его, то не смогу вернуться домой. После того как меня поставили в такую колониальную зависимость от мяча, этот шарообразный сам собой вспрыгнул на подоконник. Я полез за ним, а Кузя — за мной.

— Назад! — крикнул я коту, но он не послушался.

— Я пойду с тобой, — заявил мой кот человеческим русским голосом.

География помахала мне на прощание рукой и крикнула:

— Если тебе придётся очень уж плохо, зови меня на помощь. Так и быть, выручу!

Мы с Кузей прыгнули с подоконника и сразу стали быстро подыматься в воздух, а мяч летел перед нами. Вниз я не смотрел. Боялся — голова закружится. Чтоб не было так уж страшно, не сводил глаз с мяча. Долго ли мы летели — не знаю. Не хочу врать. В небе светило солнце, а мы с Кузей неслись за мячом, как будто были привязаны к нему верёвочкой и он тащил нас на буксире.

4.

Наконец мяч стал снижаться, и мы опустились на лесную дорогу. Мяч катился, перепрыгивая через пни и поваленные деревья. Он не давал нам никакой передышки. Опять не могу сказать, сколько времени мы шли. Солнце ни разу не закатывалось. Поэтому можно подумать, что мы шли всего один день. Но кто знает, закатывается ли вообще солнце в этой неизвестной стране.

Как хорошо, что Кузя увязался за мной! Как хорошо, что он стал разговаривать, как человек! Мы с ним болтали всю дорогу. Мне, правда, не очень нравилось, что он слишком много рассказывал о своих приключениях: он любил охотиться за мышами и ненавидел собак. Обожал сырое мясо и сырую рыбу. Поэтому больше всего он болтал о собаках, мышах и еде. Все же он был малообразованным котом. Оказалось, в футболе он ровным счётом ничего не понимал, а смотрел потому, что вообще любил наблюдать за всем, что двигается. Это ему напоминает охоту на мышей. Значит, слушал он про футбол только из вежливости.

Мы шли по лесной дорожке. Вдали показался высокий холм. Мяч обогнул его и скрылся. Мы очень испугались и бросились вдогонку за ним.

За холмом мы увидели большой замок с высоченными воротами и каменным забором. Я присмотрелся к забору

и заметил, что он состоит из огромных переплетающихся букв.

У моего папы есть серебряный портсигар, на нём вырезаны две переплетённые буквы — Д и П. Папа объяснил, что это называется вензелем. Так вот этот забор и был сплошным вензелем. Мне даже кажется, что он был и не каменный, а из какого-то другого материала.

5.

На воротах замка висел замок килограммов в сорок весом. По обеим сторонам входа стояли два странных человечка. Один согнулся так, что казалось, будто он разглядывает свои колени, а другой был прям, как палка.

Согнутый держал огромную ручку, а прямой — такой же карандаш. Они стояли неподвижно, словно неживые. Я подошёл поближе и потрогал согнутого пальцем. Он не пошевелился. Кузя обнюхал их обоих и заявил, что, по его мнению, они всё-таки живые, хотя человеком от них не пахнет. Мы с Кузей назвали их Крючок и Палка. Наш мяч рвался в ворота. Я подошёл к ним и хотел попробовать толкнуть замок. А вдруг он не заперт. Крючок и Палка скрестили ручку и карандаш и преградили мне дорогу.

— Ты кто? — отрывисто спросил Крючок.

А Палка, как будто его толкнули под бока, закричал во весь голос:

— Ох! Ах! Ах, ох! Ах, ах!

Вежливо ответил, что я ученик четвёртого класса. Крючок покрутил головой. Палка разохался так, как будто я сказал что-то очень нехорошее. Потом Крючок покосился на Кузю и спросил:

— А ты, который с хвостом, тоже ученик?

Кузя сконфузился и промолчал.

— Это кот, — объяснил я.Крючку, — он животное. А животные имеют право не учиться.

— Имя? Фамилия? — допрашивал Крючок.

— Перестукин Виктор, — ответил я, как на перекличке.

Если бы видели, что стало с Палкой!

— Ох! Ах! Увы! Тот! Самый! Ох! Ах! Увы! — без передышки выкрикивал он минут пятнадцать подряд.

Мне это здорово надоело. Мяч привёл нас в Страну невыученных уроков. Почему же мы должны стоять у её ворот и отвечать на дурацкие вопросы? Я потребовал, чтобы мне немедленно дали ключ отпереть замок. Мяч шевельнулся. Я понял, что действую правильно.

Палка подал мне громадный ключ и закричал:

— Открывай! Открывай! Открывай!

Я вставил ключ и хотел его повернуть, но не тут-то было. Ключ не поворачивался. Стало ясно, что надо мной смеются.

Крючок спросил, не сумею ли я написать правильно слова: "замочек" и "ключик". Если сумею, ключ тут же отопрёт замок. Отчего же не суметь! Подумаешь, хитрость какая. Неизвестно откуда появилась классная доска и повисла перед самым моим носом прямо в воздухе.

— Пиши! — крикнул Палка и подал мне мел.

Я сразу написал: ключ... и остановился.

— Пиши! Дальше! — приказал Палка.

Хорошо ему было кричать, а если я не знаю, что писать дальше: ЧИК или ЧЕК? Как правильно: клюЧИК или клюЧЕК? То же самое было и с замочком. ЗамоЧИК или замоЧЕК? Было над чем подумать!

Есть же какое-то правило... А какие правила грамматики я вообще знаю? Стал припоминать. Кажется, после шипящих не пишется... Но при чём тут шипящие? Они сюда никак не подходят.

Кузя посоветовал писать наобум. Если напишешь неправильно, потом исправишь. А так разве можно угадать? Это был толковый совет. Я уже собирался так и сделать, но Палка закричал:

— Нельзя! Неуч! Невежда! Ох! Увы! Пиши! Сразу! Правильно! — почему-то он ничего не говорил спокойно, а только всё выкрикивал.

Я сел на землю и стал вспоминать. Кузя всё время вертелся возле меня и часто задевал своим хвостом по лицу. Я прикрикнул на него. Кузя обиделся.

— Зря расселся, — сказал Кузя, — всё равно не вспомнишь.

Но я вспомнил. Назло ему вспомнил! Пожалуй, это было единственное правило, которое я знал. Вот уж не думал, что оно когда-нибудь мне так здорово пригодится!

— Если в родительном падеже в конце слова выпадает гласная, то пишется ЧЕК, а если не выпадает, пишется ЧИК.

Это нетрудно проверить: именительный — замоЧЕК, родительный — замоЧКА. Ага! Буква выпала. Значит, правильно — замоЧЕК. Теперь совсем легко проверить и "ключик". Именительный — клюЧИК, родительный — клюЧИКА. Гласная остаётся на месте. Значит, надо писать "клюЧИК".

Палка захлопал в ладоши и закричал:

— Чудесно! Прелестно! Восхитительно! Ура!

Я крупными буквами смело написал на доске: ЗАМОЧЕК. КЛЮЧИК. Потом легко повернул ключ в замке, и ворота распахнулись. Мяч покатился вперёд, а мы с Кузей пошли за ним. Палка и Крючок поплелись сзади.

6.

Мы прошли по высоким пустым комнатам и очутились в огромном зале. Здесь кто-то крупно написал красивым почерком прямо на стенах правила грамматики. Путешествие наше начиналось очень удачно. Я запросто вспомнил правило и открыл замок! Если всё время будут встречаться только такие трудности, мне и делать здесь нечего...

В глубине зала на высоком стуле сидел старик с белыми волосами и белой бородой. Если бы он держал в руках маленькую ёлочку, его можно было принять за Деда Мороза. Белый плащ старика был вышит блестящим чёрным шёлком. Когда я хорошенько рассмотрел этот плащ, то увидел, что он весь вышит знаками препинания.

Возле старика вертелась сгорбленная старушка со злыми красными глазками. Она всё что-то шептала ему на ухо и показывала на меня рукой. Старуха нам не понравилась сразу. Кузе она напомнила бабушку Люси Ка-

рандашкиной, которая часто била его веником за то, что он воровал у неё сосиски.

— Надеюсь, вы примерно накажете этого невежду, ваше величество Глагол Повелительного Наклонения! — сказала старушка.

Старик важно посмотрел на меня.

— Перестань! Не злись, Запятая! — приказал старик.

Оказывается, это была Запятая! Ох и кипятилась же она!

— Как же мне не злиться, ваше величество? Этот мальчишка ещё ни разу не поставил меня на моё место!

Старик строго посмотрел на меня и поманил пальцем. Я подошёл.

Запятая ещё больше засуетилась и прошипела:

— Посмотрите на него. Сразу видно, что он безграмотный.

Неужели это было заметно по моему лицу? Или она тоже умела читать в глазах, как моя мама?

— Расскажи, как ты учишься, — приказал мне Глагол.

— Скажи, что хорошо, — прошептал Кузя, но я както постеснялся и ответил, что учусь, как все.

— А знаешь ли ты грамматику? — ехидно спросила Запятая.

— Скажи, что отлично знаешь, — снова подсказал Кузя.

Я толкнул его ногой и ответил, что знаю грамматику не хуже других. После того как я при помощи своих знаний открыл замок, я имел полное право так ответить. И вообще уже хватит задавать вопросы! Но злой старухе до зарезу надо было узнать, какие у меня отметки. Я, конечно, не стал слушать глупые Кузины подсказки и заявил ей, что отметки у меня разные.

— Разные? — зашипела Запятая. — А вот это мы сейчас проверим.

Интересно, как это она могла сделать, если я не взял с собой дневника?

— Давайте документы! — завопила старуха противным голосом.

В зал вбежали человечки с одинаковыми круглыми личиками. У одних были вышиты на белых платьицах чёрные кружочки, а у других — крючочки, у третьих — и крючочки, и кружочки. Два человечка внесли какую-то огромную синюю папку. Когда они развернули её, я увидел, что это была моя тетрадь по русскому языку. Она почему-то стала чуть не с меня ростом.

Запятая показала первую страницу, на которой я увидел свой диктант. Теперь, когда тетрадь увеличилась, он выглядел ещё безобразней. Ужасно много поправок красным карандашом. А сколько клякс! Наверно, тогда у меня было очень плохое перо. Под диктантом стояла двойка, похожая на большую красную утку.

— Двойка! — злорадно объявила Запятая, как будто и без неё не было ясно, что это двойка, а не пятёрка.

Глагол приказал перевернуть страницу. Человечки перевернули. Тетрадка жалобно и тихо застонала. На второй странице я написал изложение. Кажется, оно было ещё хуже диктанта, потому что под ним стоял кол.

— Перевернуть! — приказал Глагол.

Тетрадь застонала ещё жалобней. Хорошо, что на третьей странице ничего не было написано. Правда, я на ней нарисовал рожицу с длинным носом и косыми глаз-

ми. Ошибок здесь, конечно, не было, потому что под рожицей я написал всего два слова: "Эта коля".

— Перевернуть? — спросила Запятая, хотя отлично видела, что дальше переворачивать некуда. В тетради насчитывалось всего три страницы. Остальные я вырвал для того, чтобы сделать из них голубей.

— Довольно, — приказал старик. — Как же ты, мальчик, говорил, что отметки у тебя разные?

— Разрешите мне мяукнуть? — неожиданно вылез Кузя. — Прошу прощения, но мой хозяин не виноват. Ведь в тетрадке не только двойки, но есть и единица. Значит, отметки всё-таки разные.

Запятая захихикала, а Палка в восторге закричал:

— Ах! Ох! Уморил! Потеха! Ой! Умник!

Я молчал. Непонятно, что со мной делалось. Уши и щёки горели. Я не мог смотреть старику в глаза. Так, не глядя на него, я и сказал, что не знаю, кто я. Кузя поддержал меня. По его мнению, это была нечестная игра.

Я подошёл к Глаголу и спросил его, нельзя ли мне уйти. Старик не успел и рта открыть, как Запятая заверещала на весь зал:

— Ни за что! Пусть сначала докажет, что знает правописание безударных гласных!

Тут же она стала придумывать всякие примеры.

На моё счастье, в зал вбежала огромная собака. Кузя, конечно, зашипел и вскочил мне на плечо. Но собака и не собиралась на него кидаться. Она весело махала хвостиком и ласкалась. Я нагнулся и погладил её по рыжей спинке.

— Ах, ты любишь собак! Очень хорошо! — ехидно сказала Запятая и хлопнула в ладоши. Тут же передо мной опять повисла в воздухе чёрная доска. На ней было написано мелом: "С...бака".

Я быстро сообразил, в чём дело. Взял мел и вписал букву "а". Получилось: "Сабака".

Запятая расхохоталась. Глагол нахмурил седые брови. Восклицательный заахал и заохал. Собака оскалилась и зарычала на меня. Я испугался её злой морды и побе-

жал. Она погналась за мной. Кузя отчаянно шипел, вцепившись когтями в мою куртку. Я догадался, что неправильно вставил букву. Вернулся к доске, стёр "а" и написал "о". Собака тут же перестала рычать, лизнула мою руку и выбежала из зала. Теперь я никогда не забуду, что собака пишется через "о".

— Может быть, только эта собака пишется через "о"? — спросил Кузя, — а все другие через "а"?

— Кот такой же невежда, как его хозяин, — хихикнула Запятая, но Кузя ей возразил, что собак он знает лучше, чем она. От них, по его мнению, можно всегда ожидать любой подлости.

8.

Пока шёл этот разговор, в высокое окно заглянул солнечный луч. В зале сразу посветлело.

— Ах! Солнце! Чудесно! Прелестно! — радостно выкрикивал Восклицательный.

— Ваше величество, солнце, — шепнула Запятая Глаголу. — Спросите невежду...

— Хорошо, — согласился Глагол и махнул рукой. На чёрной доске исчезло слово "Собака" и появилось слово "Со...нце".

— Какая буква пропущена? — спросил Вопросительный.

Я прочёл ещё раз: "Со...нце". По-моему, тут ничего не пропущено. Если все буквы на месте, зачем же вставлять лишние? Что было, когда я об этом сказал! Запятая хохотала, как сумасшедшая. Восклицательный плакал и ломал ручки. Глагол хмурился всё больше и больше. Луч солнца скрылся. В зале стало темно и очень холодно.

— Ах! Увы! Ох! Солнце! Умираю! — вопил Восклицательный.

— Где солнце? Где тепло? Где свет? — беспрерывно, как заведённый, спрашивал Вопросительный.

— Мальчишка рассердил солнце! — гневно гремел Глагол.

— Я замерзаю, — плакал Кузя и жался ко мне.

— Отвечай, как пишется слово "солнце", — приказал Глагол.

В самом деле, как пишется слово "солнце"? Зоя Филипповна всегда советовала нам изменять слово так, чтобы все сомнительные и скрытые буквы вылезали наружу. Быть может, попробовать? И я начал выкрикивать: "Солнце! Солнышко! Солнечный!" Ага! Вылезла буква "л". Я схватил мел и быстро вписал её. В эту же минуту солнце снова заглянуло в зал. Стало светло, тепло и очень весело. В первый раз я понял, как сильно люблю солнце.

— Да здравствует солнце через букву "л"! — весело запел я.

— Ура! Солнце! Свет! Радость! Жизнь! — кричал Восклицательный.

Я завертелся на одной ножке и тоже стал выкрикивать:

— Солнышку весёлому школьный наш привет! Нам без солнца милого просто жизни нет!

— Замолчать! — рявкнул Глагол.

Я так и замер на одной ножке. Веселье сразу пропало. Даже стало как-то неприятно и страшновато.

— Прибывший к нам ученик четвёртого класса Виктор Перестукин, — сурово говорил старик, — обнаружил редкое, безобразное невежество. Проявил презрение и нелюбовь к родному языку. За это он будет сурово на-

казан. Я удаляюсь для вынесения приговора. Заключить Перестукина в квадратные скобки!

Глагол ушёл. Запятая побежала за ним и всё время приговаривала на ходу:

— Никакой пощады! Только никакой пощады, ваше величество!

9.

Человечки принесли большие железные скобки и поставили их слева и справа от меня.

— Всё это очень плохо, хозяин, — сказал Кузя и стал махать хвостом. Он всегда так делал, когда бывал чем-нибудь недоволен. — Нельзя ли улизнуть отсюда?

— Это было бы очень здорово, — ответил я, — но ты же видишь, что я арестован, заключён в скобки, и нас сторожат.

— Бедный! Несчастный! — застонал Восклицательный. — Ох! Ой! Увы! Увы! Увы!

— Тебе страшно, мальчик? — спросил Вопросительный.

Вот чудаки! Почему мне должно быть страшно? Почему меня нужно жалеть?

— Не надо злить сильных, — серьёзно сказал Кузя. — Одна моя знакомая кошка имела привычку злить цепного пса. Каких только гадостей она ему не говорила! И вот однажды пёс сорвался с цепи и навсегда отучил её от этой привычки.

Добрые знаки волновались всё больше и больше. Восклицательный твердил, что я не понимаю опасности, которая надо мной нависла. Вопросительный задал мне кучу вопросов и под конец поинтересовался, нет ли у меня какой-нибудь просьбы.

Чего бы это попросить? Мы с Кузей посоветовались и решили, что сейчас самое время позавтракать. Знаки объяснили мне: я получу всё, что пожелаю, если правильно напишу своё желание. Конечно, тут же выскочила доска и повисла передо мной. Чтобы не ошибиться, мы с Кузей обсудили этот вопрос ещё раз. Кот не мог придумать ничего более вкусного, чем любительская колбаса. Я больше люблю полтавскую. Но в словах "люби-

тельская" и "полтавская" можно наделать пропасть ошибок. Поэтому я решил написать просто "колбаса". Но есть колбасу без хлеба не очень-то вкусно. И поэтому для начала я написал на доске "Хлеп". Но никакого хлеба мы с Кузей не увидели, нас обманули.

— Где же ваш хлеб?

— Написано неправильно! — хором ответили знаки.

— Не знать, как пишется такое важное слово! — проворчал кот.

Я взял мел и крупно вывел: "Калбаса".

— Неправильно! — закричали знаки.

Я стёр и написал: "Калбоса".

— Неправильно! — завопили знаки.

Я опять стёр и написал: "Колбоса".

— Неправильно! — заорали знаки. Я разозлился и швырнул мел. Они просто издевались надо мной.

— Поели и хлеба, и колбасы, — вздохнул Кузя. — Непонятно, зачем мальчики ходят в школу, неужели тебя там не научили правильно написать хоть одно съедобное слово.

Одно съедобное слово я, пожалуй, мог бы написать правильно. Я стёр "колбасу" и написал "лук". Тотчас же явились Точки и внесли на блюде очищенный лук. Кот обиделся и зафыркал. Он не ел лука. Я его тоже не любил. А есть хотелось ужасно. Мы начали жевать лук. Из глаз потекли слёзы.

10.

Вдруг раздался гонг.

— Не плачь! — крикнул Восклицательный. — Ещё есть надежда!

— Как ты относишься к Запятой, мальчик? — спросил Вопросительный.

— По мне, она вовсе не нужна, — ответил я откровенно. — Читать можно и без неё. Ведь когда читаешь, то не обращаешь на запятые никакого внимания. А вот когда пишешь и забудешь её поставить, тебе непременно попадёт.

Восклицательный ещё больше расстроился и стал охать на все лады.

— А ты знаешь, что запятая может решить судьбу человека? — спросил Вопросительный.

— Хватит рассказывать сказки, я не маленький.

— Мы с хозяином уже давно не котята, — поддержал меня Кузя.

В зал вошли Запятая и несколько Точек, которые несли небольшой свёрнутый лист бумаги.

— Это приговор, — объявила Запятая.

Точки развернули лист. Я прочёл:

ПРИГОВОР

по делу невежды Виктора Перестукина:

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ.

— Казнить нельзя! Помиловать! Ура! Помиловать! — радовался Восклицательный. — Казнить нельзя! Ура! Прекрасно! Ура! Великодушно! Чудесно!

— Вы думаете, казнить нельзя? — серьёзно спросил Вопросительный. Видно, он сильно сомневался.

О чём они говорят? Кого казнить? Меня? Да какое они имеют право? Нет, нет, это какая-то ошибка!

Но Запятая ехидно посмотрела на меня и сказала:

— Знаки неверно понимают приговор. Казнить тебя надо, помиловать нельзя. Вот так надо и понимать.

— За что казнить? — закричал я. — За что?

— За невежество, лень и незнание родного языка.

— Но ведь тут ясно написано: казнить нельзя.

— Это нечестно! Мы будем жаловаться! — вопил Кузя, хватая Запятую за хвостик.

— Ах! Ох! Увы! Ужасно! Не переживу! — стонал Восклицательный.

Мне стало страшно. Хорошо же расправились со мной мои учебники! Вот как начались обещанные опасности. Просто не дали человеку оглядеться как следует и, пожалуйста, сразу вынесли смертный приговор. Тут уж хочешь или не хочешь, а справляйся сам. Пожаловаться некому. Здесь никто не защитит. Ни родители, ни учителя.

Восклицательный ломал ручки и всё время выкрикивал какие-то междометия. Из глазок его катились мелкие слёзки. Вопросительный приставал к Запятой:

— Неужели вы ничем не можете помочь несчастному мальчику?

Они всё-таки были славные ребята, эти знаки!

Запятая немного поломалась, но потом ответила, что я сам мог бы себе помочь, если бы знал, где надо поставить запятую в приговоре.

— Пусть он наконец поймёт, какое значение имеет запятая, — важно сказала горбунья. — Запятая даже может спасти человеку жизнь. Вот пусть Перестукин и постарается спасти себя, если он этого хочет.

Конечно, я этого хотел!

11.

Запятая хлопнула в ладошки, и на стене появились огромные часы. Стрелки показывали без пяти минут двенадцать.

— Пять минут на размышление, — скрипела старуха. — Ровно в двенадцать запятая должна стоять на месте. В двенадцать часов и одну минуту будет уже поздно.

Она сунула мне в руку большой карандаш и сказала:

— Раз!

Часы тут же принялись громко отстукивать и отсчитывать время. "Тик-так, тик-так, тик-так" Вот протикает несколько раз, и минутка долой. А их всего пять

— Вопросы будут? — дрожащим голосом спросил Вопросительный.

— Будут, — обрадовался я. — Куда мне поставить запятую?

— Увы! Решай сам! — заплакал Восклицательный

Кузя подбежал к нему и стал ласкаться.

— Подскажи, подскажи моему хозяину, где надо поставить эту проклятую запятую, — умолял Кузя. — Подскажи, просят же тебя как человека.

— Подсказать? — завизжала Запятая. — Ни в коем случае! У нас подсказка строго воспрещена!

А часы тикали. Я взглянул на них и обомлел: они уже успели отстучать три минуты.

— Зови Географию! — завопил Кузя. — Разве ты не боишься смерти?

Я боялся смерти. Но... а как же тогда быть с закаливанием воли? Я же должен презирать опасность, а не бояться её. А если я сейчас струшу, где я потом достану себе опасность? Нет, это мне никак не подходит. Звать никого нельзя. Что я в самом деле скажу Географии? Здравствуйте, уважаемая География! Извините за беспокойство, но я, понимаете, немножко сдрейфил...

А часы тикали.

— Торопись, мальчик! — закричал Восклицательный — Ах! Ох! Увы!

— Знаешь ли ты, что осталось всего две минуты? — тревожно спросил Вопросительный.

Кузя заурчал и вцепился когтями в подол Запятой.

— Ты желаешь мальчику смерти, — злобно шипел кот.

— Он её заслужил, — сказала старуха, отдирая кота.

— Что же мне делать? — нечаянно вслух спросил я.

— Рассуждать! Рассуждать! Ах! Увы! Рассуждать! — выкрикивал Восклицательный. Слёзы лились из его печальных глазок.

Хорошенькое дело — рассуждать, когда... Но всё же я решил попробовать.

— Казнить нельзя помиловать... Если я поставлю запятую после слова "казнить", то будет так: "Казнить,

нельзя помиловать". Значит, получится — нельзя помиловать? Нельзя!

— Увы! Ох! Несчастье! Нельзя помиловать! — зарыдал Восклицательный. — Казнить! Увы! Ох! Ах!

— Казнить? — спросил Кузя. — Нам это не подходит.

— Мальчик, разве ты не видишь, что осталась всего одна минута? — сквозь слёзы спрашивал Вопросительный.

Одна последняя минута... А что будет потом? Я зажмурил глаза и стал быстро-быстро рассуждать.

— А если поставить запятую после слов "казнить нельзя"? Тогда получится: "Казнить нельзя, помиловать". Вот это мне и надо! Решено. Ставлю.

Я подошёл к столу и нарисовал большую запятую в приговоре после слова "нельзя". В ту же самую минуту часы пробили двенадцать раз.

12.

— Ура! Победа! Ах! Хорошо! Чудесно! — радостно прыгал Восклицательный, а вместе с ним и Кузя.

Запятая сразу подобрела:

— Помни, что когда ты даёшь своей голове работу, всегда добиваешься цели. Не сердись на меня. Лучше подружись со мной. Когда ты научишься ставить меня на моё место, я не причиню тебе никаких неприятностей.

Я твёрдо обещал ей, что научусь. Мы с Кузей заторопились.

— До свидания, Витя! — кричали вслед знаки препинания. — Мы ещё с тобой встретимся на страницах книг, на листах твоих тетрадей!

— Не путай меня с братом! — кричал Восклицательный. — Я всегда восклицаю!

— Ты не забудешь, что я всегда спрашиваю? — спрашивал Вопросительный.

Мы побежали. Я оглянулся и увидел, что все машут мне руками. Даже важный Глагол выглянул из окна замка. Я помахал им всем сразу обеими руками и бросился догонять Кузю.

Долго ещё слышались выкрики Восклицательного. Потом всё смолкло, и замок скрылся за холмом.

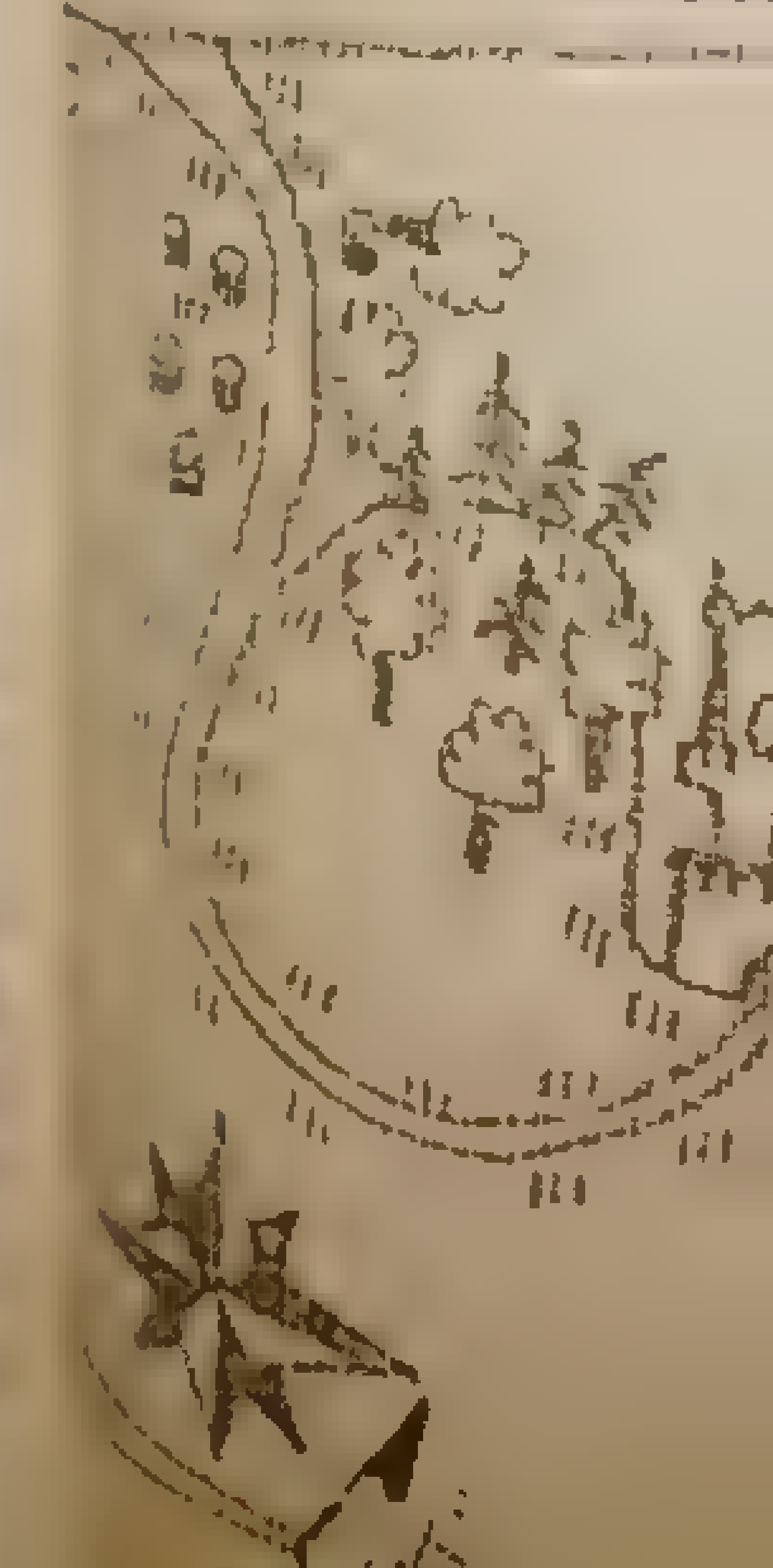
Мы с Кузей шли за мячом и обсуждали всё, что с нами произошло. Я был очень рад, что не вызвал Географию, а спас себя сам.

— Да, это вышло ужасно, — согласился Кузя. — Мне припоминается похожая история. Один мой знакомый кот служил в мясном магазине. Он никогда не ждал, пока продавец расщедрится и бросит ему довесок. Он сам угощался лучшим мясом. Этот кот всегда говорил: "Никто так о тебе не позаботится, как ты сам".

Что за противная привычка была у Кузи десять раз на дню рассказывать всякие некрасивые истории про каких-то драных кошек и котов. Чтобы облагородить Кузю, я стал рассказывать ему о дружбе между людьми и животными. Вот, например, он сам, Кузя, вёл себя, как верный друг, когда я попал в беду. Теперь уж я могу на него положиться. Кузя замурлыкал на ходу. Видно, ему нравится, когда его хвалят. Но тут же он вспомнил какую-то рыжую кошку Фроську, которая говорила: "Ради дружбы отдам последнюю мышь". Мне стало ясно, что облагородить его не удастся. Кузя — животное неподдающееся. Даже сама Зоя Филипповна ничего не смогла бы с ним поделать. Я решил рассказать ему ещё одну полезную историю, которую слышал от папы.

Как люди одомашнили некоторых животных. Я ему рассказал, как кошки и собаки стали друзьями человека. Как человек выбрал их среди других животных. Как вы думаете, что мне ответил этот нахальный кот? Собаку, по его мнению, человек выбрал сам и тем самым совершил ужасную ошибку. Ну а кошку... с кошкой всё обстояло не так. Потому что не человек выбрал кошку, а кошка выбрала человека.

Меня так рассердили Кузины рассуждения, что я надолго замолчал. Продолжай я с ним разговаривать, так он, чего доброго, дошёл бы до того, что объявил царём природы не человека, а кошку. Нет. Кузиным воспитанием надо было заняться серьёзно. Почему я раньше не задумывался об этом? Почему я раньше вообще ни о чём

не задумывался? Запятая сказала, что если я дам своей голове работу, то всегда выйдет толк. И правда. Я подумал тогда у ворот, вспомнил правило, которое почти забыл, и оно мне здорово пригодилось. Помогло мне это и тогда, когда я с карандашом в руках решал, куда ставить запятую. Я бы, наверно, никогда не отставал в классе, если бы думал о том, что делаю. Конечно, для этого надо слушать на уроке, что говорит учительница, а не играть в крестики-нолики. Что я, глупее Женьчика, что ли? Если я закалю волю и возьму себя в руки, ещё не известно, у кого будут лучшие отметки к концу года.

Настя дочитала до конца историю о Викторе Перестукине и вдруг спросила:

— Пап, а правда, герои Куликова, Гераскиной и Заходера чем-то похожи? И мне кажется, я знаю, почему

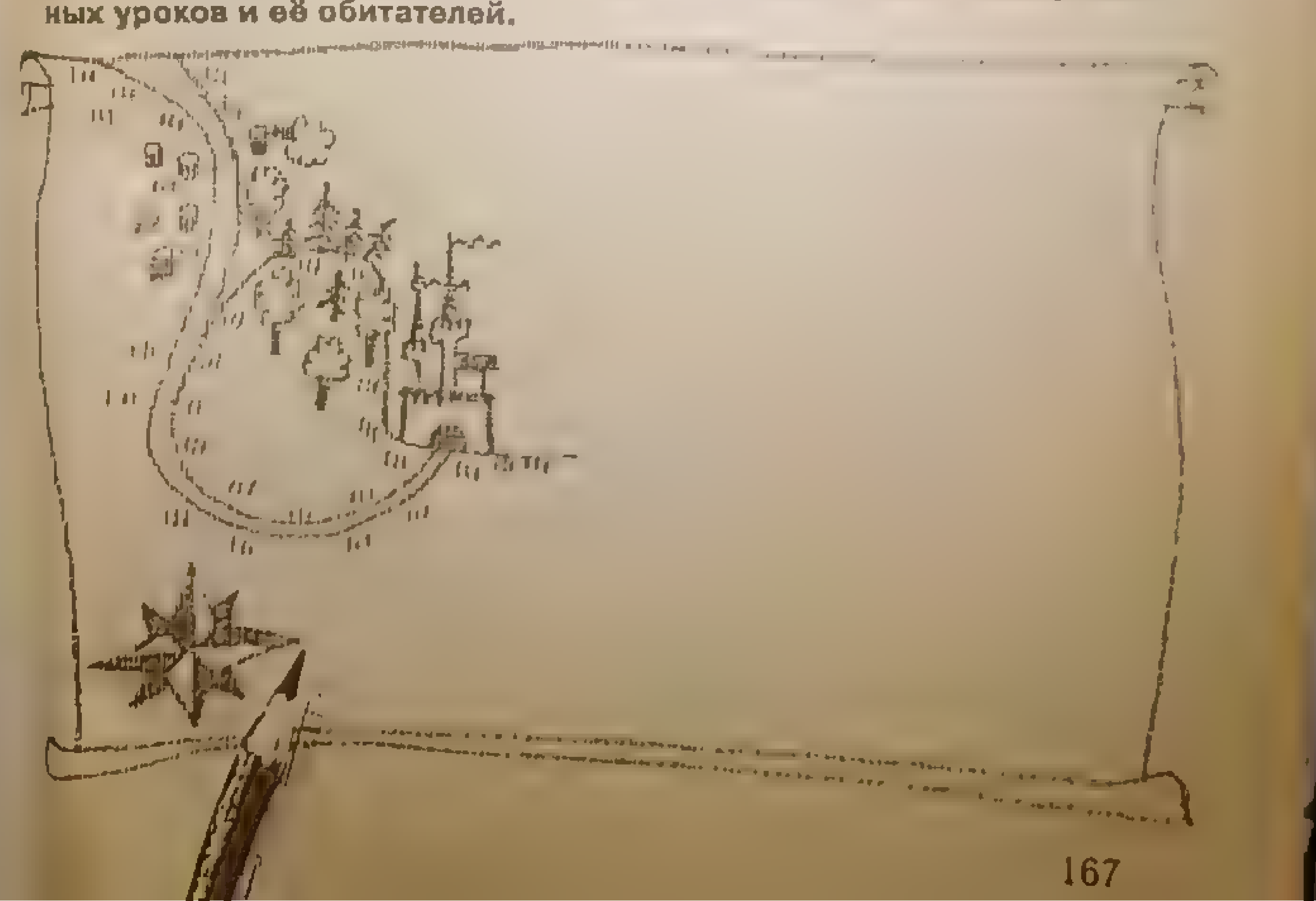
1. Ребята, а вы согласны с Настей? Действительно ли похожи Севка Мымриков, Виктор Перестукин и Вова? Чем и почему?

2. Как путешествие в Страну невыученных уроков может помочь вам на уроках русского языка?

3. Придумайте сами интересные загадки, которые могли бы загадать разные герои Страны невыученных уроков — Запятая, Глагол, Вопросительный и Восклицательный знаки.

4. Озаглавьте части.

5. Нарисуйте, какой вы представляете себе Страну невыученных уроков и её обитателей.

ВИТАМИН РОСТА

(стихотворема)

Мир был, как глобус, синь и кругл.
Учитель биологии ходил по классу из угла в угол.
И читал лекцию о питании человека
В связи с научными достиженьями века.
— Дорасти до потолка в наше время
Относительно просто.
Для этого открыт в природе
Витамин А — витамин роста.
Особенно много витамина А
содержит в себе морковь.
Наверное, поэтому у маленьких детей,
И особенно у зайцев,
К ней такая большая любовь.

Смирнов, сходи, пожалуйста, вниз
И принеси из живого уголка
Двух маленьких белых крыс,
Этих милых, крошечных альбиносов.
Да смотри не задерживайся у попугаев
И не задавай им
Никаких вопросов.
Заодно поймай на окне
Самую толстую муху
И накорми в террариуме
Тритона.
Будь осторожен —
Не спугни с яиц клуху
И опасайся питона.

А пока Смирнов ходит вниз,
Расскажу я вам немного про крыс.
Вы знаете, какие это вредные
И нахальные животные.
Особенно крысы опасны,
Когда бывают голодные.
Тогда они из склада в склад

Целыми стаями по городу носятся.
Кстати, кто скажет,
К какому отряду крысы относятся?
— К отряду грызунов, —
Сказал Иванов.
— Совершенно верно.
Только прекрати грызть яблоко.
А ты, Мехнов, отвернись от окна
И поверни ко мне
Хотя бы одно глазное яблоко.

Если с крысами не бороться
И дать им свободно плодиться,
Они бы всю землю заняли в год
И нам пришлось бы
Где-нибудь
На тесном Марсе ютиться.
Человечество ведёт с ними
Непрерывную войну
С переменным успехом:
Их травят мышьяком,
Ядохимикатами,
На них ставят капканы,
Крысоловки
И вот теперь научились
Убивать их смехом.
В каком-нибудь складе,
Где их целое общество,
Или попросту популяция,
Ставится аппарат
И включается мультипликация...
И на том месте фильма,
Где начинают
Кота ремешком драть,
Так что искры летят из меха,
Крысы задирают ноги
И начинают так неистово хохотать,
Что лопаются от смеха.

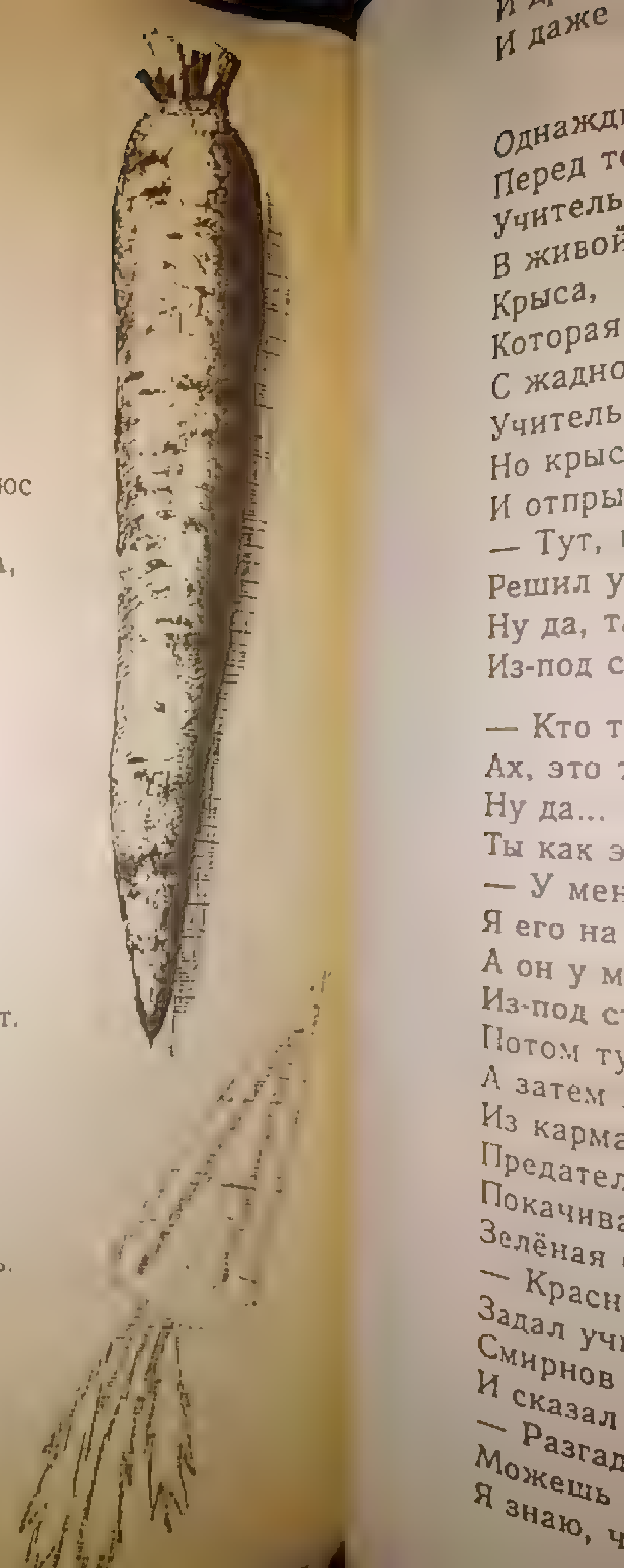
Однако что это так долго

Ходит Смирнов?
Неужели опять питона
Не задвинули на засов?

Ах, вот и он сам... явился!
Что ж ты так долго не шёл?
А я думал, ты куда-нибудь
Трагически провалился.
Итак, с сегодняшнего дня
Мы начинаем эксперимент.

Вот этому крысёнку
Мы повесим бирку со знаком плюс
И будем кормить его пищей,
Богато насыщенной витамином А,
Чтобы он вырос у нас с арбуз.
Или даже с два.
Другому, вот этому,
Который высунул
Из клетки хвост,
Мы будем давать
Стерильную пищу,
Чтобы вызвать у него
Авитаминоз.
И примерно через месяц
Мы увидим,
Какой из этого получится эффект.
Конечно, в том случае,
Если крыса с плюсом
Не имеет в своих генах дефект.

Проходит неделя,
Проходит другая,
И вот уже опыт пора прекращать.
Учитель, за опытом наблюдая,
Ничего не может понять.
Выросла крыса,
Которой в пище
С избытком давали витамин А,
Но также выросла

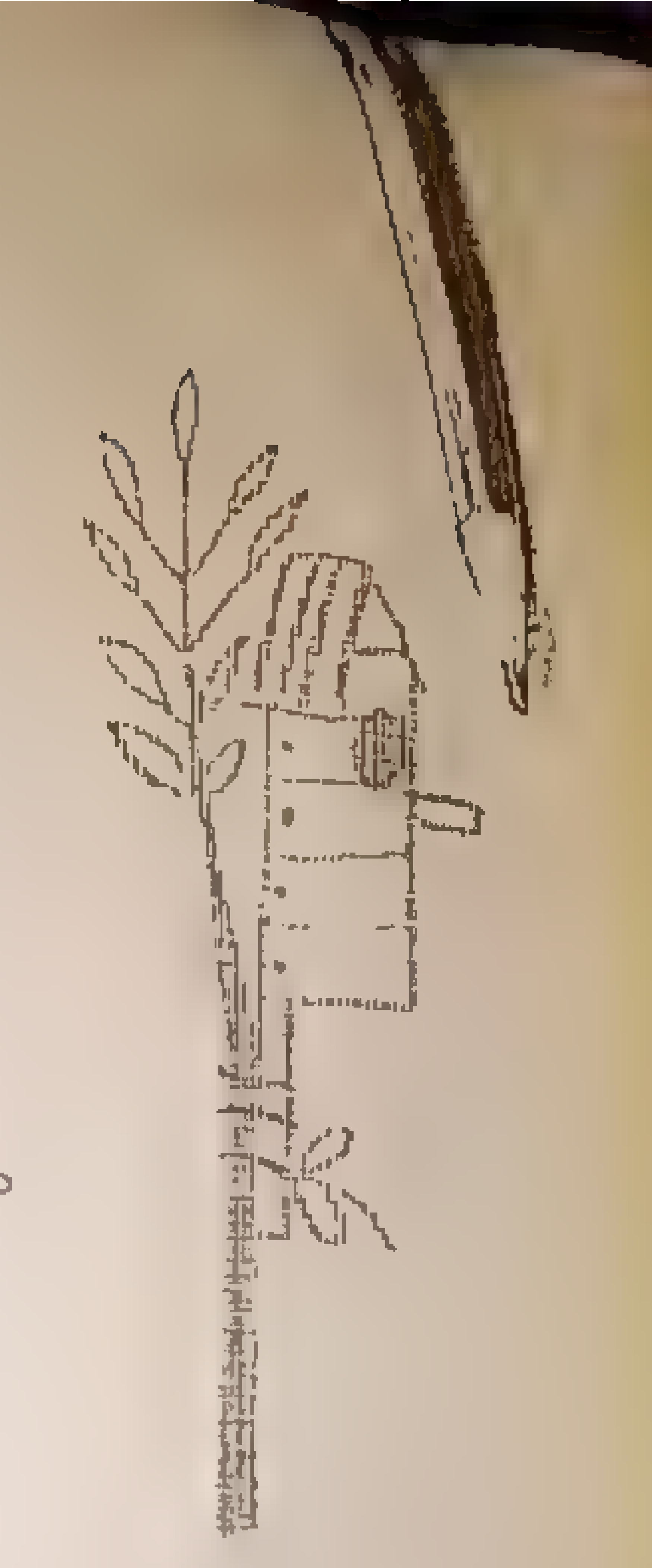

И другая крыса,
И даже больше раза в два.

Однажды, 2.
Перед тем как начать урок,
Учитель зашёл
В живой уголок.
Крыса,
Которая не получала витамина А,
С жадностью ела морковку.
Учитель хотел морковку отнять,
Но крыса огрызалась
И отпрыгивала ловко.
— Тут, видимо, кто-то есть, —
Решил учитель и оглядел комнату. —
Ну да, так и есть! —
Из-под стола торчали чьи-то пятки.

— Кто тут играет в прятки?
Ах, это ты, Смирнов!
Ну да... я так и знал.
Ты как это здесь оказался?
— У меня шнурок развязался,
Я его на бантик хотел завязать,
А он у меня на узел завязался. —
Из-под стола вылезли ноги Смирнова,
Потом туловище,
А затем голова.
Из карманов его
Предательски торчала,
Покачиваясь из стороны в сторону,
Зелёная ботва.
— Красна девица сидит в темнице?—
Задал учитель вопрос в упор.
Смирнов быстро сунул в карман "косицу"
И сказал в ответ: — Я знаю, это помидор.
— Разгадываешь загадки ты ловко,
Можешь не хитрить.
Я знаю, что у тебя в кармане

Морковка.
Скажи, Смирнов, откровенно,
Ты крысу кормил
Из гуманных соображений
Или из шалости? —
Смирнов опустил глаза
И сквозь слёзы сказал:
— Не из гуманных соображений,
А от жалости.

— Ну не плачь,
Опыт ты не сорвал,
А даже подтвердил.
Вот только внешней стороне дела
Ты немножечко повредил.
И чтобы не возникли у кого-нибудь
Сомненья и придирки,
Я возьму
И переставлю на клетках бирки.
А поскольку за нарушенье
Режима питанья
Ты основной ответчик,
То сделаешь дома к весне, в наказанье,
И принесёшь в живой уголок скворечник.

1. Ребята, почему всё-таки Смирнов сорвал эксперимент? Как вы думаете, правильно ли он поступил?

2. Расскажите, каким вы представляете себе Смирнова — героя этой маленькой поэмы? Если читать внимательно, о нём можно много сказать!

Настя перечитала "Витамин роста" несколько раз.

— Папа, мне очень понравились стихи Олега Григорьева. Кто он? Ты знаешь что-нибудь о нём?

— Олег Григорьев жил в Санкт-Петербурге и писал стихи для детей. Они напечатаны в книжке, которая называется "Говорящий ворон", а ещё его стихи часто можно встретить на последней странице журнала "Огонёк", в разделе "Детский угол". Герои стихов Олега Григорьева — школьники, чаще всего мальчишки-озорники, драчуны, фантазёры — в общем, люди интересные. И называет своих героев поэт так, как в школе мальчишки зовут друг друга (и как почему-то ещё называют детей учителя) — по фамилии: Пышкин, Сизов, Клоков. Удивительной способностью обладает поэт: даже в маленьком стихотворении он так рисует характер человека, что его очень ясно представляешь...

ПОСЛЕ УРО...

Домашний Пышн...
Дрались портфел...
Когда вступили н...
Домашний стал л...

КТО ПРАВ?

Сегодня Клоков д...
Того, кто не мыл...
Коля Сизов, его с...
Чтоб друга провер...
– Пока не помос...
Не допущу тебя д...
– Что ты? Да мы...
С друзьями ведь т...
– А разве такими...
Здороваться можн...

Сочинение.

Ребята, напишите с...

1. Если бы я был уч...

2. На каких уроках...

Олег ГРИГОРЬЕВ

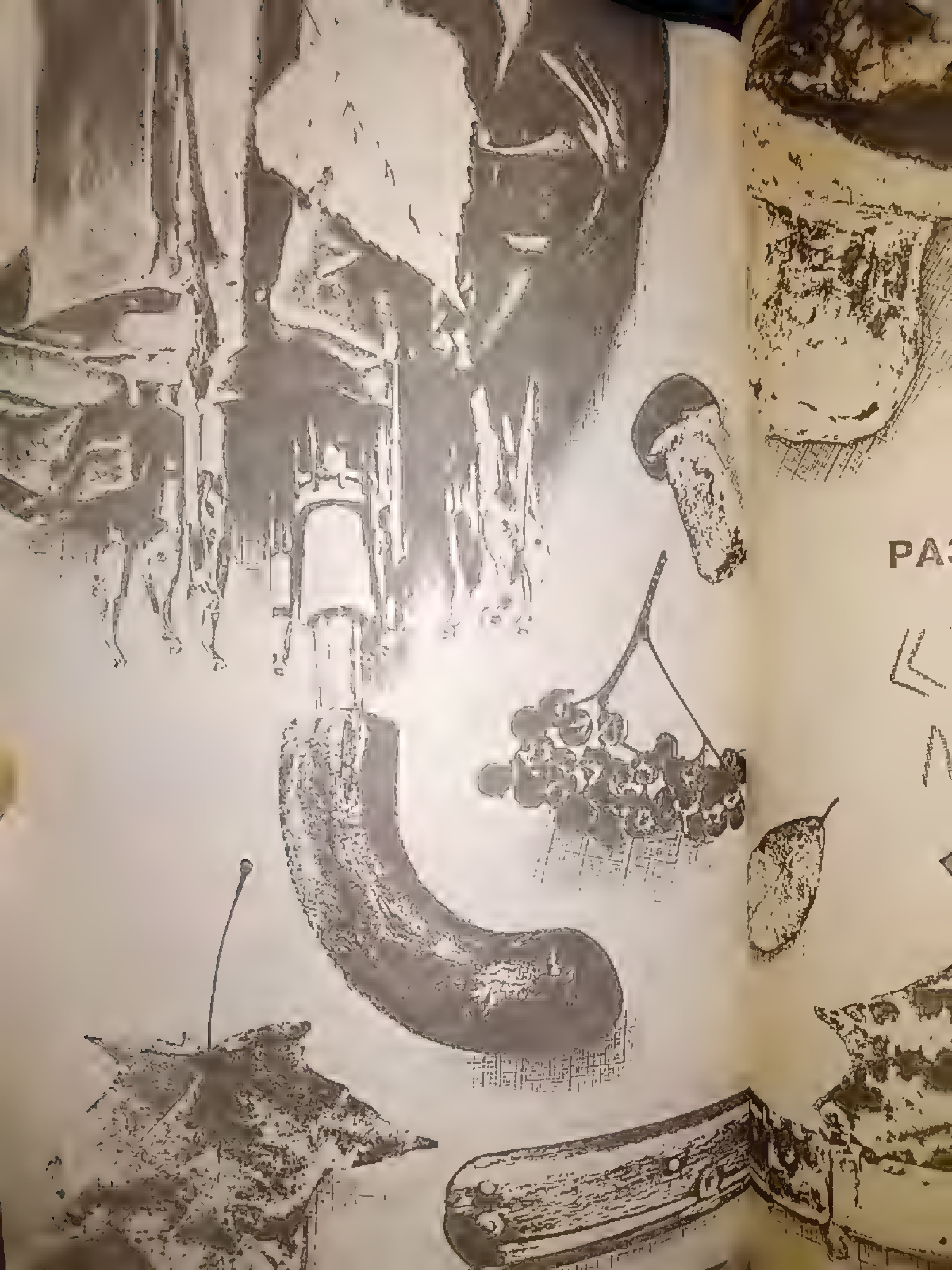
ПОСЛЕ УРОКОВ

Домашний Пышкин и дикий Клоков
Дрались портфелями после уроков.
Когда вступили в бой рукопашный,
Домашний стал диким, а дикий — домашним.

КТО ПРАВ?

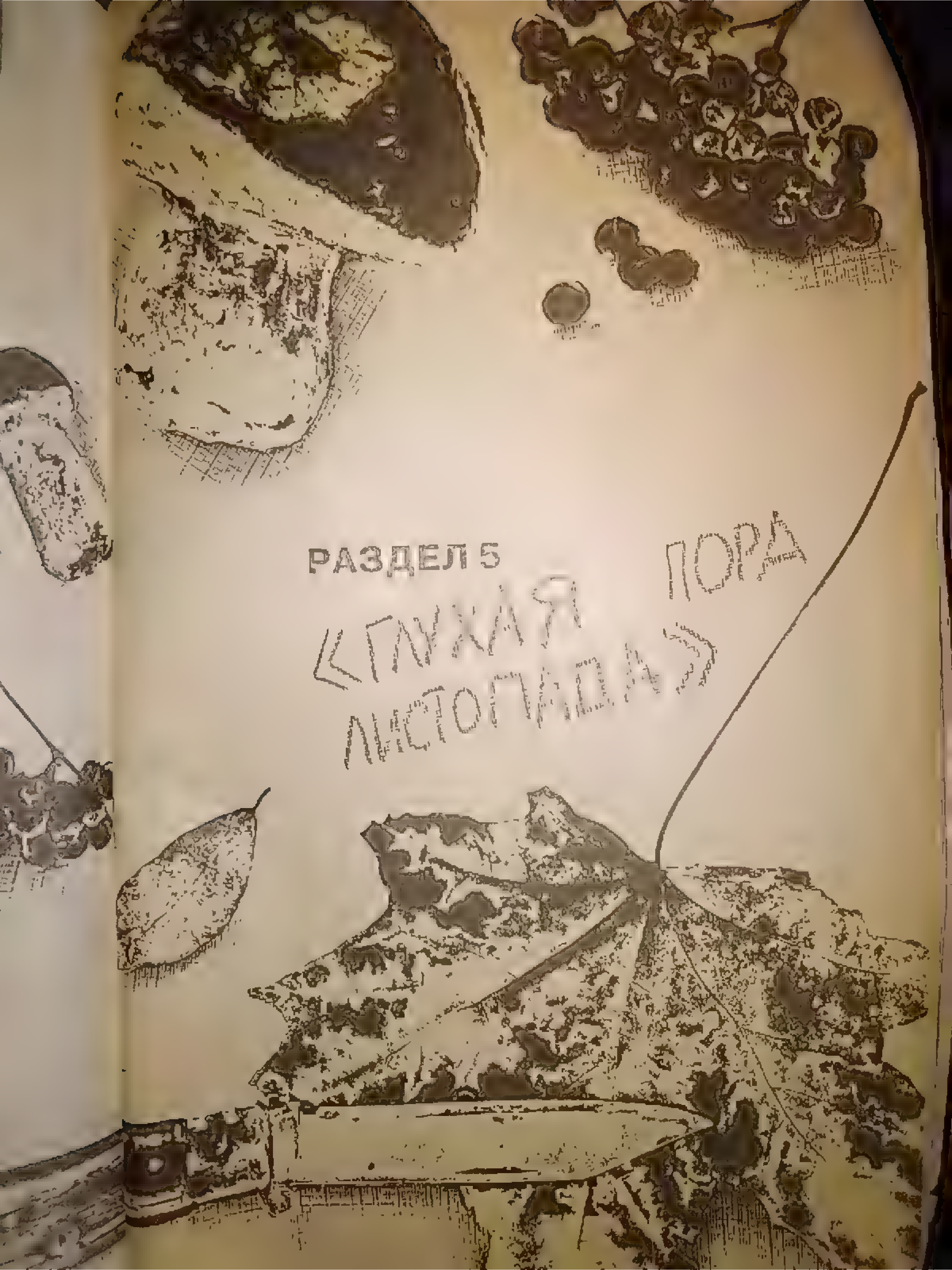
Сегодня Клоков дежурный у нас.
Того, кто не мылся, не пустит в класс.
Коля Сизов, его старый друг,
Чтоб друга проверить, не вымыл рук.
— Пока не помоешь, — сказал ему Клоков, —
Не допущу тебя до уроков!
— Что ты? Да мы же друзья!
С друзьями ведь так нельзя!
— А разве такими руками
Здороваться можно с друзьями?

Сочинение.
Ребята, напишите сочинение на одну из тем:
1. Если бы я был учителем...
2. На каких уроках мне не бывает скучно.

РАЗДЕЛ 5

«ГЛУХАЯ ПОРА ЛИСТОПАДА»

Вот уже несколько дней не прекращался сонный осенний дождик. Почти все листья с деревьев облетели. Дни становились всё короче, а вечера всё длиннее.

Настя как-то пришла из школы и сказала, что ей задали написать сочинение про осень.

— Как же описать осень? Она такая разная, и столько красок...

— Осень — это шуршащие листья под ногами и серые тучи, — сказала бабушка.

— Осень — это грибы, спелые орехи и цветы астры на дачной клумбе, — сказала мама.

— Осень — это холодные туманы, утренние заморозки, первый снег на опавших листьях, — сказал папа. — Вот ты и напиши об этом и назови своё сочинение "Разная осень". А помогут тебе стихи, которые есть в твоей книжке.

Настя открыла нужную страницу и прочла: "Глухая пора листопада..."

— А почему эти слова стоят в кавычках?

— Это первая строчка из стихотворения Бориса Пастернака "Иней". Для названия раздела книги, в котором ты прочтёшь стихи и рассказы об осени, взято не всё стихотворение, а одна строчка из него (это называется цитата), поэтому она заключена в кавычки. Ты потом увидишь: таких названий разделов в книге несколько.

— Папа, а почему так странно называется пора листопада — "глухая"?

— Так видит и слышит осень поэт Борис Пастернак. Этот образ осени можно понимать по-разному: "глухая" пора, когда опали почти все листья, поэтому все звуки в лесу приглушены, "глухая" — это может быть и пора поздней осени, и тишина осеннего леса.

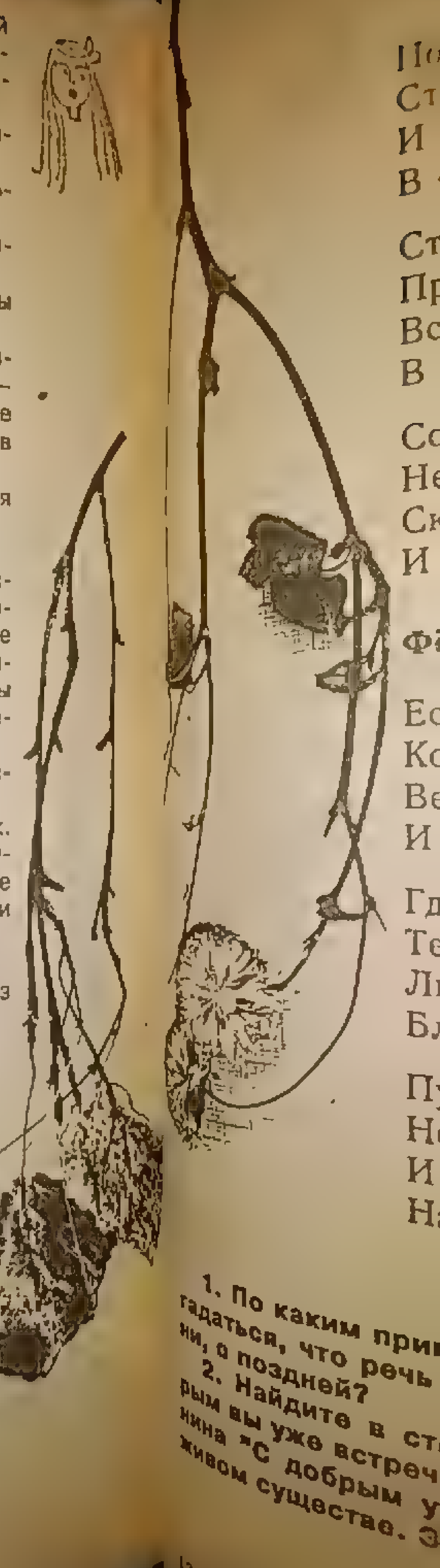
— Пап, а чем мне помогут стихи об осени?

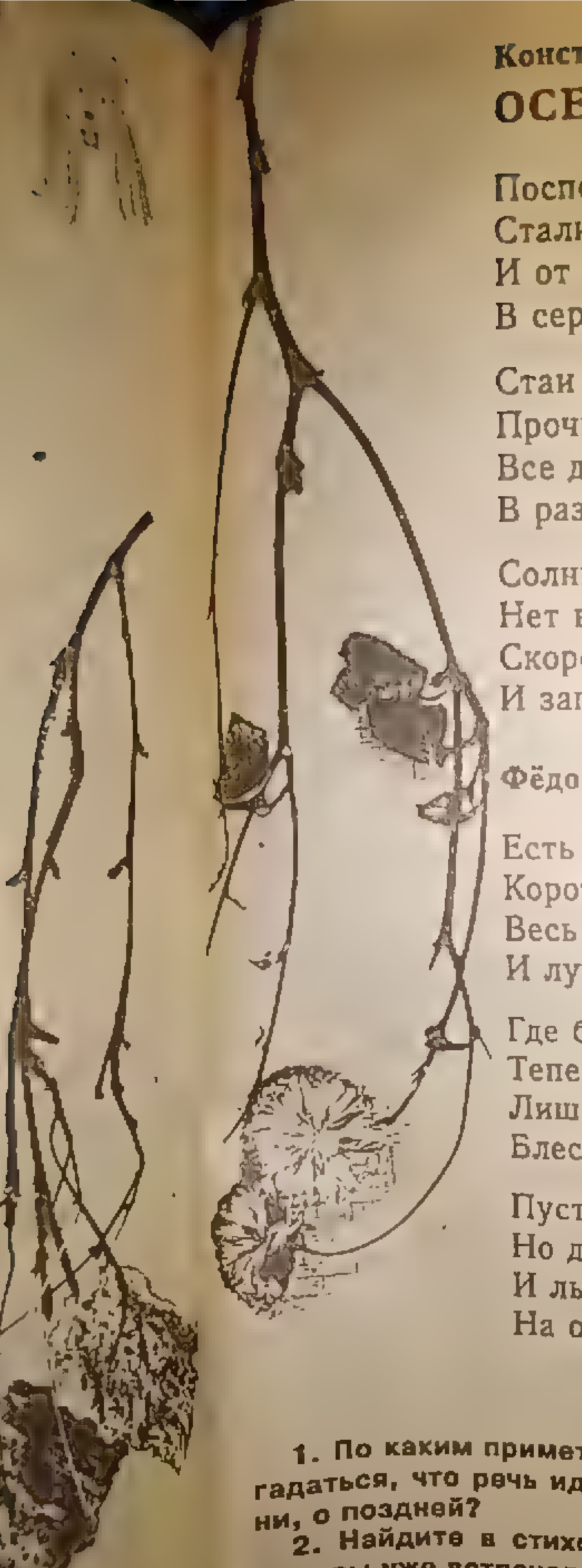
— А ты прочти их и увидишь, что осень в каждом из них — разная...

Александр Сергеевич ПУШКИН

ОСЕНЬ
(отрывок)

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдалённые седой зимы угрозы.

Константин БАЛЬМОНТ

ОСЕНЬ

Поспевает брусника,
Стали дни холоднее.
И от птичьего крика
В сердце только грустнее.

Стаи птиц улетают,
Прочь, за синее море,
Все деревья блистают
В разноцветном уборе.

Солнце реже смеётся,
Нет в цветах благовонья.
Скоро Осень проснётся
И заплачет спросонья.

Фёдор ТЮТЧЕВ

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора.
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера.

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё — простор везде,
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко ещё до первых зимних бурь —
И льётся чистая и тёплая лазурь
На отдыхающее поле...

1. По каким приметам в каждом стихотворении можно догадаться, что речь идёт о наступлении осени, о ранней осени, о поздней?

2. Найдите в стихотворении К.Бальмонта приём, с которым вы уже встречались, когда читали стихотворение С.Есенина "С добрым утром", — о природе поэт говорит, как о живом существе. Этот приём называется ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ.

Зак. 691

3. Попробуйте заменить эти строчки обычным описанием: скоро начнётся осень и пойдут дожди. Что изменится в стихотворении? В его настроении?

4. Ребята, а вы уже начали учить наизусть стихи из нашей книги? Очень советуем! А в конце учебного года вы можете устроить конкурс. Большинство из этих стихотворений — для любого возраста, и вы будете с удовольствием читать их и через год, и через десять лет.

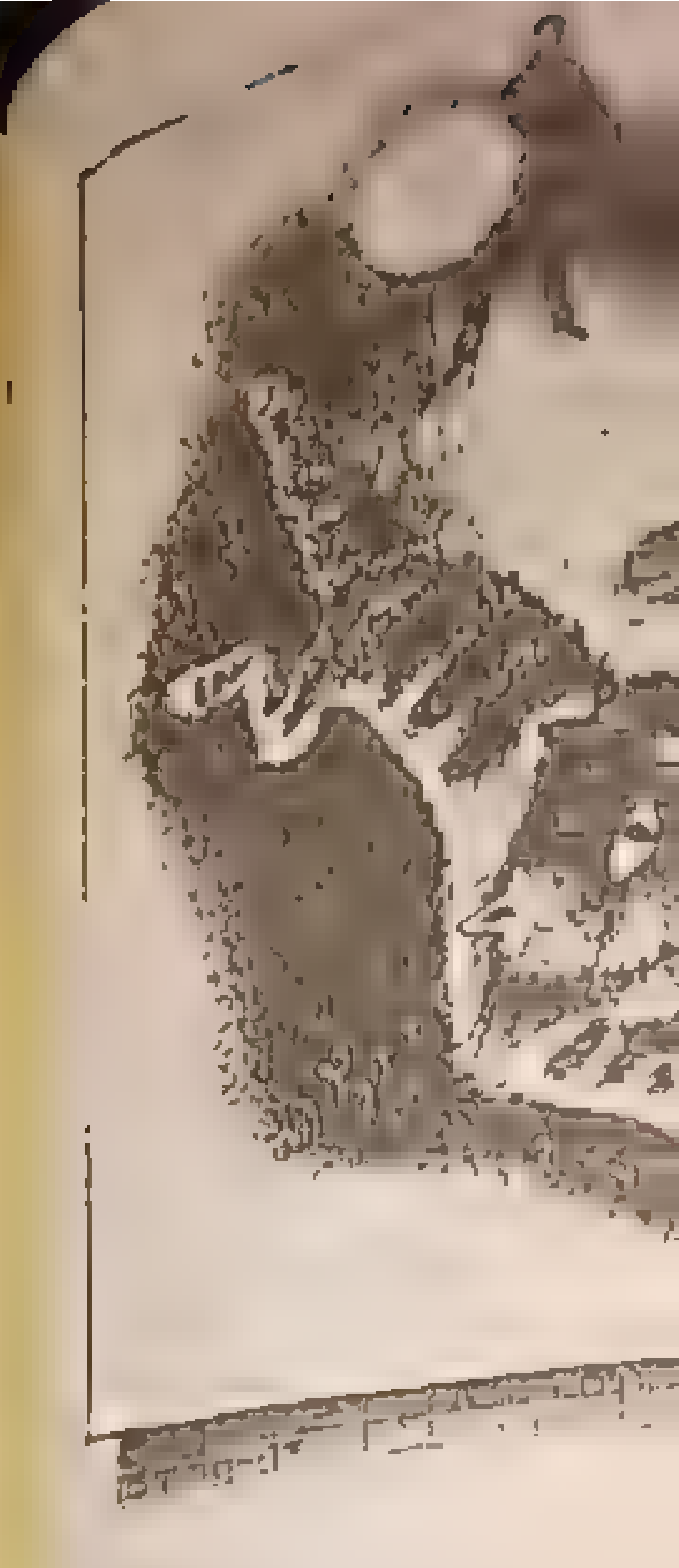

Настя прочитала стихи и задумалась:

— Папа, вот мы читали стихи о лете, теперь об осени. А почему о природе так часто говорят стихами?

— Попробую тебе объяснить, — не сразу ответил папа. — Понимаешь, стихи обращаются к чувствам людей, они легче вызывают определённые переживания, настроение. Хотя о красоте природы, о чувствах, которые она вызывает, можно писать и прозой. Вот, например, у Константина Паустовского есть целая книга об этом — "Мещорская сторона". Прочти один из его рассказов.

Ребята, сейчас вы будете читать рассказ Паустовского "Мой дом". Пожалуйста, прочтите его внимательно, постарайтесь увидеть картины, нарисованные словами, каждую деталь.

Маленький д
описания.
шитая серым тё
то отгорожен от
кол — западня д
Каждый раз, ког
стей — рыжие,
берут дом в оса
ре, на крышах,
друга и ждут ве
кукан с рыбой –
таким расчётом,
Вечером коты
и собираются п
лапы, а передни
хи, стараясь за
играют в волейб
прыгивает, вцеп
на нём, качается
коты бьют от до
чается это тем,

Константин **ПАУСТОВСКИЙ**

МОЙ ДОМ

1.

Маленький дом, где я живу в Мещоре, заслуживает описания. Это бывшая баня, бревенчатая изба, обшитая серым тёсом. Дом стоит в густом саду, но почему-то отгорожен от сада высоким частоколом. Этот частокол — западня для деревенских котов, любителей рыбы. Каждый раз, когда я возвращаюсь с ловли, коты всех мастей — рыжие, чёрные, серые и белые с подпалинами — берут дом в осаду. Они шныряют вокруг, сидят на заборе, на крышах, на старых яблонях, подвывают друг на друга и ждут вечера. Все они смотрят, не отрываясь, на кукан с рыбой — он подвешен к ветке старой яблони с таким расчётом, что достать его почти невозможно.

Вечером коты осторожно перелезают через частокол и собираются под куканом. Они подымаются на задние лапы, а передними делают стремительные и ловкие взмахи, стараясь зацепить кукан. Издали кажется, что коты играют в волейбол. Потом какой-нибудь наглый кот подпрыгивает, вцепляется в кукан мёртвой хваткой, висит на нём, качается и старается оторвать рыбу. Остальные коты бьют от досады друг друга по усатым мордам. Кончается это тем, что я выхожу с фонарём из бани. Коты,

застигнутые врасплох, бросаются к частоколу, но не успевают перелезть через него, а протискиваются между кольями и застревают. Тогда они прижимают уши, закрывают глаза и начинают отчаянно кричать, прося пощады.

Осенью весь дом засыпан листьями, и в двух маленьких комнатках становится светло, как в облетающем саду.

Трещат печи, пахнет яблоками, чисто вымытыми полами. Синицы сидят на ветках, пересыпают в горле стеклянные шарики, звенят, трещат и смотрят на подоконник, где лежит ломоть чёрного хлеба.

В доме я ночую редко. Большинство ночей я провожу на озёрах, а когда остаюсь дома, то ночую в старой беседке в глубине сада. Она заросла диким виноградом. По утрам солнце бьёт в неё сквозь пурпурную, лиловую, зелёную и лимонную листву, и мне всегда кажется, что я просыпаюсь внутри зажжённой елки. Воробьи с удивлением заглядывают в беседку. Их смертельно занимают часы. Они тикают на врытом в землю круглом столе. Воробьи подбираются к ним, слушают тиканье то одним, то другим ухом и потом сильно клюют часы в циферблат.

Особенно хорошо в беседке в тихие осенние ночи, когда в саду шумит вполголоса неторопливый отвесный дождь.

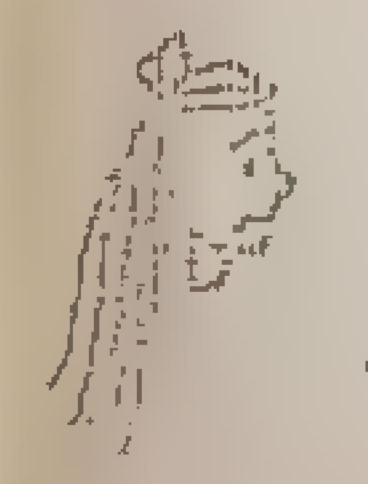
Прохладный воздух едва качает язычок свечи. Угловатые тени от виноградных листьев лежат на потолке беседки. Ночная бабочка, похожая на комок серого шёлка-сырца, садится на раскрытую книгу и оставляет на странице тончайшую блестящую пыль. Пахнет дождём — нежным и вместе с тем острым запахом влаги, сырых садовых дорожек.

На рассвете я просыпаюсь. Туман шуршит в саду. В тумане падают листья. Я вытаскиваю из колодца ведро воды. Из ведра выскакивает лягушка. Я обливаюсь колодезной водой и слушаю рожок пастуха — он поёт ещё далеко, у самой околицы.

Я иду ... свою песню ... ет внимания ... Светает. Я ... ный спит у ка... подымает голо... на рассвете. О... хает. Я отплыв... носится запах ... безмолвие воды...

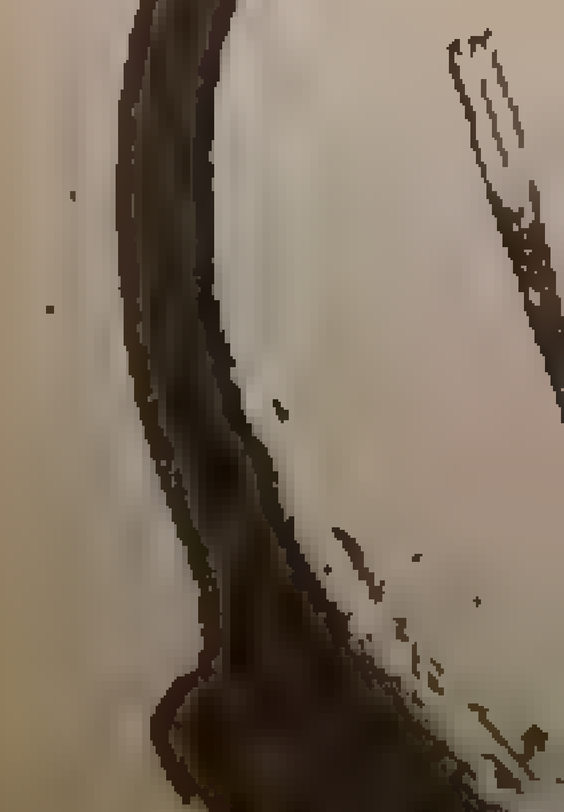
Впереди — ... — затерянност... трав, осеннего ... кого неба. И э... стье.

Ребята, опиш... го. Расскажите, ... рыбой. Предста... о звуках и запах...

— Па... в проз... спроси...

— Ну... творени...

Я иду в пустую баню, кипячу чай. На печке заводит свою песню сверчок. Он поёт очень громко и не обращает внимания ни на мои шаги, ни на звон чашек.

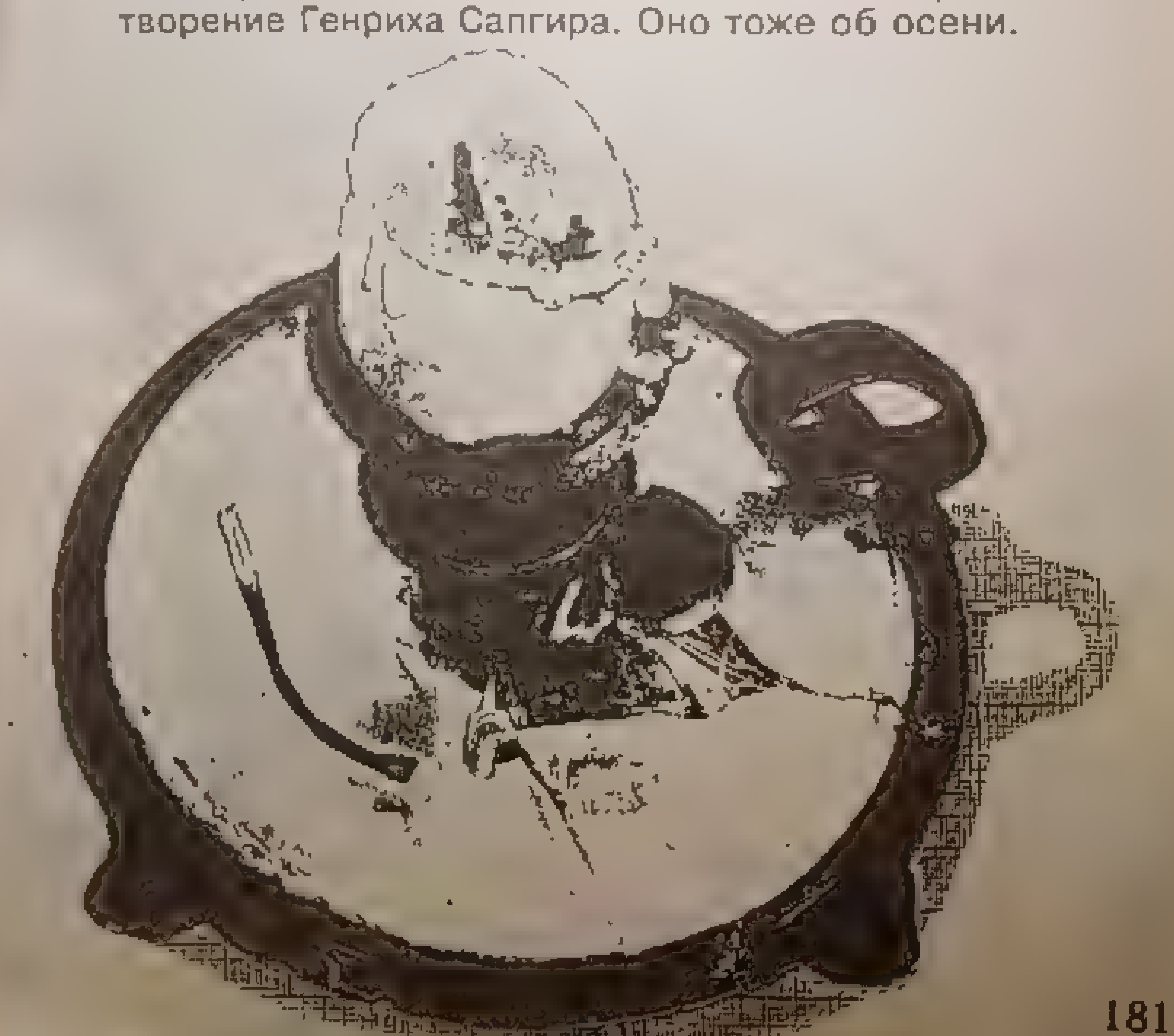
Светает. Я беру вёсла и иду к реке. Цепной пёс Дивный спит у калитки. Он бьёт хвостом по земле, но не подымает головы. Дивный давно привык к моим уходам на рассвете. Он только зевает мне вслед и шумно вздыхает. Я отплываю в тумане. Восток розовеет. Уже не доносится запах дыма сельских печей. Остаётся только безмолвие воды, зарослей вековых ив.

Впереди — пустынный сентябрьский день. Впереди — затерянность в этом огромном мире пахучей листвы, трав, осеннего увядания, затишливых вод, облаков, низкого неба. И эту затерянность я всегда ощущаю как счастье.

Ребята, опишите словами, как выглядел дом Паустовского. Расскажите, как коты старались добраться до кукана с рыбой. Представьте, что вы ночуете в беседке, расскажите о звуках и запахах осеннего сада.

— Папа, значит, об осени можно писать и в стихах, и в прозе, но настроение всегда будет грустное? — спросила Настя.

— Ну почему же? Необязательно. Вот прочти стихотворение Генриха Сапгира. Оно тоже об осени.

ЧЕТЫРЕ КОНВЕРТА

Вот конверт
Большой и жёлтый.
Как же нас, конверт,
Нашёл ты?

Листья по ветру неслись.
И конверт летел,
Как лист.
Через поле —
Ниже,
Выше,
Прошуршал
По скату крыши,
Соскользнул
Тихонько
Вниз
И улёгся на карниз.

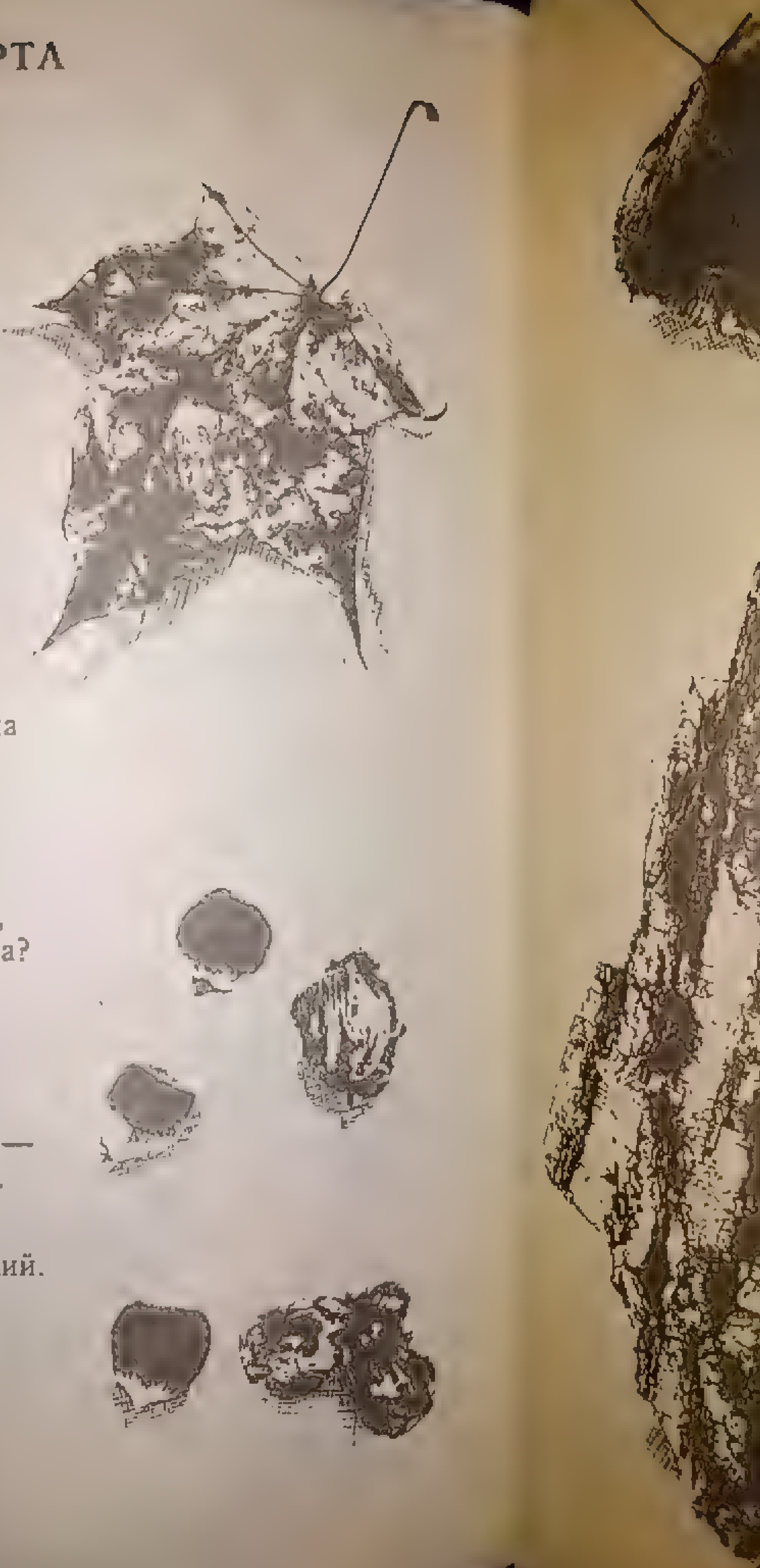
Тут на стул Алёнка встала
И конверт легко достала.
На конверте адрес мой.
А обратный чей?
Лесной!

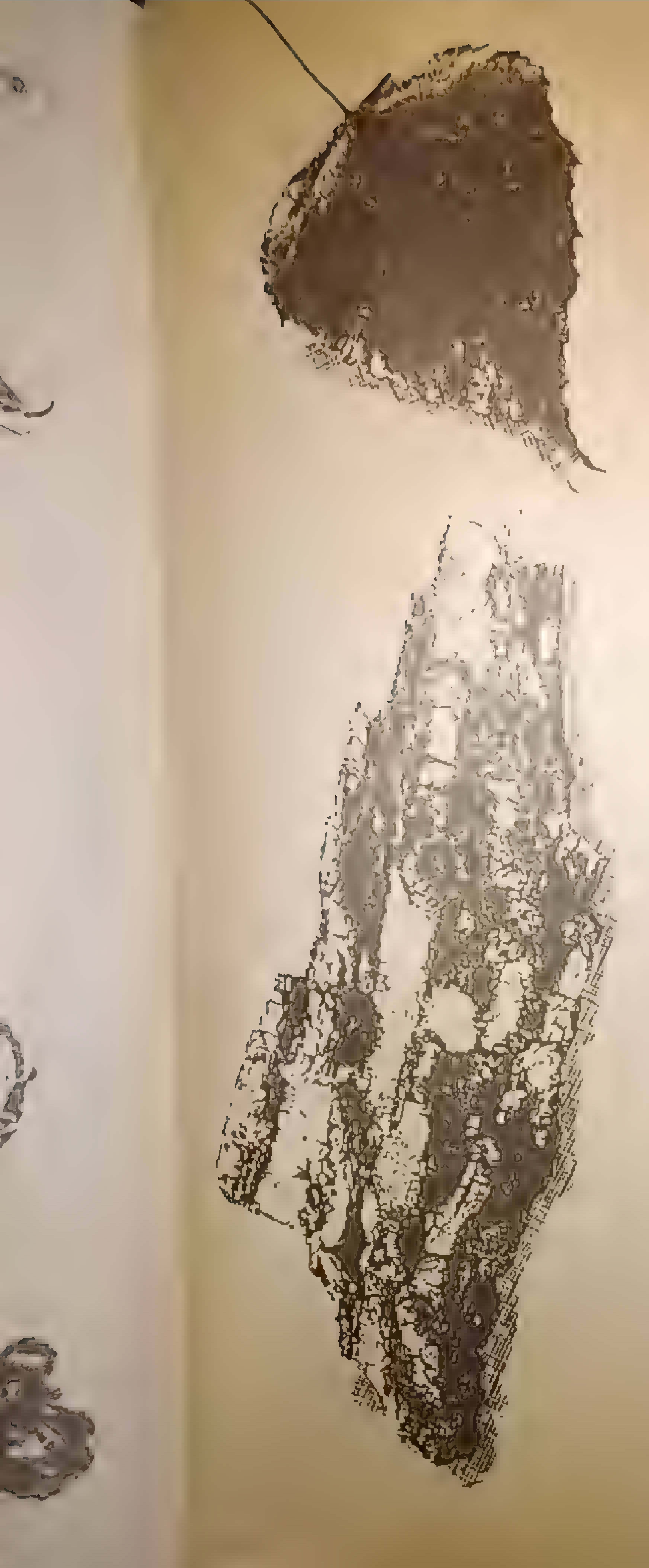
Смотрим не без интереса,
Что же пишут нам из леса?
Пишут Лисы,
Пишут Лоси,
Пишут Зайцы:
"Осень! Осень!"

"Пожелтело всё вокруг", —
Пишет пёстрый бурундук.

Вот записка и от Белки.
Почерк Белки очень мелкий.
Полчаса мы разбирали,
Над словами хмуря лбы,
Наконец-то прочитали:
"Есть орехи и грибы".

Пишут Утки с озера:
"Ночью подморозило.

Ох, озябли
Наши лапки.
Наши лапки
Очень зябки.

Рано утром
Мы собрались
И на юг
Лететь собрались.
И решило
Всё собранье
Передать вам
"До свиданья".

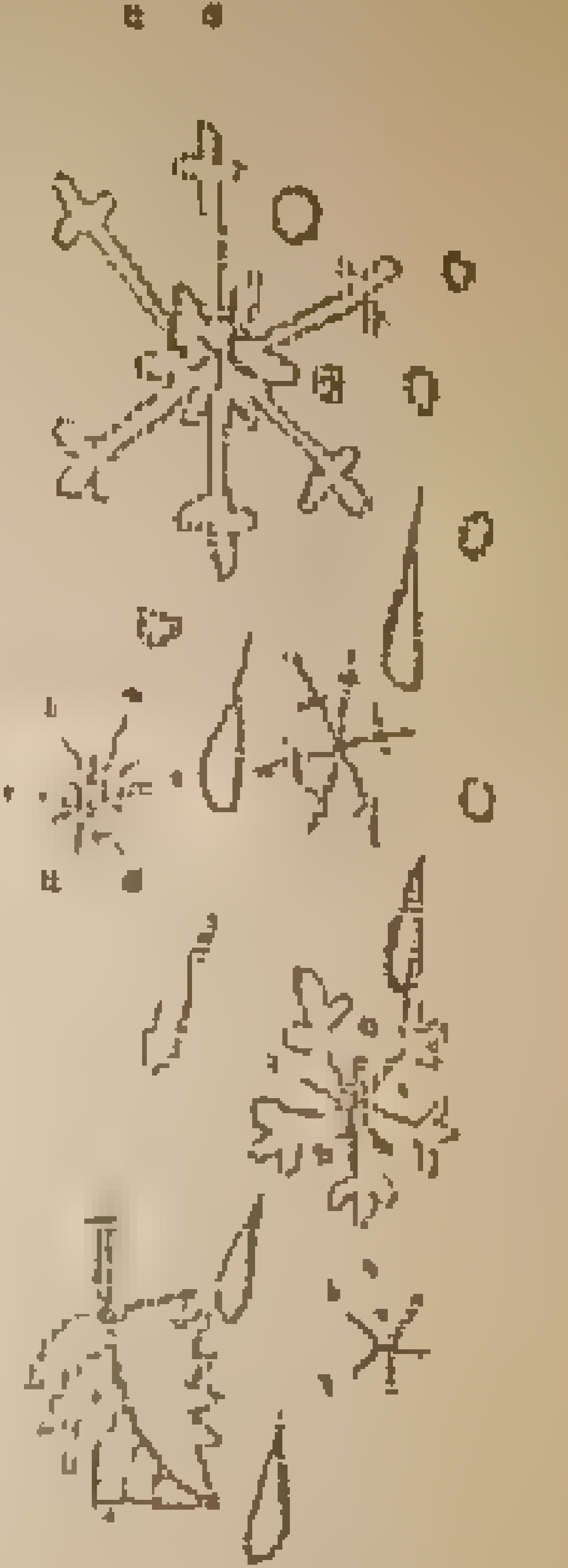
Пишет Михаил Иваныч:
"Отыскал берлогу на ночь.
Утки тянут
В путь-дорогу.
До весны!
Ложусь в берлогу".

Пишет ёжик:
"Листопад.
На пеньке — семья опят.
Тут же под корнями пня
Комнатёнка у меня.
На постели —
лист резной...
Ждите весточки — весной".
Ящерица написала:
"Бегать по лесу устала.
Кто — в берлогу,
Кто — в нору.
Я же прячусь
Под кору".

И ещё два ерша
Нацарапали спеша
Извещение о том,
Что река
Покрылась льдом.
Переписка
Прекращается.
До весны
Ерши прощаются.

Давид САМОЙЛОВ

ПЕРЕД СНЕГОМ

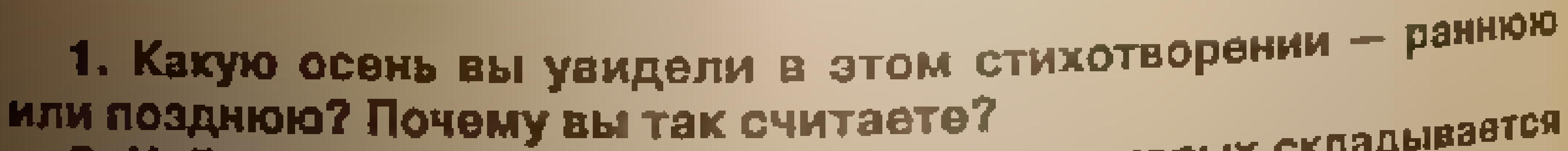

И начинает уставать вода.
И это означает близость снега.
Вода устала быть ручьями, быть дождём,
По корню подниматься, падать с неба.
Вода устала петь, устала течь,
Сиять, струиться и переливаться.
Ей хочется утратить речь, залечь
И там, где залегла, там оставаться.

Под низким небом, тяжелей свинца,
Усталая вода сияет тускло.
Она устала быть самой собой.
Но предстоит ещё утратить чувства,
Но предстоит ещё заледенеть
И уж не петь, а, как броня, звенеть.

Ну а покуда в мире тишина
Торчат кустов безлиственные прутья.
Распутица кончается. Распутья
Подмёрзли. Но земля ещё черна
Вот-вот повалит первый снег

(Из сб. "Дни", 1963—1970)

1. Какую осень вы увидели в этом стихотворении — раннюю или позднюю? Почему вы так считаете?
2. Найдите в стихотворении детали, из которых складывается пейзаж ("низкое небо" ...).
3. Объясните, как вы понимаете поэтический образ "вода устала"?

... За окном тихо падали первые снежинки. Чёрная земля становилась белой и лёгкой... Настя долго стояла у окна и вдруг сказала:

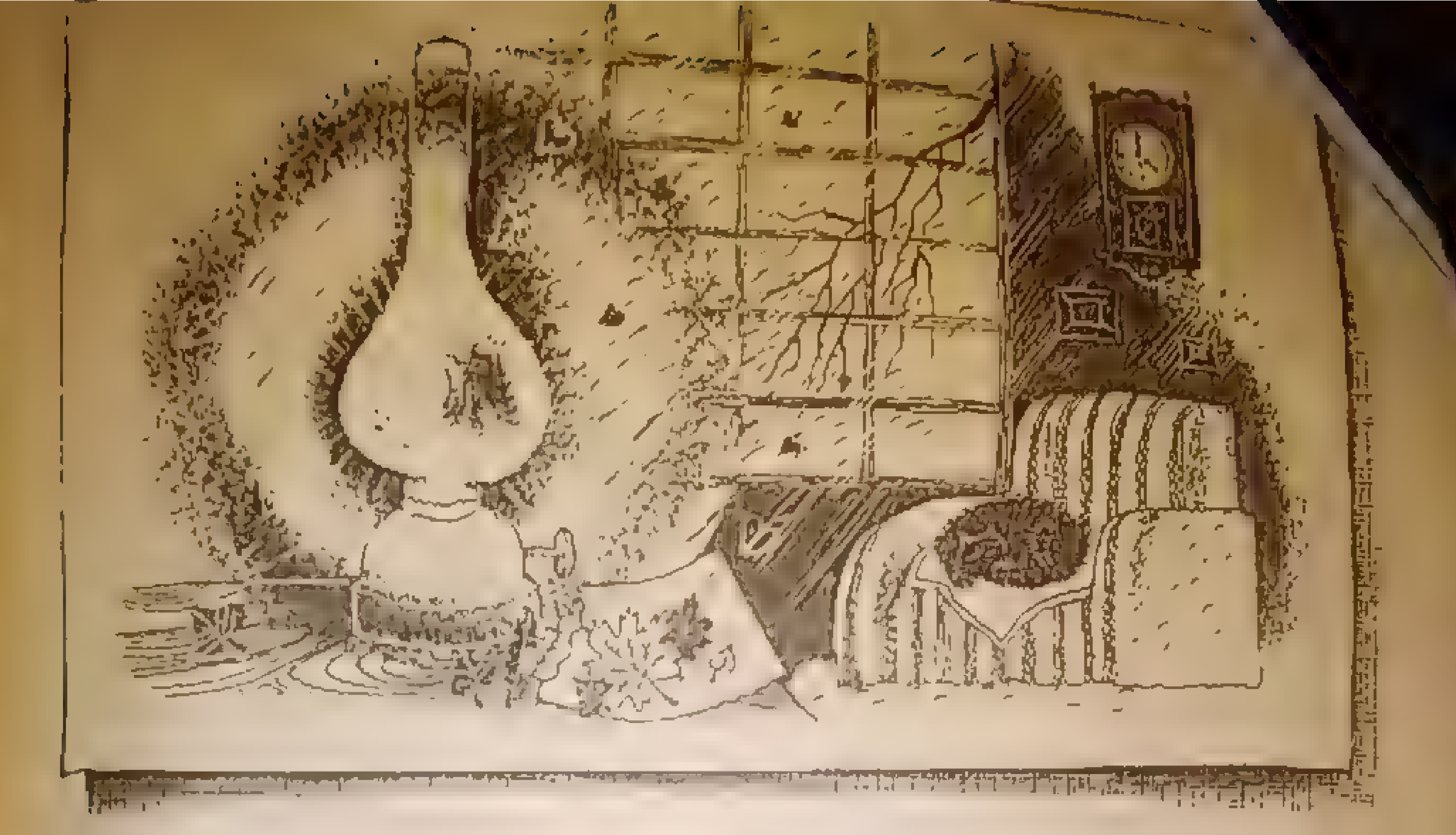
— Папа, я, кажется, поняла, о чём стихотворение Давида Самойлова. Оно о том, что с началом зимы жизнь природы как бы замедляется: устаёт и засыпает вода, замирают деревья. Наверное, только в стихах можно так ярко и точно передать это состояние природы.

— Ну почему же только в стихах? — возразил папа. — И в прозе можно встретить созвучные настроения. Вот, например, у Константина Паустовского. Прочитай его рассказ "Прощание с летом" и постарайся это почувствовать.

Несколько дне
В саду шуме
уже зажигали кер
что лето окончило
и дальше в глухие
Был конец ноя
Кот спал весь де
вздрагивал во сне,
Дороги размыло
хожую на сбитый
под стрехи, и вот
навещал: ни дед
чий.

.Лучше всего бы
Шумел огонь, багро
стенах и на стар
Брюллова. Откинув
казалось, так же к
думал о прочитанно
по тесовой крыше.

Константин **ПАУСТОВСКИЙ**

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

Несколько дней лил, не переставая, холодный дождь. В саду шумел мокрый ветер. В четыре часа дня мы уже зажигали керосиновые лампы, и невольно казалось, что лето окончилось навсегда и земля уходит всё дальше и дальше в глухие туманы, в неуютную те́мень и сту́жу.

Был конец ноября — самое грустное время в деревне. Кот спал весь день, свернувшись на старом кресле, и вздрагивал во сне, когда тёмная вода хлестала в окна.

Дороги размыло. По реке несло желтоватую пену, похожую на сбитый белок. Последние птицы спрятались под стрехи, и вот уже больше недели, как никто нас не навещал: ни дед Митрий, ни Ваня Малявин, ни лесничий.

Лучше всего было по вечерам. Мы затапливали печи. Шумел огонь, багровые отсветы дрожали на бревенчатых стенах и на старой гравюре — портрете художника Брюллова. Откинувшись в кресле, он смотрел на нас и, казалось, так же как и мы, отложив раскрытую книгу, думал о прочитанном и прислушивался к гудению дождя по тесовой крыше.

Ярко горели лампы, и всё пел и пел свою нехитрую песню медный самовар-инвалид. Как только его вносили в комнату, в ней сразу становилось уютно — может быть, оттого, что стёкла запотевали и не было видно одинокой берёзовой ветки, день и ночь стучавшей в окно.

После чая мы садились у печки и читали. В такие вечера приятнее всего было читать очень длинные и трогательные романы Чарльза Диккенса или перелистывать тяжёлые тома журналов "Нива" и "Живописное обозрение" за старые годы.

По ночам часто плакал во сне Фунтик — маленькая рыжая такса. Приходилось вставать и закутывать его тёплой шерстяной тряпкой. Фунтик благодарил сквозь сон, осторожно лизал руку и, вздохнув, засыпал. Темнота шумела за стенами плеском дождя и ударами ветра, и страшно было подумать о тех, кого, может быть, застигла эта ненастная ночь в непроглядных лесах.

2.

Однажды ночью я проснулся от странного ощущения. Мне показалось, что я оглох во сне. Я лежал с закрытыми глазами, долго прислушивался и, наконец, понял, что я не оглох, а попросту за стенами дома наступила необыкновенная тишина. Такую тишину называют "мёртвой". Умер дождь, умер ветер, умер шумливый, беспокойный сад. Было только слышно, как посапывает во сне кот.

Я открыл глаза. Белый и ровный свет наполнял комнату. Я встал и подошёл к окну — за стёклами всё было снежно и безмолвно. В туманном небе на головокружительной высоте стояла одинокая луна, и вокруг неё переливался желтоватый круг.

Когда же выпал первый снег? Я подошёл к ходикам. Было так светло, что ясно чернели стрелки. Они показывали два часа.

Я уснул в полночь. Значит, за два часа так необыкновенно изменилась земля, за два коротких часа поля, леса и сады заворожила стужа.

Через окно я увидел, как большая серая птица села на ветку клёна в саду. Ветка закачалась, с неё посыпался снег. Птица медленно поднялась и улетела, а снег всё сыпался, как стеклянный дождь, падающий с ёлки. Потом снова всё стихло.

Проснулся Рувим. Он долго смотрел за окно, вздохнул и сказал:

— Первый снег очень к лицу земле.

Земля была нарядная, похожая на застенчивую невесту.

3.

А утром всё хрустело вокруг: подмёрзшие дороги, листья на крыльце, чёрные стебли крапивы, торчавшие из-под снега.

К чаю приплёлся в гости дед Митрий и поздравил с первопутком.

— Вот и умылась земля, — сказал он, — снеговой водой из серебряного корыта.

— Откуда ты это взял, Митрий, такие слова? — спросил Рувим.

— А нешто не верно? — усмехнулся дед. — Моя мать, покойница, рассказывала, что в стародавние годы красавицы умывались первым снегом из серебряного кувшина и потому никогда не вяла их красота. Было это ещё до царя Петра, милок, когда по здешним лесам разбойники купцов разоряли.

Трудно было оставаться дома в первый зимний день. Мы ушли на лесные озёра, дед проводил нас до опушки. Ему тоже хотелось побывать на озёрах, но "не пускала ломота в костях".

4

В лесах было торжественно, светло и тихо.

День как будто дремал. С пасмурного высокого неба изредка падали одинокие снежинки. Мы осторожно дышали на них, и они превращались в чистые капли воды, потом мутнели, смерзались и скатывались на землю, как бисер.

Мы бродили по лесам до сумерек, обошли знакомые места. Стаи снегирей сидели, нахохлившись, на засыпанных снегом рябинах.

Мы сорвали несколько гроздей схваченной морозом красной рябины — это была последняя память о лете, об осени.

На маленьком озере — оно называлось Лариным прудом — всегда плавало много ряски. Сейчас вода в озере была очень чёрная, прозрачная — вся ряска к зиме опустилась на дно.

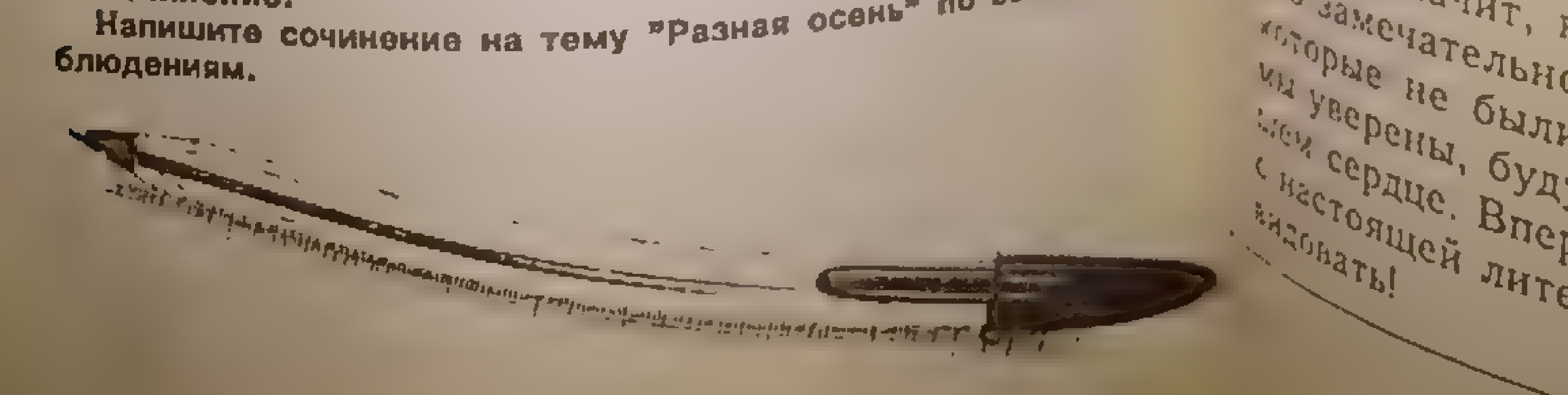
У берегов наросла стеклянная полоска льда. Лёд был такой прозрачный, что даже вблизи его было трудно заметить. Я увидел в воде у берега стаю плотиц и бросил в них маленький камень. Камень упал на лёд, зазвенел, плотицы, блеснув чешуёй, метнулись в глубину, а на льду остался белый зернистый след от удара. Только поэтому мы и догадались, что у берега уже образовался слой льда. Мы обламывали руками отдельные льдинки. Они хрустели и оставляли на пальцах смешанный запах снега и брусники.

Кое-где на полянах перелетали и жалобно попискивали птицы, небо над головой было очень светлое, белое, а к горизонту оно густело, и цвет его напоминал свинец, оттуда шли медленные, снеговые тучи.

В лесах становилось всё сумрачнее, всё тише, и, наконец, пошёл густой снег. Он таял в чёрной воде озера, щекотал лицо, порошил серым дымом леса.

Зима начала хозяйничать над землёй, но мы знали, что под рыхлым снегом, если разгрести его руками, ещё можно найти свежие лесные цветы, знали, что в печах всегда будет трещать огонь, что с нами остались зимовать синицы, и зима показалась нам такой же прекрасной, как лето.

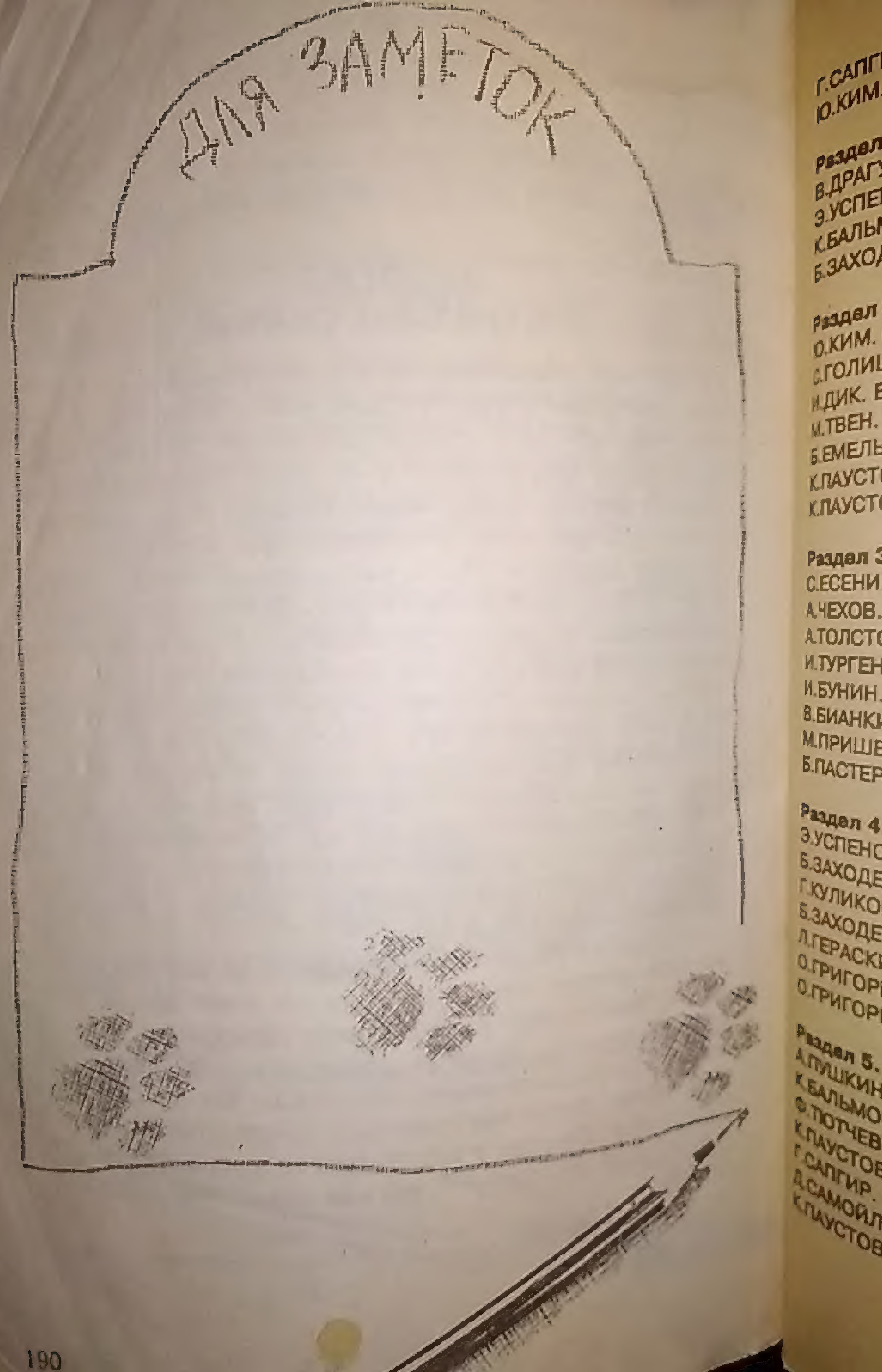
Сочинение.
Напишите сочинение на тему "Разная осень" по вашим наблюдениям.

ДОРОГИЕ ТРЕТЬЕКЛАССНИКИ!

Вот вы и познакомились с нашей Настей и ее папой, прочитали первые разделы книги. Наверное, вы уже поняли, что эта книга для чтения сделана как один год из жизни Насти и её семьи. Наша героиня ходит в школу, играет, читает книжки, узнаёт много нового о людях, об их отношениях друг к другу и постепенно взрослеет. Настя уже понимает, что литература — это особый вид искусства. Для того чтобы читатель понял мысль автора, чтобы он сочувствовал героям, думал вместе с ними, у писателей есть главное оружие — слово. Словами писатели рисуют картины природы и портрет героев, повествуют о событиях и размышляют над поступками людей. В чём же сила слова, его воздействие? "Может быть, писатели владеют тайной слова?" — спросите вы. Да, несомненно. И у каждого из них эта тайна — своя собственная. Внимательно читая стихи и рассказы, повести и поэмы, вы прикасаетесь к этой тайне.

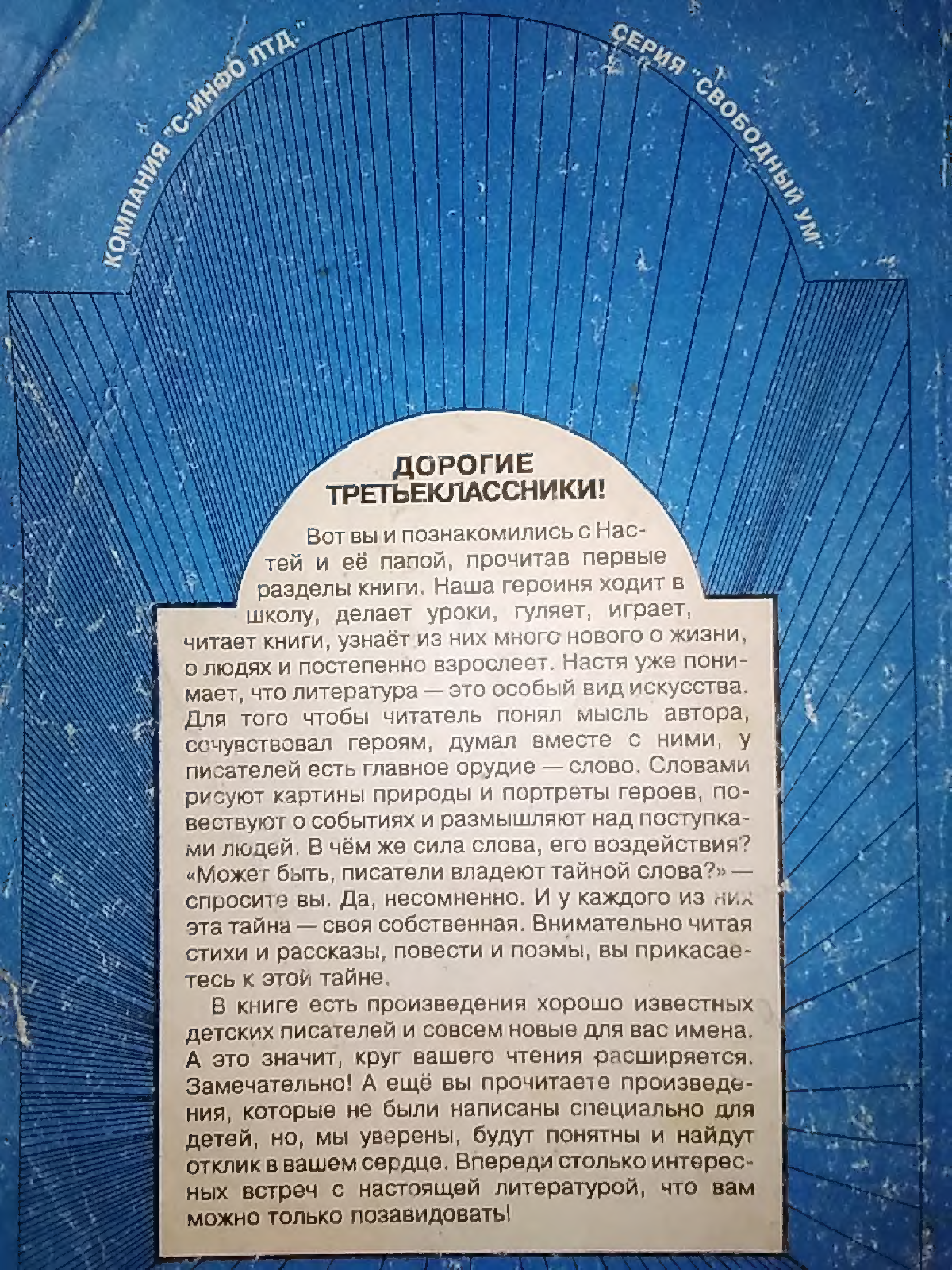
В книге вы встретите произведения хорошо вам известных детских писателей и совсем новые для себя имена. Значит, круг вашего чтения расширяется — и это замечательно. А ещё вы прочитаете произведения, которые не были написаны специально для детей, но мы уверены, будут вам понятны и найдут отклик в вашем сердце. Впереди у вас столько интересных встреч с настоящей литературой, что вам можно только позавидовать!

ДЛЯ ЗАМЕТОК

СОДЕРЖАНИЕ

Отпечатано в типографии «Красная звезда»
123826, ГСП Москва, Д-7, Хорошевское шоссе, 38

Заказ №691. Формат 70х108 1/16
Бумага офсетная №1
Гарнитура pragmatica
Печать офсетная. 12 печатных листов.
Третий завод
(125.001-175.000)

ДОРОГИЕ ТРЕТЬЕКЛАССНИКИ!

Вот вы и познакомились с Настей и её папой, прочитав первые разделы книги. Наша героиня ходит в школу, делает уроки, гуляет, играет, читает книги, узнаёт из них много нового о жизни, о людях и постепенно взрослеет. Настя уже понимает, что литература — это особый вид искусства. Для того чтобы читатель понял мысль автора, сочувствовал героям, думал вместе с ними, у писателей есть главное орудие — слово. Словами рисуют картины природы и портреты героев, повествуют о событиях и размышляют над поступками людей. В чём же сила слова, его воздействия? «Может быть, писатели владеют тайной слова?» — спросите вы. Да, несомненно. И у каждого из них эта тайна — своя собственная. Внимательно читая стихи и рассказы, повести и поэмы, вы прикасаетесь к этой тайне.

В книге есть произведения хорошо известных детских писателей и совсем новые для вас имена. А это значит, круг вашего чтения расширяется. Замечательно! А ещё вы прочитаете произведения, которые не были написаны специально для детей, но, мы уверены, будут понятны и найдут отклик в вашем сердце. Впереди столько интересных встреч с настоящей литературой, что вам можно только позавидовать!